



...Изумительное дело художников: так чудесно схватывает, концентрирует и воплощает человек типическое, рассеянное в воздухе, что во сто крат усиливает его существование и влияние...

И . А . Б у н и н

...The artists' craft is wonderful: so wonderfully does a man capture, concentrate and embody the typical things scattered in the air that their existence and influence is magnified a hundredfold...

I . A . B u n i n

<
Автопортрет
Собрание семьи художника

<
Self-portrait
Collection of Artist's Family

...Итак, я жил тогда в Одессе

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

А . С . П у ш к и н

...And so, I lived in Odessa then

I lived back then in dry Odessa...
Where skies for endless days are clear,
Where commerce, bustling, crowds and presses
And sets its sails for far and near;
Where all breathes Europe to the senses,
And sparkling Southern sun dispenses
A lively, varied atmosphere.
Along the merry streets you'll hear
Italian voices ringing loudly;
You'll meet the haughty Slav, the Greek,
Armenian, Spaniard, Frenchman sleek,
The stout Moldavian prancing proudly;
And Egypt's son as well you'll see,
The one-time corsair, Morali.

And then there's Southern sun and ocean...
What more, my friends, could you demand?
A blessed and most favoured land!

A . S . P u s h k i n ,
transl. by James E. Falen

ЕФИМ ЛАДЫЖЕНСКИЙ ОДЕССА МОИХ ЮНЫХ ЛЕТ

YEFIM LADIZHENSKI
ODESSA OF MY YOUTH

100
ЮБИЛЕЙ JUBILEE

ISBN ???????????????

**Виктория Ладыженская выражает
благодарность за поддержку и
участие в издании альбома:**

внучке художника Маше Ладыженской
Семье Кононовых
Михаилу Трубнику
Нортону и Нэнси Додж
Семье Кельнер
Семье Калинских
Семье Смит
Семье Венициных
Вере Гуткиной
Григорию Анисимову

**Victoria Ladizhenskaya expresses
her gratitude for support and participation
in the publication of this album to:**

Artist's Granddaughter Masha Ladizhenskaya
Family Khononov
Misha Trubnik
Norton and Nancy Dodge
Family Kelner
Family Kalinsky
Family Smith
Family Vinitsky
Vera Gutkin
Gregory Anisimov

Составитель альбома: Виктория Ладыженская

Редактор русского текста: Ирина Кельнер
Перевод на английский язык: Михаил Загорский
Редактор английского текста: Михаил Загорский

Фотографы: Ави Амсалям, Бен Харрис, Офра Нахум
Дизайн: 2w-design.com

The album was compiled by: Victoria Ladizhenskaya

Russian editor: Irene Kelner
Translation into English: Misha Zagorski
English editor: Misha Zagorski

Photographers: Avi Amsalem, Ofra Nahum, Ben Harris
Design: 2w-design.com

Персональный сайт художника **www.yefimladizhinsky.com**

© Виктор&Виктория Ладыженские

Printed by Printiv
Израиль /Israel 2010

Юбилейный альбом представляет

значительную часть монументальной

живописной серии художника

«ОДЕССА МОИХ ЮНЫХ ЛЕТ»

Фрагменты произведений

А.С.Пушкина, И.А.Бунина, А.И.Куприна,

К.Г. Паустовского, В.П.Катаева,

других авторов и мемуаров самого

художника, взятые в качестве

комментариев к разделам серии и к

конкретным картинам, помогут зрителю

глубже почувствовать и проникнуться

атмосферой, живоописанной на

полотнах серии Одессы.

This jubilee album showcases

a significant part of the artist's

monumental series

“ODESSA OF MY YOUTH”

Fragments from works by

A.S.Pushkin, I.A.Bunin, A.I.Kuprin,

K.G. Paustovsky, V.P.Kataev,

other authors and the memoirs

of the artist himself, used

as commentary to parts of the series

and to separate paintings,

will allow the viewer to better feel

the atmosphere of Odessa portrayed

in the series.



Катер Лоцмана
Частное собрание

The Navigator's Boat
Private Collection

Мемуары Ефима Ладыженского

Вероятно, на выставке Ефима Ладыженского в Музее Израиля многие зрители испытывают прямо противоположные чувства, притом чувства, лишь косвенно относящиеся к самим картинам художника.

Одни вздыхают с облегчением при виде этих столь ясных и понятных произведений. Нарисованные люди – люди, собака – собака. Если уж картина называется «Свадьба», то нет сомнений – это свадьба, а не похороны. (Есть на выставке и очень красивые «Похороны».) Словом зритель уверен, что его не дурачат.

Другие, боюсь, смущены: не совершают ли они непозволительную уступку живописному консерватизму? Были бы эти полотна написаны в 10-е или 20-е годы – ну, куда не шло. Но ведь мы уже в конце 70-х, а живой и, слава Богу, бодрый автор ходит между нами и, кажется, продолжает работать в той же манере. И ведь всего лишь этажом выше в это же время выставлены огромные панно Сэма Френсиса в стиле сугубого абстрактного экспрессионизма...

Признаюсь, и те, и другие радости и страхи мне чужды. Мне чужды пренебрежение и подозрительность к самым модернистским явлениям современного искусства. Пренебрежение, которое в крайней его форме выражается во фразе: «Да так и я бы мог нарисовать!» Когда я вижу геометрические композиции Мондриана или красочные фейерверки Джексона Поллака, я знаю точно: я таких произведений, к великому сожалению, создать не могу.

Yefim Ladizhenski's Memoirs

Many visitors of Yefim Ladizhenski's exhibition in the Israel Museum probably experience a mixture of directly opposite feelings, which are moreover only partially related to the artist's paintings.

Some people sigh with relief after seeing these clear and understandable works. The people painted in them are actually people, a dog is a dog. If a painting is called "Marriage" it is undoubtedly a marriage, not a funeral. (There is also a very beautiful "Funeral" in the exhibition.) In other words, the viewer is sure he is not being made a fool of.

Others are confused, I'm afraid: aren't they making too much of a concession to artistic conservatism? If these canvases were painted in the tens or the twenties, that would be more or less all right. But we're nearing the end of the seventies and the living and thankfully vigorous author is walking among us and apparently continues to work in the same manner. And just one floor higher huge Sam Francis panels which are styled in a purely abstract expressionist manner are exhibited...

I confess that both this joy and this fear are foreign to me. I don't share the disdain and suspicion towards the most modernist phenomena of modern art. Disdain in its extreme form can be expressed in the phrase: "I could draw like that myself!" When I see Mondrian's geometrical compositions or Jackson Pollack's colorful fireworks, I know for sure that I cannot create works like that, unfortunately.

Still less can I understand the fear to be classified as a conservative and look a supporter of outdated realism. Actually, the movement which not only

В арбузной гавани
Частное собрание
Нортон и
Нэнси Додж

In the Watermelon
Harbour
The Norton and Nancy
Dodge Collection



Ещё меньше я понимаю страх оказаться в консерваторах и выглядеть приверженцем устарелого реализма. В живописи XX века как раз очень сильно направление, которое стремится не только сохранить за произведением изобразительного искусства общефилософскую и декоративную ценность, но и рассматривает картину, как сцену из жизни, как историю, рассказ, хотя очень часто – и как фантастический рассказ. Кафкианские ужасы – одна из самых модных тем современной живописи. (И в этой сфере наблюдается – не к ночи будь упомянута! – инфляция.)

Но вернёмся на выставку Ладыженского. Картины его (о них хочется говорить сразу обо всех) принадлежат к жанру мемуаров, или даже точнее – рассказов о детстве. Как известно, обычно эти произведения создаются немолодыми писателями или живописцами, уже под старость, когда внушительное число лет отделяет автора от его былого. Тогда к ним добавляются ещё и «думы».

Одесса 20-х годов, город юности Ефима Ладыженского – живёт на его полотнах. Странное дело – эти 20-е годы сегодня тоже становятся «добрым старым временем». Ирония превращается в элегию. Так читаем мы главы о Черноморске из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова. Так, кстати, и поставил свою экранизацию по этой книге Михаил Швейцер, пригласив на роль Остапа Бендера тонкого, артистичного, с грустными глазами Юрского.

Это «Боже, что за время было!» звучит и с картин Ладыженского. Образ жизни за минувшие 50 лет изменился столь радикально, что нелегко представить себе, как это умещается в пределах краткого людского века. Катастрофические события нашего столетия и, в каком-то смысле, не менее жестокий к человеку техниче-

Кафе Печёцкого
Частное собрание

Pechyoski's Cafe
Private collection



tries to keep the philosophical and decorative value behind a work of art, but also considers a painting to be a scene from life, a story, if often a fantastic one, is very strong in twentieth century art. Kafkaian horrors are one of the most fashionable subjects of modern painting. (And one can clearly see – Heaven forbid! – inflation in this sphere.)

But let us return to Ladizhenski's exhibition. His paintings (one wants to talk about all of them at once) belong to the genre of memoirs, or, to be even more precise, stories of childhood. As it is known, these works are usually made by elderly writers or artists, closer to old age, when an impressive number of years separates the author from his past. Then they are also joined by his meditations.

Odessa of the twenties, the city of Yefim Ladizhenski's youth, lives on his canvases. It's a strange thing, but these twenties are also becoming "the good old time" today. Irony turns into elegy. In this way we read the Chernomorsk chapters of "The Golden Calf" by Ilf and Petrov. In this way, incidentally, Mikhail Schweitzer shot his screen version of the book, inviting the thin, artistic, sad-eyed Yurskiy for the role of Ostap Bender.

This "Oh, God, what a time it was!" also sounds in Ladizhenski's paintings. The way of life in the past fifty years has changed so radically that it is hard to imagine how this could happen within the brief human lifespan. The catastrophic events of our century and, in a certain way no less brutal towards the human being technical progress, impart an incomparable value to even the simplest memories. The value of that which has been saved in words, on a canvas or paper, on a photograph or film is particularly doubtless in our time.

Миньян
Частное собрание

Minyan
Private Collection



ский прогресс, придают самым простым воспоминаниям несравненную ценность. Ценность того, что сохранено в слове, на холсте или бумаге, на фотографии или киноплёнке, в наше время особенно бесспорна.

Душевная широта живописи Ладыженского выражается в его пристальном внимании к значительному и мелкому. Тут есть и какой-то вызов той жестокой иерархии ценностей, которую установил современный мир, а тоталитарные системы довели до предела.

В «Свадьбе» художник с одинаковым уважением пишет разодетых в пух и прах гостей, жениха, невесту, музыкантов. И не только люди, но и блюда на столе, серый ствол каштана, белые «свечи» соцветий – всё это обработано кистью крепко и добротнo. Ни один предмет не обижен, каждому дано своё. Надписи составляют неотъемлемую часть этого плотно набитого людьми и предметами мира. Мы можем прочесть имена одесских лавочников и названия пароходов. И я дорого дал бы, чтобы узнать, что случилось далее с владельцем магазина И.А.Коганом и где плавает сейчас «Чичерин»? Это не столь уж странное желание, ибо живопись Ладыженского по природе своей документальна. Скажем, в композицию могли бы быть включены (по смыслу, а не стилистически) текстовые объявления или подлинные фотографии.

Этот взгляд ребёнка, вспоминающего детство, и одновременно историка – архивиста заставил художника отказаться от одного из главных орудий организации мира в классической живописи – от перспективы.

Пространство не уходит в даль от зрителя, и предметы не уменьшаются с удалением. Они разложены по плоскостям холста красиво и просто, как на витрине. Про-

Мастерская памятников
Собрание
семьи художника

The Tombstone Workshop
Collection
of Artist's Family



The spiritual scope of Ladizhenski's art is expressed in his careful attention towards both the important and the little. There's also a certain challenge here to the strict hierarchy of values, which has been built by the modern world and which has been brought to its extreme by totalitarian systems.

In “Marriage” the artist shows an equal respect for the dressed-up guests, the bridegroom, the bride, and the musicians. And not only the people, but also the dishes on the table, the grey trunk of the chestnut tree, the white flowers – all of this was worked upon thoroughly by the brush. Not a single thing has been neglected; everything has been given its due. Letterings are an inseparable part of this world, which is densely populated by people and things. We can read the names of Odessa merchants and of steam ships. And I would have given a lot to find out what happened later to the shop owner I.L. Kogan and where “Chicherin” is sailing now. This desire is not particularly strange, since Ladizhenski's art is documentary by its nature. For instance, text advertisements or real photos could have become a part of the composition, not stylistically, but as a meaningful part of it.

This view by a child remembering childhood and at the same time an archivist-historian forced the artist to give up one of the main methods of organizing the world in classical art – the perspective.

Space doesn't move away from the viewer, and things don't become smaller when they go farther. They are laid out on the surface of the canvas simply and prettily like in a shop window. Space is curved in such a way that it is convenient for the viewer to look

Большая стирка
Частное собрание
Кононовых

The Big Laundry
The Khononov Collection



странство выгнуто так, чтобы зрителю было удобно рассматривать его. В картине «Арбузная гавань» мы видим сам причал и горы арбузов примерно с точки зрения стоящего на этом же причале человека, но дальше плоскость переламывается, и шаланды с арбузами показаны сверху, чтобы можно было лучше оценить арбузы — их цвет, величину, красоту.

В композиции «Моя улица в 1921 году» брусчатка мостовой видна сверху, но дома по обе стороны улицы видны не под углом, а прямо, в лоб, как бы лежащие в одной плоскости с землёй. Приём этот выполняется с такой естественностью и внутренней необходимостью, что его почти не замечаешь.

Но отказ от глубины пространства воспринимается и как приём смысловой. Пространственные планы, прижатые к плоскостихолста, не позволяют зрителю общаться с тем, что происходит по ту сторону от картины. То, что там, уже не с нами, а в каком-то ином, далёком от нас мире. Линия, отделяющая нас от них — своего рода сценическая рамка, — очень четка, и мы не можем общаться с тем, кто находится за ней. Мы зрители, а не участники этих свадеб, похорон и торжищ, хотя именно такое участие, казалось бы совершенно естественным.

Момент этот очень драматичен. Нам не дано уже в белых теннисках и белых чесучовых брюках сидеть под полосатым тентом кафе, не дано мчать по бульвару в пролётке лихача, объедаться сверх меры и надобности на чьей-то свадьбе, смотреть с восторгом и ужасом на запряжённых в катафалк лошадей под белыми сетчатыми покрывалами и на покойницу в белых туфельках в открытом гробу, не дано слушать уханье духового оркестра, надрывающего душу шопеновским мар-

Вечерние новости
Собрание
семьи художника

Evening News
Collection
of Artist's Family



at it. In the painting “Watermelon Harbor” we can see the dock and the watermelon mountains from the point of view of a man standing on the same dock, but then the plane is broken and the scows with watermelons are shown from above, so that we could better appreciate the watermelons: their size, their color, their beauty.

In the composition “My Street in 1921” the cobblestones are shown from above, but the houses on both sides of the street can be seen directly and not under an angle, as if they lay in the same plane with the earth. This technique is used so naturally and with such inner necessity that one almost doesn't notice it.

However, not using space depth can be also perceived as a way to convey meaning. Spatial arrangements pressed against the surface of the canvas don't allow the viewer to communicate with what is going on on the other side of the painting. What is there isn't with us, but in another, far away world. The line that separates us from them — a scenic frame of sorts — is very clear, and we cannot communicate with those who are behind it. We are viewers and not participants of these marriages, funerals and markets, although such participation would seem perfectly natural.

This is very dramatic. We shall never sit under the striped cafe tent in white T-shirts and white tussah trousers, fly along the boulevard in a fast cab, overstuff ourselves with food at some people's marriage, look with awe at hearse horses under white net covers and at the dead woman in white shoes in an open coffin, listen to the brass band playing Chopin's march. And of course, I also could have been the boy standing there among the viewers, but I shall never be able to meet him.

Похороны директора
ЦЕРАБКООПА
Собрание
семьи художника

Central Committee
Chairman's Funeral
Collection
of Artist's Family



шем. И мальчиком, который стоит там, среди зрителей, конечно мог бы быть и я, но встретиться с ним я уже никогда не смогу.

Мир Ладыженского очень красив. Светлые, прозрачные тона летней толпы, мягкий серый тон булыжной мостовой, густая зелень арбузов, благородная синева моря.

Чуть-чуть притворяясь ребёнком, художник любит симметрию. Радиусами расходятся верёвки с висящим бельём в садике какого-то дома. Свадебные столы правильно вписаны в раму картины.

И всё-таки, весёлая и беззаботная Одесса не так уж весела, когда присмотришься к ней попристальней.

Как часты у Ладыженского серые зимние дни с тусклым светом, влажным воздухом и тающим снегом, как печальны одинокие извозчики, которым не дожидаться седока. Десять евреев ещё стоят в синагоге – старики, одноногий инвалид. Пока ещё есть миньян, но где возьмут они десятого, когда один из них умрёт?..

Смерть – частый мотив этих полотен.

Пилят на бульваре стволы крепких и толстых деревьев. Живоёр ухватил дворняжку своей проволоочной петлёй, и ей уже не уйти.

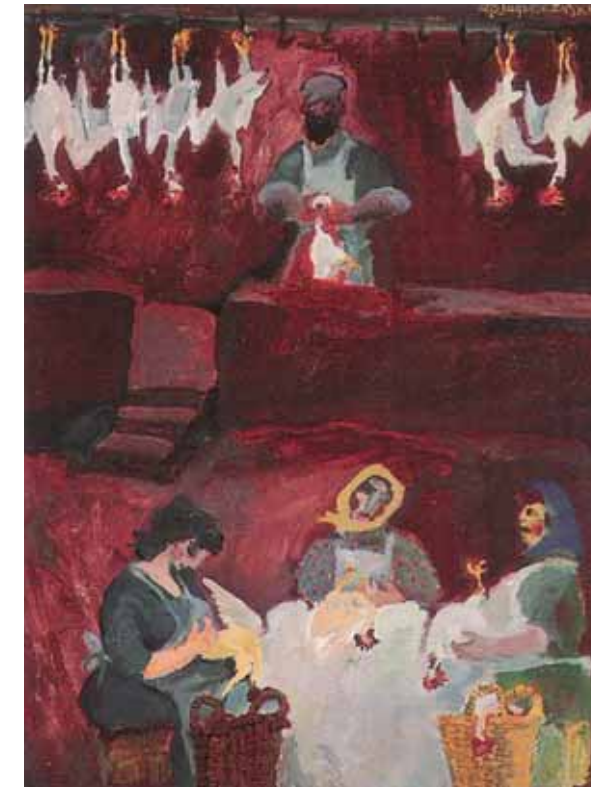
С жестокой отвагой художник упоминает и о себе. В мастерской памятников на одном из надгробий он поместил и своё имя, не проставив лишь год смерти. Трудно не оценить этот жест любви и верности родному городу и тому времени, которое уже ушло.

И о с и ф Л е щ и н с к и й

Общественно-политический и литературный журнал
“ДВАДЦАТЬ ДВА” №10 1979 год

Шойхет
Частное собрание
Нортон и Нэнси Додж

Shoihet
The Norton and Nancy
Dodge Collection



Ladizhenski's world is very beautiful. We can see the light, transparent colors of the summer crowd, the soft grey hue of the cobblestone pavement, the deep greenness of watermelons, the noble blueness of the sea.

Pretending to be a child a little bit, the artist likes symmetry. Linen hanging on ropes is spread out like radiuses in a garden. Marriage tables are inscribed accurately in the frame of the painting.

However, gay and blithe Odessa is not quite so gay if one looks at it more attentively.

How common are grey winter days with dim light, damp air and melting snow on Ladizhenski's paintings, how sad are lonely cabbies, which aren't getting any clients. Ten Jews are still standing in a synagogue: old men, a one-legged invalid. They still have a minyan, but where will they find the tenth one when one of them dies?..

Death is a common theme on these canvases. People are sawing thick and strong trees on the boulevard. A slaughterer has caught a mongrel with his wire noose and he won't escape.

With ruthless courage the artist mentions himself too. In a tombstone shop there is a tombstone with his name, with only the date of death missing. It is hard not to appreciate this gesture of love and loyalty to his hometown and the time which had already gone.

Josef Leschinskiy

Literary and social magazine "TWENTY-TWO", #10, 1979

...Моя Одесса — чудесный город, и определялась она не архитектурой, как некоторые города в мире, и потому ее у меня в картинах почти нет. Нет и неба, потому что особого неба, кроме доброго, тогда над Одессой не было. Были закаты и восходы и серое, покрытое тучами, небо, и ясное, голубое. «И был вечер, и было утро». Были люди, и их я носил в своей душе, их помнил и ощущал больше, чем дом на Дерибасовской, угол Ришельевской. Они любили кушать и пить, им нужны были стол и тарелки, они ездили на дрожках, они торговали и покупали, они работали и учились. «И сотворил Бог землю», а они, одесситы, устали ее плитками и булыжниками, уложили рельсы и пустили по ним трамваи русско-бельгийского общества.

...Они были интернационалисты. Они любили попариться по-русски в бане Исаковича и попить чай в трактире «Медведь», они радовались очередной еврейской свадьбе, они любили, любили себя и других, они страдали, страдали за других и за себя. Этот микромир захлестнул меня. Он стал моей реальностью.

С. Рашидовский



...My Odessa is a wonderful town and unlike many cities of the world she wasn't defined by architecture, which is why there is almost none of it in my pictures. There is no sky either, because there was no special sky, other than a kind one, over Odessa. There were sunsets and sunrises, a grey cloudy sky and a clear blue one. "And there was evening and there was morning". There were people, and I carried them in my soul, I remembered and felt them better than a house on the corner of Deribasovskaya and Rishelievskaya. But I am not Mark Chagall for them to hang in the air and fly in the sky. They liked to eat and drink, they needed tables and plates, they drove buggies, they sold and bought, and they worked and studied. "God made the earth", and they, the Odessans, paved it with tiles and cobblestones and put rails on it and started the Russian-Belgian society trams.

...They were internationalists. They liked to visit Isakovich's Russian bath and to drink tea in the "Bear" pub, they were happy about every new Jewish wedding, they loved, loved themselves and others, they suffered, suffered for others and for themselves. This microworld overwhelmed me. It became my reality.

С. Рашидовский



Любое ремесло несёт в себе элементы, почти соприкасающие его с искусством,

но искусство нигде и никогда не родится без ремесла.

Any craft has elements nearing it to art, but nowhere and never is art born without craftsmanship.

С.П.А.Р.Ж.Е.Н.С.К.И.И





Кровельщики
Частное собрание Кононовых

Roofers
The Khononov Collection



Ремонт Успенской церкви
Частное собрание

Uspenie Church Renovation
Private Collection



Часовщик Коган
Частное собрание

Kogan the Watchmaker
Private Collection



Фотография Осиповича
Собрание семьи художника

Osipovich's Photo
Collection of Artist's Family



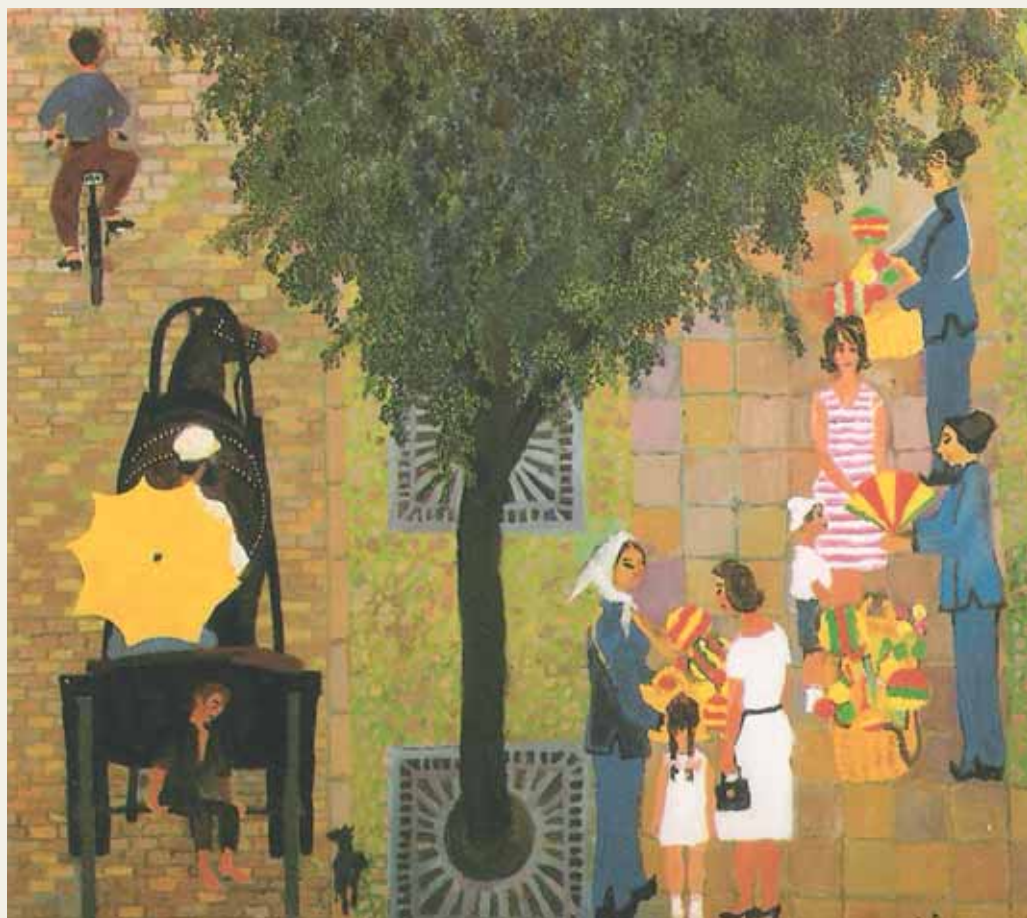
Пекарня Коротянского
Частное собрание

Korotyanski's Bakery
Private Collection



Корнер
Частное собрание

Corner
Private Collection



Китайские рукоделия
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Chinese Handicraft
The Norton and Nancy Dodge Collection

В середине 20-х годов в Одессу приехало несколько семей китайцев. Почему и как они с берегов Жёлтого моря приплыли к берегам Чёрного, не знаю. Мужчины все одевались в бумажную синюю одежду, а женщины уже тогда ходили в штанах. Женщины удивляли своими крохотными, закованными в колодки, ножками, а мальчишки — матерными словами, единственными, произносимыми ими по-русски.

Китаянки продавали удивительные рукоделия из тонкой бумаги, окрашенные в яркие цвета. Они руками крутили цветной картонный цилиндр, набитый опилками, он вращался вокруг канифоли на палочке, издавая от трения суровой нитки скрипучий, царапающий звук. Китаец-жонглер на базаре орудовал тремя мисочками и тремя шариками и приговаривал: «Шалика и здесь, шалика и там.» И действительно они поражали своим отсутствием под той мисочкой, под которую он клал шарик. Жонглировал он и острейшими ножами и горящими факелами и, наконец, на обнажённых торсе, шее и руках он вращал деревянную палку, по которой свободно перемещались заточенные, очень острые металлические диски, издающие неприятный, угрожающий звук.

Это была безупречно чистая работа, на которую смотрел, замерев напряжённый зритель.

Ефим Ладыженский

In the middle of the twenties several Chinese families found their way to Odessa. I could never understand why and how they arrived to the shores of the Black Sea from the coast of the Yellow one. All the men wore blue paper-like clothes, and women, even in those early days, wore trousers. The women astonished us with their tiny bound feet, and the boys by their swear words, the only ones they could pronounce in Russian.

The Chinese women sold marvelous hand-made souvenirs made from thin, gaily-coloured paper. By hand, they rolled a small, coloured cylinder stuffed with sawdust, which rotated around a container on a stick giving out scratchy, squeaky sounds by the rubbing of a rough thread. In the marketplace, a Chinese juggler performed with three bowls and three small balls, repeating in distorted Russian: "Ball here too, ball there too". And indeed to our amazement the ball always disappeared from under the bowl under which it was originally put. He also juggled with sharp knives and burning torches and, finally, demonstrated his skill rotating a wooden stick on his naked torso and on his neck, with sharp metallic discs moving up and down along the stick, omitting ominous, screeching sounds.

This was an irreproachably neat act, stared at by the spellbound spectators.

Ефим Ладыженский



Пильщики дров
Собрание семьи художника

Sawing Wood
Collection of Artist's Family



Пожар
Частное собрание

A Fire
Private Collection



Баня Исаковича
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Isakovich's Baths
The Norton and Nancy Dodge Collection



Цирюльник Кольтмахтер
Частное собрание

Koltmacher the Barber
Private Collection



Три кустаря-одиночки на один патент
Частное собрание Кононовых

Three Lone Artisans for One Patent
The Khononov Collection



Чистильщики обуви
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Boot Cleaners
The Norton and Nancy Dodge Collection



Мой дядя Шолом
Частное собрание

My Uncle Sholom
Private Collection



Выезд доктора Ворошильского
Собрание семьи художника

Doctor Voroshilski's Departure
Collection of Artist's Family



Парикмахерская «Два брата»
Частное собрание

Hairdresser's "Two Brothers"
Private Collection



Школа Столярского
Частное собрание

Stolyarski's Music School
Private Collection



Очаковская скумбрия
Частное собрание Смит

Ochakovo Mackerel
The Smith Collection

Мой папа, мастер по засолке рыбы, работал в фирме Моисея Филоновича Таланова, являвшейся поставщиком двора Его Императорского Величества Николая II. Фирма имела какие-то медали и пользовалась хорошей репутацией в значительной мере благодаря умению моего отца.

...Из всех засаливаемых рыб я больше всего запомнил СКУМБРИЮ. Эта рыба приходила из Средиземного моря огромными стаями «в сопровождении» остроносой, хищной пелагиды, непригодной к еде, грубой, жёсткой, как все пожиратели и уничтожители изящного. Большие косяки скумбрии проскальзывали через Дарданеллы и Босфорский проливы к просторам Чёрного моря. Проплывая вдалеке от Румынии и Болгарии, они неожиданно появлялись у берегов Одессы в виде тёмных островков и обнаруживали себя несметным количеством чаек, кружащихся с криком над ними. Те рыбы, которых не вылавливали рыбаки Каролина-Бугаз и Одессы, двигались далее к Очакову, где их тоже поджидали неводы и сети, и, наконец, те, кого судьба уберегла и от этой западни, вылавливались в Керчи.

Ефим Ладыженский

My father, a master of fish pickling, worked in Moses Filonovich Talanov’s firm, which had been a supplier for the court of His Imperial Highness Nikolai II. It was owing to my father’s skill that the firm had certain medals and a good reputation.

...Of all the fish that were being pickled, I remembered MACKEREL the most. This fish came from the Mediterranean Sea “escorted” by the predatory sharp-nosed bonito, which was inedible, rough and tough as are all the devourers and destroyers of the elegant. Great mackerel schools slipped through Dardanelles and Bosphorus into the vast space of the Black Sea. Swimming far from Romania and Bulgaria, they appeared suddenly at Odessa’s shores as dark islands and betrayed their presence by the huge numbers of seagulls circling and shouting above them. Those fishes that weren’t caught by the fishermen of Carolina Bugaz and Odessa moved on to Ochakov, where nets were also waiting for them, and finally those who managed to avoid that trap too were caught in Kerch.

Ефим Ладыженский



Засолка скумбрии
Частное собрание

Salting Mackerel
Private Collection

„„„ П апа вставал в два с половиной – три часа летнего утра. Выпивал стакан крепкого, горячего чая и отправлялся на Старый Базар, где располагались погреба. По освящённым керосиновыми лампами лестницам вниз спускались женщины с корзинами, наполненными излучающей люминесцентный свет скумбрией. Отец здоровался со всеми, приподнимая шляпу, снимал пиджак, закатывал белейшие рукава верхней и нижней рубашек, надевал кожаный фартук и приступал к работе. Женщины разного возраста сидели возле рыб, лежащих на холодном, каменном полу. Работа заключалась в том, чтобы выпотрошить рыбок, положить их в корзину, а жабры и внутренности – в рядом стоящее ведро. Из ледяной воды отец извлекал скумбрию головкой вниз. Начинив её двумя-тремя кристалликами крымской соли, укладывал белый животик одной рыбки рядом с синей с тёмными прожилками спинкой другой. Заполнив доверху деревянную бочку, он вливал саламур, изготовленный по рецепту, известному только ему одному. Когда заканчивалась засолка десяти-пятнадцати тысяч рыб, вымывали пол до чистоты корабельной палубы, и женщины в тех же клеёнчатых фартуках отправлялись на Базар торговать бычками...

Ефим Ладыженский

„„„ D ad got up at half past two or at three o'clock in the summer morning. He drank a glass of hot strong tea and went to the Old Bazaar, where the cellars were. Women with baskets filled with luminescent mackerel went down the stairs lit with kerosene lamps. Father greeted them all by raising his hat, took off his coat, rolled up the very white sleeves of his shirt and undershirt, put on a leather apron and started work. Women of varying age sat near the fish, which was lying on the cold stone floor. The job was to gut the fishes, put them into the basket and put the fins and innards into a bucket standing nearby. Father took the mackerel head downwards out of the ice-cold water. Putting two or three crystals of Crimea salt inside, he put the white stomach of one next to the blue dark-veined spine of another. Filling a wooden barrel to the top, he poured in the salamur, which was made according to a recipe known only to him. After ten to fifteen thousand fishes had been salted, the floor was washed as clean as a ship deck and the women in the same tartan aprons went to the Bazaar to sell bullheads...

Ефим Ладыженский



Господин Шпиц и сыновья
Собрание семьи художника

Mr. Spitz and Sons
Collection of Artist's Family

В моём доме, как во многих домах моего города, первый этаж был занят мастерскими и лавками. Окно столярной мастерской отделялось простенком от такого же окна мастерской жестянщика Шпица.

Господин Шпиц раньше здесь только работал, а жил с семьёй на Прохоровской улице. Когда его два сына, Абрам и Струлик поженились, сварливая, златозубая супруга, мадам Шпиц, раздражаемая невестками, переехала с мужем навечно сюда, в ту часть помещения, что выходила на улицу.

Шпиц не занимался изготовлением и починкой кастрюль, вёдер. Эти ремесленники, как и стекольщики, не имея своих мастерских, ходили по домам-дворам. Кричали они громко, надсадно: «Пяять, починять вёдра, кастрюли», неся на плече длинную, четырёхгранную палку, на которой висел тоже из железа ящик с инструментами и свёрнутым листом белой жести, а свободной рукой держа за ручку железную цилиндрическую банку с дырочками, из которой шла струйка дыма. Жестянщик размахивал ею, как поп кадилом. Я помню сидящую, стучащую, режущую, паяющую фигуру забредшего во двор ремесленника.

В мастерской в доме номер 96, через дом от нашего, делали памятники-надгробья, а жестянщик Шпиц изготавливал гробы и коробочки, в которые клеивались фотографии. Эти герметические склепки он обряжал орнаментальной рамкой, отлитой из олова. Почти серебряный гроб он смастерил для знаменитой артистки, Веры Холодной. И этот гроб, и артистка, в нём лежавшая, явились поводом для долгих, витиеватых разговоров и сплетен.

The first floor in my house, as in many houses in my city, was occupied by shops and workshops. The window of the carpenter's shop was partitioned from an identical window of the tinman Spitz's shop.

Mister Spitz used to only work here, living on Prokhorovskaya street with his family. When his two sons, Abram and Strulik, got married, his ratty gold-toothed wife, madam Spitz, annoyed by the daughters-in-law, moved here forever with her husband, occupying the part of the building that overlooked the street.

Spitz did not make or repair pots or buckets. These artisans, like glassmakers, didn't have their own workshops and moved around. Their shouts were loud and strained: "Repairing buckets and pots"; they carried a long square stick on their shoulders, on which hung an iron box with instruments and a rolled-up white tin sheet, and held a cylindrical iron jar with steaming holes in their free hands. The tinman waived it like a priest waves his thurible. I can remember the sitting, hammering, cutting silhouette of the artisan who had wandered into our yard.

In the workshop in the house number 96, the one before next house to ours, tombstones were made, and the tinman Spitz made the coffins and boxes into which photographs were put. He put a tin ornamental frame on these hermetic little crypts. He crafted an almost entirely silver coffin for the famous actress Vera Kholodnaya. Both this coffin and the actress who lay in it became a subject of long-winded discussions and gossiping.

Spitz was an excellent master with an aesthetic vein. I can remember clearly how he worked on another bed for a dead man. Once it was done, the coffin became, to use a modern expression, a work of applied art.

Шпиц был великолепным мастером с эстетической жилкой. Я хорошо помню, как он колдовал над очередным ложем для покойника. В завершённом виде гроб превращался в (как бы сегодня сказали) «произведение прикладного искусства».

Прямоугольный лист цинка был усеян пластинками то ли слюды, то ли бертолетовой соли. Сняв мерку складным аршином, мастер отрезал лишнюю, ненужную полосу листа, и она, падая, издавала нескончаемый, мембранный звук. А в невыносимом скрежете ножниц, режущих металл и в назойливых, мерных, звонких ударах железного молотка, и в глухих ударах деревянного молотка по металлу было что-то угрожающее.

Подготовив в своей мастерской все составные части, сам гроб Шпиц сколачивал во дворе, и это действие для нас, мальчишек, являлось настоящим зрелищем. Всё им делалось споро, ловко. Ни чуточки сомнения, только одна сосредоточенность на лице, кожа которого точно повторяла все выступы и впадины черепа, покрытого несменяемым картузом серо-смуглого цвета. Наше мальчишеское присутствие ему, по-видимому, не мешало. Ни одного отталкивающего от себя жеста, ни одного окрика. Возможно, наше любопытство даже льстило ему, ускоряя действие его ловких рук.

В начале, будучи не то ящиком, не то корытом, гроб постепенно превращался в нечто совсем другое, в величественное изваяние. Когда внешние его поверхности и припаянные к нему орнаменты смазывались сиккативом или прозрачным лаком, а затем на них надувался алюминиевый порошок, он на глазах у заморожённых ребят становился серебряным, сказочным. Влажное лицо дующего Шпица тоже осеребрялось, и он походил на старшего брата амуров-ангелов, украшавших гроб.

...В 1941 году мастера Шпица и двух его сыновей, защищавших город от фашистов, повесили на балконе, нависавшем над его бывшей мастерской...

Ерладыженский

The rectangular zinc sheet was covered with plates of either mica or Bertole’s salt. Taking its measure, the master cut off the extra, unneeded strip of the sheet and it issued an unending membranous sound while falling. And there was something menacing in the unbearable grinding of the scissors cutting metal and in the heavy thumps of the wooden hammer on the metal.

Having prepared all the parts in his workshop, Spitz hammered the coffin itself in the yard, and this action was a real sight for us boys. He did everything quickly and deftly. There wasn’t a shadow of doubt, only concentration, on his face, whose skin repeated precisely all the bumps and cavities of his skull, which was covered by a never-changed cap of a dark grey color. Our presence didn’t seem to disturb him: he never shouted at us or gestured for us to leave. It might have been that our curiosity even flattered him, quickening the movements of his nimble hands.

Starting as a cross between a box and a washtub, the coffin gradually turned into something totally different, a magnificent statue. When its outside surfaces and soldered ornaments were lubricated with drier or a transparent lacquer, and then aluminum powder was blown over it, it became silver and fairy-tale-like in the sight of enthralled kids. Spitz’s damp face also became silver while blowing and he looked like the elder brother of the little angels adorning the coffin.

...In 1941 master Spitz and his two sons, who had defended the city from the fascists, were hung on the balcony over his former workshop...

Ерладыженский

...В мою бытность каждый человек обязан был жениться. И так свадьба! А если свадьба – то и помолвка, когда бьют тарелкой об пол, хлопают друга по рукам, по плечам, пьют вино, закусывают, плачут и смеются, и надеются. Надеются, что, если с Божьей помощью не будет войны или чумы (чтоб их холера побрала), будет вскоре свадьба.

А где начинается свадьба?

У швеи, у которой шьются для невесты белое маркизетовое или шёлковое с рюшками платье и фата из тюля или газа? У портного, где кроются, примеряются и шьются фрак, жилет и брюки с лампасами для жениха? В ломбарде, где можно всю униформу взять напрокат? В магазине на Дерибасовской, где можно купить всё необходимое для жениха и невесты? Деньги семей жениха и невесты давали ответы на эти вопросы. А вот, где этой свадьбе состояться, в значительной степени зависело от количества приглашённых гостей и от их щедрости.

Будущие свекровь и тёща уже друг друга не терпят, и потому весь праздничный стол ляжет на плечи «Саври». О! Она знает, где можно дешевле купить индюков, гусей, уток и цыплят, где и какие рыбы и сельди продаются, где берётся напрокат посуда, где снять помещение с кухней и кафельной плитой и как найти женщин-помощниц. Она всегда толста, шумна и говорлива. Она – энциклопедия всех kosherных блюд.

Савриженский

...In my time every man had to get married. Wedding! And where there's a wedding, there's an engagement, with throwing a plate on the floor, slapping each other's hands and shoulders, drinking wine, eating, weeping and laughing, and hoping. Hoping that, if with God's help there's no war or plague, damn them both, there will be a wedding soon.

And where does a wedding start?

Does it start at the seamstress's, who sews a white marquisette or silk dress with ruches and a bridal veil of tulle or gauze? Or at the tailor's, where the tails, vest and trousers with stripes are cut, fitted and sewn for the bridegroom? At the pawnshop, where one can rent the whole uniform? In the Deribasovskaya shop, where one can buy everything necessary for the bride and the groom? The money of the bride and groom families answered these questions. And where the wedding was to take place depended largely on the number and generosity of invited guests.

The future mothers-in-law already cannot stand each other, so all the cooking for the wedding will fall on "Savri's" shoulders. Oh! She knows where one can cheaply buy turkey, geese, duck and chicken, where what kind of fish and herring is sold, where to rent tableware, where to rent a room with a kitchen and a tile stove, and where to find woman-helpers. She is always fat, noisy and talkative. She is an encyclopedia of all kosher dishes.

Савриженский





Пусть будут здоровы жених и невеста
Собрание семьи художника

Good Health to the Bridegroom and the Bride
Collection of Artist's Family

“””Когда, бывало, клезмеры играли «прощальную» для невесты, покидавшей отчий дом, женщины обливались слезами, девушки на выданье падали в обморок, сваты сидели как зачумленные, а у жениха отнималась речь. Стоило им заиграть веселый фрейлехс, как пускались в пляс все от мала до велика — и грудные дети, и престарелые мужчины и женщины; казалось, вместе с ними неслись в вихре танца и тарелки на столе, и жареные утки и гуси, возлежавшие на тарелках, трещали стены, плясало все живое и мертвое.

Григорий Полянкер

“””W hen, as it often happened, Klezmers performed the “farewell” song for the bride, who was leaving her parents’ house, women wept a lot, marriageable girls fainted, the matchmakers sat as if dazed, and the groom lost his power of speech. As soon as they started to play the gay freylehs everyone started dancing – babies and old men and women; it seemed that the plates on the table and the roast ducks and geese lying on the plates joined them in the whirlwind of the dance, everything living and dead was dancing.

Grigory Polyanker



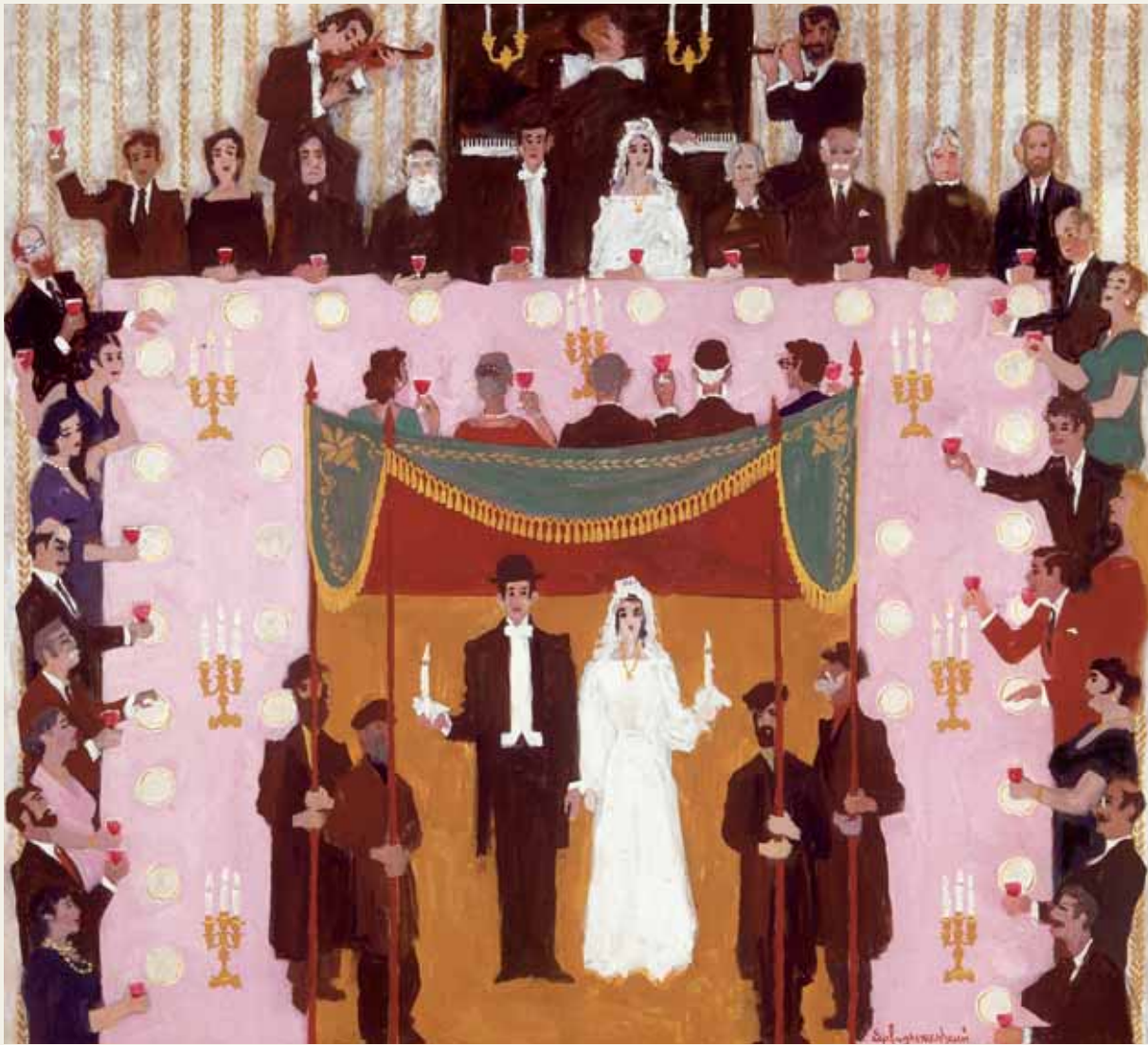
На нашей улице свадьба
Частное собрание

Wedding in Our Street
Private Collection



В моём доме свадьба
Частное собрание Кононовых

Wedding in My House
The Khononov Collection



Хупа в танцклассе Зингера
Музей Мишкан ле аманут, кибуц Ейн Харод

Hoopah in Zinger's Dance Class
The Mishkan Le' Omanut Muzeum, Kibbutz Ein-Harod



Под каштанами свадьба
Частное собрание

Wedding under the Chestnuts
Private Collection

“””Н а крахмальных скатертях уже расставлены бокалы и рюмки, уложены ножи, вилки, ложки и плоские, пока ещё сияющие своей чистотой тарелочки, бутылки с мадерой и кагором из крымских погребов, массандра и шустовский коньяк, и множество наливок и настоек в графинах, демонстрирующих искусство тёщи и свекрови. В сифонах сельтерская вода играет пузырьками газа. На продолговатых селёдочницах лежат ломтики осетрового, севрюжьего, белужьего балыков, розовые пластинки сёмги с кусочками лимона, солёная и горячего копчения скумбрия, керченская и дунайская сельдь и украшенные помидорами и огурцами "заморские гости": норвежская, голландская и испанская сельдь.

...И только потом лишь начинают есть печёнку, поджаренную на гусином сале, фаршированные шейки и кисло-сладкое жаркое, прозрачный, как стекло, чуть желтоватый бульон со звёздочками жира под нескончаемый гул ложек и вилок, слов, смеха и хохота...

Ефим Ладыженский

“””G lasses and wineglasses are already standing on starched tablecloths, knives, forks and flat little plates, which are still shining-clean, have been laid; there are bottles with Madeira and church wine from Crimea cellars, Massandra and Shustov Cognac and a lot of cordials in decanters, which serve to demonstrate the art of the mothers-in-law. Seltzer water is sparkling in siphons. Elongated herring-plates boast slices of sturgeon and beluga, pink salmon slices with pieces of lemon, salted and hot-smoked mackerel, Kerch and Danube herring and “guests from beyond the sea”: Norwegian, Dutch, and Spanish herring, adorned with tomatoes and cucumbers.

...And only then do they start to eat liver fried on goose lard, stuffed necks and sweet and sour roast, transparent as glass slightly yellow broth with little stars of fat, accompanied by the unending hum of spoons and forks, words and laughter...

Ефим Ладыженский



Налётчик, его невеста и шаферы
Частное собрание

Gangster, His Bride and the Best Men
Private Collection



...Все, что делают сейчас, через несколько лет
отзовется вулканическим взрывом,
страшные это будут дни. Но он будет,
если жива душа народа, а душа его жива.

Хочется жить и умирать в хорошем, светлом,
прочном доме... В хорошем мире, в хорошей
вселенной, где все осмысленно, где дышит
разум и правда

В . Г . К о р о л е н к о

...Everything that is being done now will echo
in a volcanic explosion in a few years; these
will be terrible days. But this will happen if the
soul of the people is alive, and it is.

I want to live and die in a good clean well-lit
house... in a good world, in a good universe
where everything makes sense and where
truth and reason are breathing.

V . G . K o r o l e n k o





На нашей улице опять сменилась власть
Частное собрание Кононовых

New Power in Our Street Again
The Khononov Collection



Петлюра пришёл в город
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Petlyura Has Come to the City
The Norton and Nancy Dodge Collection



Самооборона в моём доме
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Self-defense in My Home
The Norton and Nancy Dodge Collection

В грозно опустевшем городе слышались лишь гулкие шаги красногвардейских патрулей, и окна особняков и банков дрожали от проезжавших броневиков с матросами, лежавшими на крыльях, выставив вперед винтовки и маузеры. То вдруг оказывалось, что город занят петлюровцами или даже какими-то «батьковцами», и тогда на всех углах появлялись чубатые хлопцы в ободранных солдатских шинелях без хлястиков, с нечищеными винтовками вверх прикладами, требуя предъявления каких-то удостоверений, а если удостоверений не было, то они пропускали и так, без удостоверений. То на улицах появлялись веселые ребята из британской морской пехоты, беглым шагом торопившиеся неизвестно куда, гоня перед собою футбольный мяч. То ходили по бульвару французские солдаты в синих шинелях, в гетрах, с двугорлыми алюминиевыми фляжками на боку, наполненными красным винцом и водой. Проезжали странные двуколки с громадными колесами, которыми правили громадные негры с вычурными удивленными глазами.

Б у н и н И . А .

Only the resounding steps of the Red Guard patrols could be heard in the frighteningly empty city, and the windows of mansions and banks shook when armored cars drove by with sailors lying on the wings with rifles and Mauser guns pointing forward. Or suddenly it turned out that the city is occupied by Petlyura's people or even by Machno's ones, and then hairy boys in worn soldier overcoats appeared on all corners, holding their dirtied rifles butt-upwards and demanding some kind of identity, although if there was none, they'd let you through without it. Or laughing British sea infantry fellows appeared in the streets in a hurried step, kicking a football in front of them. Or French soldiers in blue overcoats and gaiters, with aluminum flasks with two necks filled with red wine and water walked in the boulevards. Strange buggies with huge wheels drove by, piloted by enormous Negroes with big surprised eyes.

И . А . Б у н и н



Самодержавие свергнуто
Частное собрание

The End of Autocracy
Private Collection

Свержение самодержавия повлекло снятие Екатерины Второй с её четырьмя фаворитами с пьедестала. Я ещё долго видел императрицу и четырёх её поклонников лежащими на земле, рядом, но врозь, во дворе краеведческого музея. От ущемлённого самолюбия они позеленели – окись хрома выступила наружу. Площадь, на которой раньше стояла Екатерина, как и улицу, к ней примыкавшую, переименовали в Карла Маркса. Поговаривали, что Екатерина Великая любила мужчин и недолюбливала евреев. В этом переименовании, по-видимому, был и перст Божий, а не только людская месть.

Ладыженский

The overthrow of the Tsar's regime led to Catherine the Second and her four favorites being taken off the pedestal. I could see the empress and her four courtiers lying on the ground for a long time after that, near each other but apart in the yard of the local museum. Panged vanity turned them green – chrome oxide came out. The square where Catherine used to stand, as well as the nearby street, was renamed in the honor of Karl Marx. It was said that Catherine the Great liked men and didn't like Jews. Apparently, there was not only people's revenge in this renaming, but also God's will.

Ладыженский



За остродефицитными товарами
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Queuing for Deficit Goods
The Norton and Nancy Dodge Collection



В пользу инвалидов войны
Частное собрание

For the Benefit of War Invalids
Private Collection



Очереди
Частное собрание

Queues
Private Collection

Мне не нравилось стоять в длинных очередях. Жизнь каждой очереди была хотя и короткой, но увлекательной. Очередь жила головоломными слухами, анекдотами, внезапно возникавшей паникой, насмешливым обсуждением высказанной кем-нибудь житейской мудрости и, конечно, скандалами. Они взрывались внезапно, как фугасные снаряды, но затихали медленно — так же, как рассеивается пыль после взрыва.

Константин Паустовский

I liked standing in long lines. The life of each line was short, but fascinating. The line lived by elaborate rumors, jokes, suddenly appearing panic, sarcastic discussion of pieces of everyday wisdom uttered by someone and of course scandals. They exploded as suddenly as a landmine, but calmed down slowly, like the dust settling after an explosion.

Konstantin Paustovsky



1921 год в моей семье
Частное собрание Нортон
и Нэнси Додж

1921 in My Family
The Norton and Nancy Dodge
Collection



На живодерню
Собрание семьи художника

To the Slaughterhouse
Collection of Artist's Family



Сахарин в кристаллах и таблетках
Частное собрание Трубник

Saccharin in Crystals and Tablets
The Trubnik Collection

Мы, замёрзшие, ходили, стояли, били ногой об ногу. Наш «товар» размещался в деревянном, плоском ящике, на ремешке или верёвке повисшем на шее. В таком лотке, на бумаге или на белой тряпочке, лежали маленькие кулёчки с таблетками сахарина, а в коробочке, в которой когда-то хранился фруктового вкуса нежных цветов мармелад, находились крохотные кристаллики. Эти кристаллики взвешивали на особых весах, с чашечками, выточенными из роговой кости, вместо металлических тарелок. Каких усилий стоило ухватить бронзовые гири замёрзшими, потерявшими всякую чувствительность пальцами. Люди, разнопегие, укутанные в одежды, имеющие признаки мод периода от восьмидесятых годов прошлого столетия до двадцатых годов этого века, кричали: «Сахарин в кристаллах и таблетках! Сахарин на вес!» По тому, как произносились эти несколько слов, можно было определить разницу в бывшем социальном положении. Покупатели так же мало отличались от продавцов, как продавцы от покупателей.

Ефим Ладыженский

We walked around, stood, stamped our feet to get warmer. Our “goods” were in a flat wooden box, hanging on our necks on a strap or a rope. In such a tray, on paper or white cloth, lay small parcels with saccharine tablets, and in a box which used to contain tender-colored candied fruit jelly there were tiny crystals. These crystals were weighed on special scales, with cups made of horn bone instead of metal plates. How hard it was to grasp the bronze weights with cold fingers that had lost any sense of feeling. Motley people dressed in clothes whose fashions ranged from the eighties of the past century to the twenties of this one shouted: “Saccharine in crystals and tablets! Sold by weight!” The pronunciation of these few words allowed to see the difference in their previous social standing. The buyers were as little different from the sellers as the sellers from the buyers.

Ефим Ладыженский



Налётчики едут крутить любовь
Частное собрание Кононовых

Bandits Are Driving to Make Love
The Khononov Collection



Похороны Веры Холодной
Еврейский Музей, Нью Йорк

Vera Kholodnaya's Funeral
The Jewish Museum, New York

“ “ “ Три тысячи бандитов с Молдаванки во главе с Мишкой Япончиком грабили лениво, вразвалку, неохотно. Бандиты были пресыщены прошлыми баснословными грабежами. Им хотелось отдохнуть от своего хлопотливого дела. Они больше острили, чем грабили, кутили по ресторанам, пели, плача, «душераздирающую» песенку о Вере Холодной. Вера по тексту песни просила партнёра по фильмам:

Голубыми васильками
Грудь мою обвей
И горячими слезами
Грудь мою облей

Константин Паустовский

“ “ “ Three thousand Moldavanka bandits headed by Mishka Yaponchik were robbing lazily, waddling, reluctantly. The bandits were spoilt by the previous enormous loot. They wanted to have a rest from their troublesome business. They spent more time making jokes than robbing, caroused in restaurants, sang in tears the “heart rendering” song about Vera Kholodnaya. According to the song’s text, Vera asked her film partner:

Put blue cornflowers
Around my breast
And pour bitter tears
On my breast

Konstantin Paustovsky



Здесь живут три дня
Частное собрание

They Live for Three Days Here
Private Collection



Госпиталь на Пироговской
Собрание семьи художника

The Hospital on Pirogovskaya str.
Collection of Artist's Family



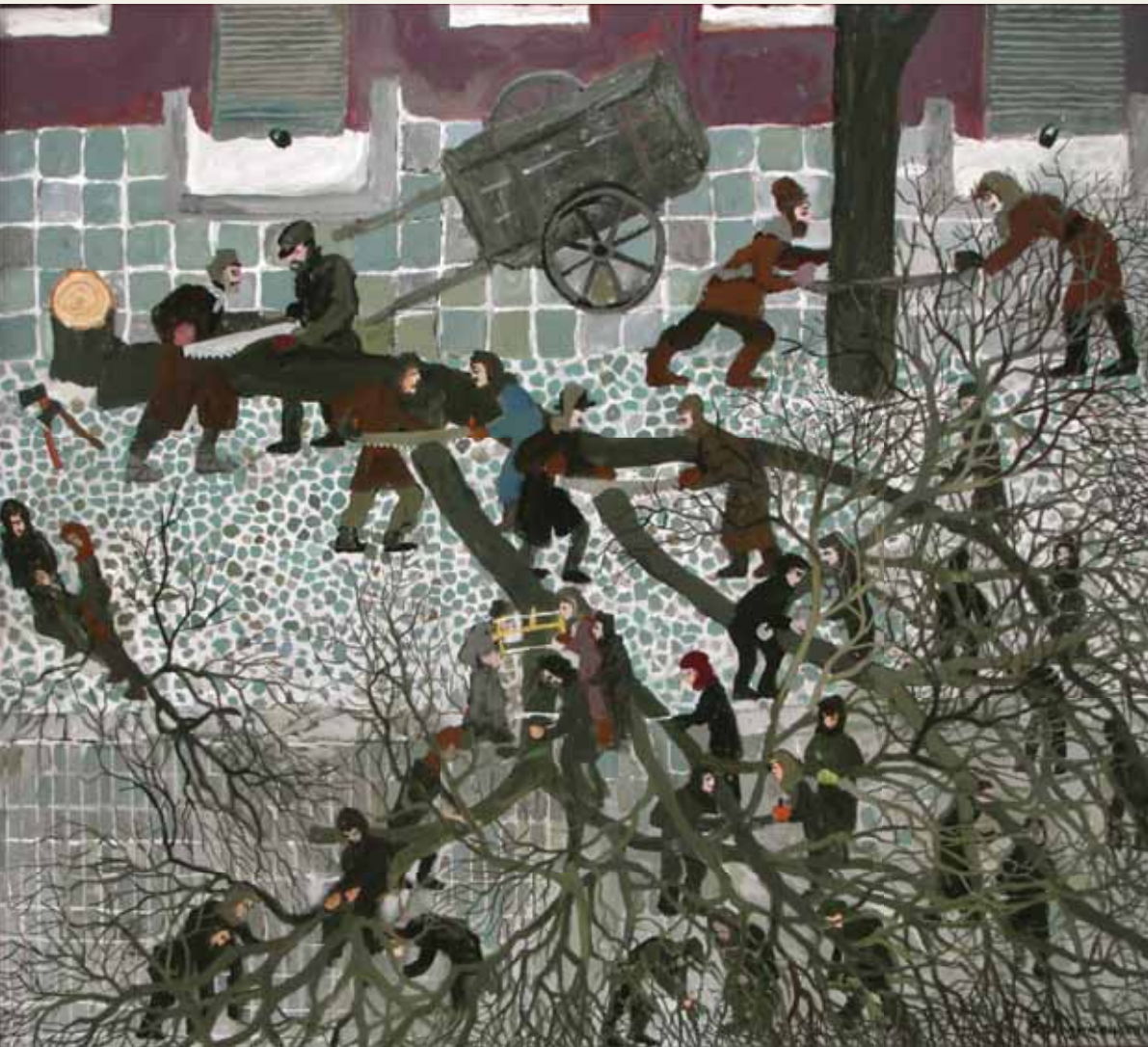
Миньян
Частное собрание Кельнер

Minyan
The Kelner Collection



Моя улица в 1921
Частное собрание

My Street in 1921
Private Collection



Моя улица замерзает
Частное собрание Кононовых

My Street Is Frozen
The Khononov Collection

Зима 1921 года выдалась в Одессе нордовая, штормовая. Холод ощущался тяжелее, чем, скажем, в Москве, потому что ноздреватый камень «дикарь», из которого был построен город, легко пропускал пронзительную сырость морской зимы. Дома и мостовые покрылись пленкой льда и блестели, как эмалированные. Ветер гудел в улицах, обращенных к северу, и нагонял тоску.

Константин Паустовский

The winter of 1921 was stormy and Nordic in Odessa. The cold was harder to bear than, say, in Moscow, because the “Wildman” stone, which had been used to build the city, was full of pores and let through the piercing dampness of the sea winter easily. The houses and pavements were covered by a slick of ice and glistened like enamel. The wind hummed in north-facing streets and brought melancholy.

Konstantin Paustovsky



Ночной налёт
Собрание семьи художника

A Night Raid
Collection of Artist's Family



Воду носили из порта
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

People Carried Water from the Port
The Norton and Nancy Dodge Collection

“““Весь город хлопает
деревянными сандалиями,
все улицы залиты водой,–
«граждане» с утра до вечера
таскают воду из порта, потому что уже
давно бездействует водопровод. И у
всех с утра до вечера только и разговору,
как бы промыслить насчет еды. Наука,
искусство, техника, всякая мало-мальски
человеческая трудовая, что-либо
творящая жизнь — все погибло. Сожрали
тощие коровы фараоновых тучных и не
только не потучнели, а сами околевают!

И . А . Б у н и н

“““W ooden sandals clap across
the whole city, all streets are
full of water: “citizens“ are
carrying water from the port
from morning till night, because the plumbing
hasn’t been working for quite a while. And the
only thing people are talking about is how to
find food somewhere. Science, art, technology,
any kind of at least a little human, working,
creative life – everything has perished. The lean
cows have devoured the pharaoh’s fat ones
and not only haven’t they got fatter, but are
themselves starving!

I . A . B u n i n



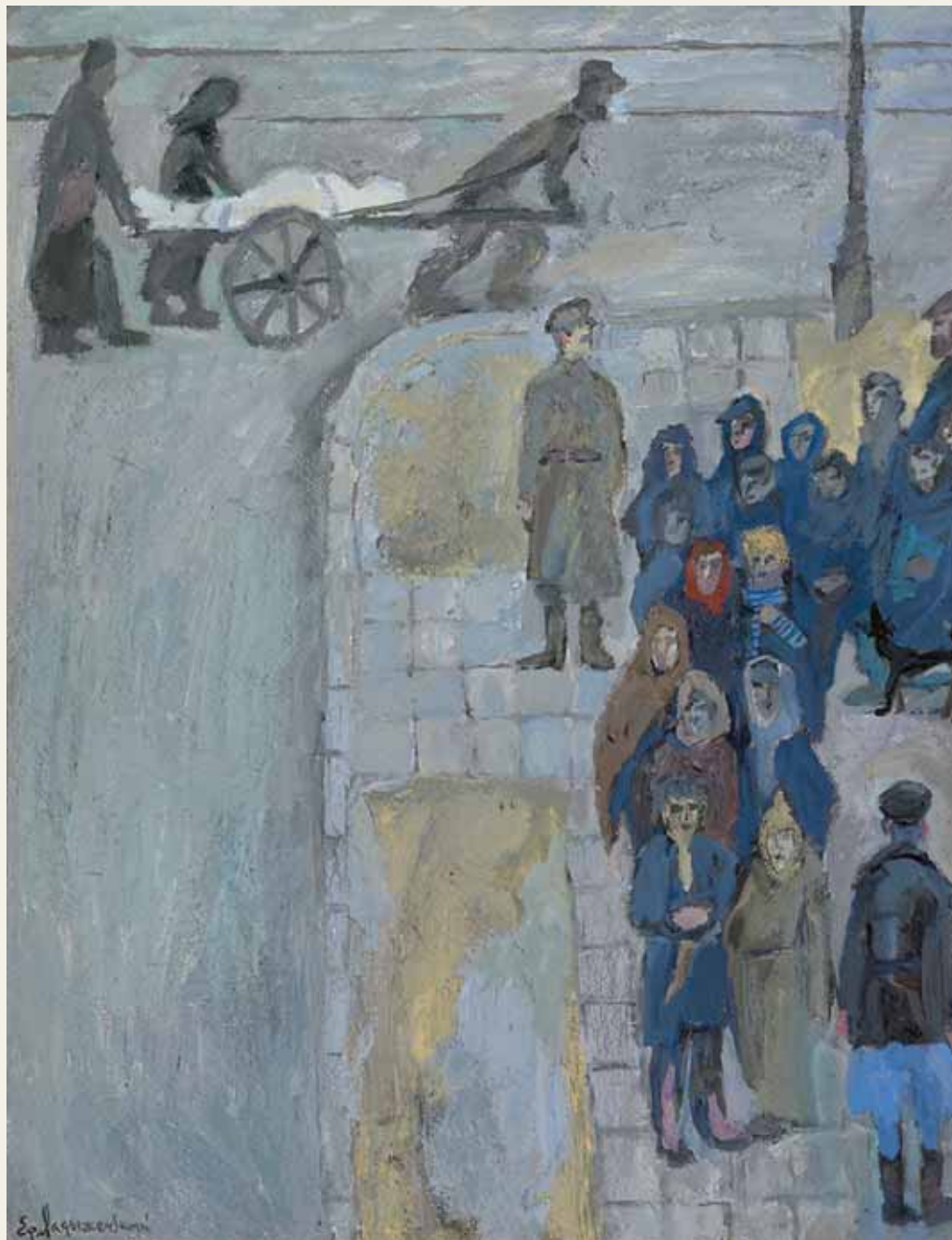
Мы заворачиваем конфеты
Частное собрание Калинских

.....
We Are Wrapping Candies
The Kalinsky Collection



Безработные музыканты
Частное собрание Калинских

.....
Workless Musicians
The Kalinsky Collection



После ночной облавы
Собрание семьи художника

After a Night Raid
Collection of Artist's Family

“Позабыт, позаброшен
С молодых юных лет,
Я остался сиротою,
Счастья в жизни мне нет”.

Таково начало одной из оставшихся в моей памяти песен из той непозабываемой жизни. Их пели беспризорные, стараясь разжалобить, расчувствовать, раскошелить прохожего. Они, эти ребята, были в том возрасте, когда и грусть, и печаль и жалость к себе – мимолётны. Но, возможно, что эти маленькие, микроскопические минуты, которые потом даже восстановить в памяти невыносимо, и бывают теми, что поворачивают жизнь на все имеющиеся у неё градусы.

...Беспризорные были в веках, но тех я обнаружил тогда, когда и сам выпал из поля зрения моей матери, замученной заботами о пропитании нашей семьи. В моей памяти чаще всего беспризорные возникают возле котлов, в которых варили асфальт. После разрушительных лет ремонт тротуаров города, уложенных плитками из лавы Везувия, требовал значительных усилий от чиновников из мэрии, поэтому-то они и избрали более лёгкий путь: просто залить плитки асфальтом. В плавильнях асфальта, в тёплой золе и недогоревших кусочках дерева беспризорные находили себе приют в ночное время. В них, в этих топках, продрогшие ребята, рыщущие по всему городу в поисках съедобного, могли, наконец, согреться и отдохнуть. Утром они выбирались настолько колоритными, что невольно приходили сравнения с загримированными «под нужду» артистами на сцене в пьесе Максима Горького «На дне». (Мне кажется, что роскошь легче имитируется, чем нищета: так боярские кафтаны и кокошники со стекляшками «сапфиров», «рубинов» и «бриллиантов» в «Царе Фёдоре Иоанновиче» выглядели настоящими, а всамделишные, стиранные обноски смотрелись подделками).

“Lost and forgotten
Since my youngest years,
I was left for an orphan,
There's no happiness in life for me”.

This is the beginning of one of the songs of that unforgotten life that has stayed in my memory. They were sung by waifs, who were trying to make the passers-by feel sorry and compassionate for them and to give them money. They, these kids, were in such an age when sadness and melancholy and self-pity are fleeting. It is possible, however, that these small, microscopic minutes, which cannot even be later brought back to memory, turn out to be those that turn life as sharply as possible.

...Waifs had always been present, but those ones were noticed by me when I myself left the field of vision of my mother, who was exhausted by the efforts to feed our family. In my memory waifs appeared most often near asphalt boilers. After the destructive years repairing the sidewalks covered by Vesuvius lava tiles required significant efforts from the mayor's officials, so they chose an easier path: simply pouring asphalt over the tiles. In the asphalt smelteries, in the warm cinders and not completely burned pieces of wood the waifs found shelter at nighttime. There, in these furnaces the frozen to the bones kids, who combed the city in search of food, could finally find some warmth and rest. In the morning they went out looking so colorful that one couldn't help remembering the actors made up as poor men for Maxim Gorky's play “At the Bottom”. (I think that it is easier to imitate luxury than poverty: so the noblemen's kaftans and kokoshniks with the glasses of “sapphires”, “rubies” and “diamonds” in “Tsar Fyodor Ioannovich” looked genuine, but real, many times washed rags looked fake).



Беспризорные на Глубоком Массиве
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Waifs at the Deep Tract
The Norton and Nancy Dodge Collection

На четвёртой станции Малого фонтана создали Детский Городок со школой и мастерскими. Попадали туда беспризорные после ночных облав.

Я был знаком с некоторыми воспитанниками этого Детдома. Выглядели они опрятно в своей униформе. Один из них, Яша Тимофеев, учился в школе Бершадского, и мы с ним ходили на этюды. Писал он тонко, по-девичьи нежно, хорошо чувствуя цвет. По окончании Одесского художественного института преподавал в центральном доме пионеров, помещавшемся в бывшем дворце Воронцова-Дашкова. В нашем же институте, на архитектурном факультете, учился ещё один молодой человек из Детского Городка. А мой брат рассказывал, что двое детдомовских ребят успешно защитили дипломы на звание врача.

Но был в Одессе в те времена ещё и РЕФОРМАТОРИУМ. Так замысловато называлась колония для малолетних преступников — в основном, из беспризорной братии. Находился Реформаториум между двух тюрем, мужской и женской, как символ ответственности взрослых преступников за малолетних. Пацаны от одиннадцати до восемнадцати лет уже имели по два-три срока, некоторые за участие в убийстве или за изнасилование. Эти ребята ждали момента перехода во взрослую тюрьму, ни учиться, ни работать в мастерских они не собирались, коротали время за картами, стучали костяшками домино и вынашивали идею и строили планы, как «слинять», «улепетнуть» отсюда. Возникавшая неожиданно драка останавливалась одним окриком самого сильного из них.

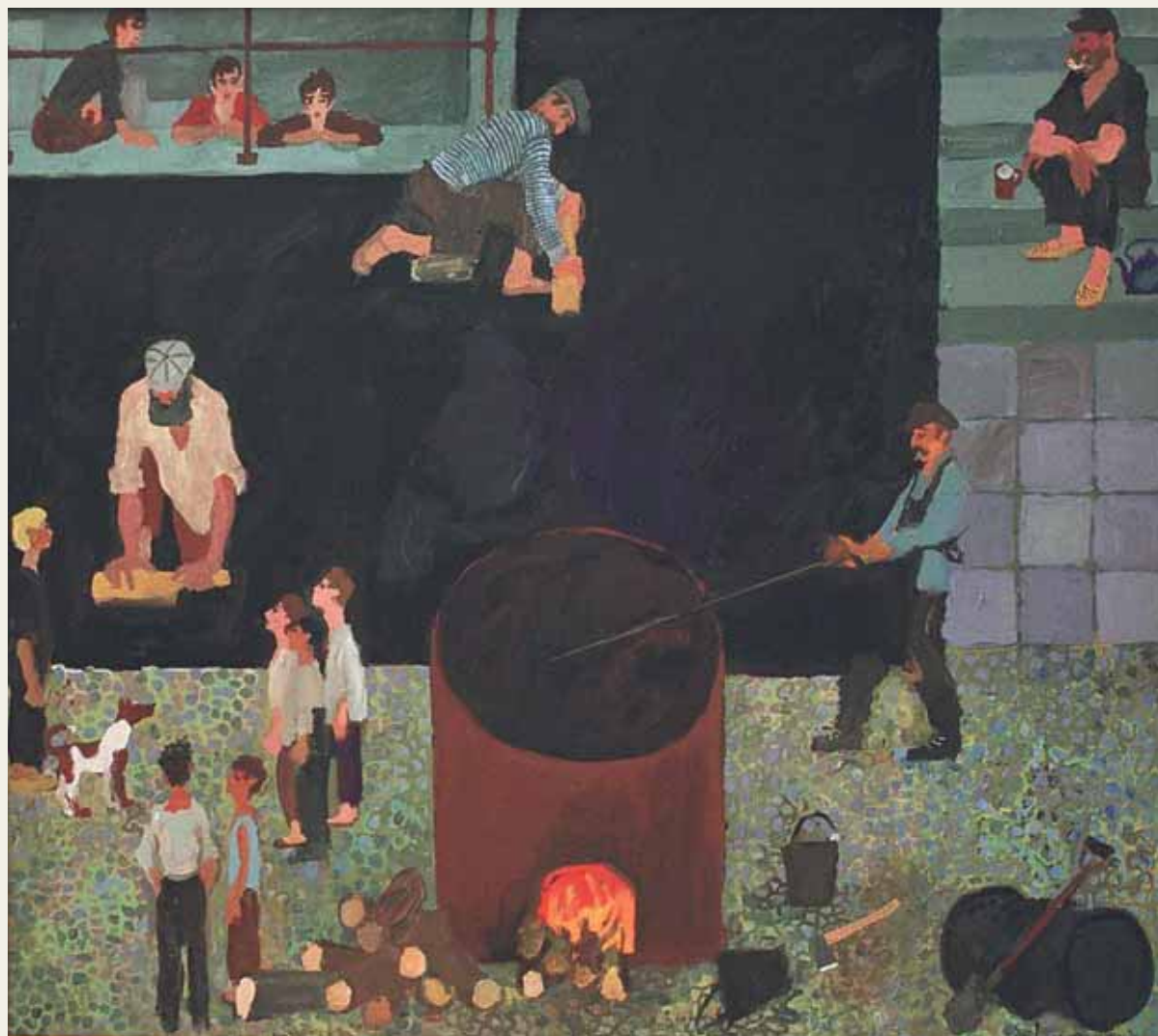
Тем из заключённых, кто «доживал» свой исправительный срок, давали отпуск на воскресные дни. Были очень редкие случаи невозвращения в колонию: они дорожили оказанным им доверием.

On the fourth station of the Small Fountain a Children's City with a school and workshops had been created.

Waifs were taken there after night raids. I knew some kids from that Orphanage. They looked tidy in their uniforms. One of them, Yasha Timofeev, studied in Bershadski's school and we went to study classes together. He painted subtly, girlishly tenderly and with a good feeling for color. After graduating from Odessa Art Institute he taught in the Central Pioneer House, which was situated in the former Vorontsov-Dashkov palace. Another young man from the Children's City studied in our institute in the architecture department. And my brother told me that two kids from the orphanage succeeded in getting doctor diplomas.

However, there was also a REFORMATORIUM in Odessa in those times. This fancy name had been given to a colony for underage criminals — mostly waifs. The Reformatorium was located between two prisons, one for men and one for women, as a symbol of the adult criminals' responsibility for the underage ones. Guys aged from eleven to eighteen had already had two or three prison terms, some of them for taking part in a murder or for rape. These kids were waiting for being transferred into the adult prison; they had no intention of studying or working in workshops, and spent their time playing cards or dominoes and making plans of running away. A fight that would suddenly start would be stopped by the shout of the strongest of them.

Those inmates who were at the end of their term were given Sunday leaves. Only very seldom did they not return to the colony: they valued the trust shown towards them.



Плитки из лавы Везувия заливают асфальтом
Частное собрание

Tiles Made of Vesuvius Lava Are Being Covered with Asphalt
Private Collection

Доверие! В тысяча девятьсот тридцать первом году я работал в Краснодарском драматическом театре. Как-то, мы вместе с артистом Смераниным, прогуливаясь днём по берегу реки, встретили беспризорных. Они пекли картошку в золе прогоревшего костра. Смеранин попросил их сбежать в ближайший магазин за бутылкой водки. Двое из них, получив деньги, быстро перелезли через ограду городского сада. Время ожидания затягивалось, и он, посмеиваясь над своей доверчивостью, предложил двинуться в обратный путь. Когда мы дошли до улицы Красной, нас догнали те двое, упрашивая не обижаться «за так долго» и вернуться. Костёр горел в полную силу, а рядом, на траве, на развёрнутой городской газете стояли, отражая солнце, две бутылки водки, штук десять печёных картофелин, несколько солёных огурцов, пара стаканов и, как бы для композиционного завершения этого натюрморта, поблёскивала финка, без чехла, устроящая своей обнажённостью. Два гранёных стакана прополоскали в лениво текущей Кубани, наполнили их водкой и преподнесли нам, «аристократически» отодвинув мизинец, повисший в воздухе. Появилась ещё одна финка, и на концах обеих нам преподнесли солёные огурцы. Ребята поведали, что причиной их задержки было «добывание» денег на ещё одну бутылку водки, стаканы и закуску. Потом, несколько раз, по вечерам, четыре оборвыша проходили в театр, со служебного входа через артистическую уборную артиста. А однажды он рассказал, как воспользовался их услугами, переезжая на новую квартиру, и как «даже английская булавка не пропала».

Ефим Ладизженский

Trust! In 1931 I worked in the Krasnodar Dramatic Theatre. One day on a walk with Smeranin, an actor, I met waifs. They were baking potatoes in the ashes of a burnt-through fire. Smeranin asked them to run to the nearest shop to get a bottle of vodka. Two of them, having got the money, climbed over the fence of the city park quickly. We waited for a rather long time and he, joking at his gullibility, offered to turn back. When we reached Krasnaya street, we were caught up with by those two and asked to forgive them for “taking so long” and to come back. The fire was burning brightly and near it, on the grass, on an unfolded local newspaper, stood, reflecting sunlight, two bottles of vodka, maybe ten baked potatoes, a few pickled cucumbers, a couple of glasses and, so to say, to finish the composition of this still life, glimmered an unsheathed sharp knife, frightening by its bare steel. Two faceted glasses were washed in the lazy Kuban current, filled with vodka and given to us by hands with the little finger “aristocratically” hanging in the air. Another knife appeared and cucumbers were given to us on the ends of both. The kids told us that they were delayed by “finding” money for another bottle of vodka, glasses and the snacks. Later, several times, in the evenings, four kids in rags entered the theater through the employee entrance through the actor’s makeup room. And once he said that he used their help to move house and “not even an English pin was missing”.

Ефим Ладизженский



Синагога
Частное собрание

Synagogue
Private Collection

Вечером с Н. в синагоге. Так все жутко и гадко вокруг, что тянет в церкви, в эти последние убежища, еще не залитые потоком грязи, зверства. Только слишком много было оперы, хорошо только порою: дико-страстные вопли, рыдания, за которыми целые века скорби, бесприютности, восток, древность, скитания — и Единый, перед Коим можно излить душу то в отчаянной, детски-горестной жалобе, за душу хватающей своим криком, то в мрачном, свирепо-грозном, все понижающемся реве.

Б у н и н И . А .

I spent the evening with N. in the synagogue. Everything around is so ugly and frightening that one feels drawn towards the churches, these last havens not yet swallowed by this flood of dirt and savagery. The only thing was that there was too much opera, it was only good occasionally: fiercely passionate cries, sobs with centuries of sorrow, homelessness, east, ancient times and wandering behind them — and the One, to Whom one can pour out one's soul now in a desperate, childishly bitter complaint with its soul-rendering cry, then in a gloomy, fiercely menacing low-toned roar.

I . A . B u n i n



Толчок
Собрание семьи художника

Flee Market
Collection of Artist's Family

“””Как изобразить этот базар?

Как передать множество клятв, завываний, возгласов, жалоб, истерики, проклятий и ругани, смешанных в слитный гул, внезапно прерываемый пронзительным свистком милиционера? И как описать тяжеловесное бегство спекулянтов, обвешанных вещами, по потрясенной их топотом брусчатой мостовой? Как описать потерянные в этом бегстве пожелтевшие лифчики, бязевые солдатские кальсоны и пересохшие резиновые грелки цвета печени, покрытые шрамами трещин?

Никто не спрашивал, что вы хотите продать. Спрашивать об этом было бессмысленно: все, что человек хотел продать, он таскал на руках или вешал себе на шею. Если же человек ничего не нес с собою, но глаза его подозрительно бегали, ища покупателей, то базарные завсегдатаи тотчас догадывались, что он торгует фальшивыми драгоценностями, и насмешливо кричали ему в спину:

— Бриллиантовые розы из навоза! Кораллы из крахмала! Халцедоны из бердичевской короны!

... Иногда в укромных углах базара неожиданно собирались плотные толпы. Люди молча, с яростным любопытством продирались вперед, к середине толпы, где слышались тупые удары и заглушенные крики: там, зверея, били вора или обыскивали, раздевая догола, женщину, заподозренную в краже, под визгливый хохот деревенских простоволосых кулачек.

Константин Паустовский

“””How can one portray this bazaar?

How can one retell the multitude of oaths, wails, exclamations, complaints, hysterics, swearing and scolding, everything melded into a steady hum, broken suddenly by a piercing policeman whistle? And how to describe the ponderous escape of the speculators, burdened by their goods, over the cobblestone pavement shaking from their stomping? How to describe yellowed brassieres, calico soldier underpants and dried-up and cracked liver-colored hot-water bottles lost in this flight?

No one asked what you wanted to sell. It was pointless to ask: whatever a man wanted to sell, he carried in his hands or hung on his neck. And if a man didn't carry anything, but his eyes darted around suspiciously looking for customers, the bazaar fixtures immediately concluded that he was selling fake jewelry and shouted derisively into his back:

— Diamond dung roses! Starch corals! Chalcedonies from the Berdichevo crown!

... Sometimes dense crowds gathered in the faraway corners of the bazaar. People elbowed their way silently forward, pushing with fierce curiosity towards the center of the crowd where dull sounds of strikes and stilled cries could be heard: there enraged people were beating up a thief or stripping a woman suspected of stealing naked in order to search her, accompanied by shrieking laughter of simple village women.

Konstantin Paustovsky



Самосуд
Частное собрание

Mob Justice
Private Collection



Толчок
Частное собрание Калинских

Flee Market
The Kalinsky Collection

“““ **Н**о и на базаре попадались хорошие люди. Все это были чудаки или люди с изломанной, пустой жизнью, но здесь они казались образцами человечности. Помню подслеповатого старика. Он торговал фотографиями для стереоскопа. Его постоянно окружали дети. Весь день он бесплатно показывал им виды Парижа и Рима, Москвы и острова Мадейра. Совершенно невозможно было понять, чем он живет. В то время ни единая живая душа ...не покупала фотографий для стереоскопа. Рядом с этим стариком стоял на мостовой выцветший, пыльный глобус. За пятьдесят рублей каждый желающий мог повертеть этот глобус и поискать на нем разные заманчивые страны и города, вроде острова Пасхи, реки Замбези или города Каракаса.

Константин Паустовский

“““ **Н**owever, good people could also be found on the bazaar. They all were oddballs or people with empty broken lives, but here they seemed etalons of humanity. I can remember a purblind old man. He sold photos for stereoscope. He was constantly surrounded by children. All day he showed views of Paris and Rome, Moscow and Madeira free of charge to them. It was completely impossible to see what he lived on. At that time not a single living soul ...bought stereoscope photos. Near that old man a dingy dusty globe stood on the pavement. For fifty rubles anyone could turn this globe around and search for different exotic countries and cities on it, like Easter Island, the Zambezi river or the city of Caracas.

Konstantin Paustovsky



Четыре компаньона на одну воблу
Частное собрание

Four Companions And One Vobla
Private Collection

“””**T**ак вот, в те тяжёлые годы папа раздобыл несколько рогожных кулей с воблой. Старый Базар, ломившийся когда-то от съестных товаров, сейчас, едва прикрыв снегом свою наготу, зиял чёрными проёмами — «витринами». Без единой деревянной рамы, без дверей, без крыш стояли лабазы и павильоны. Разрезав кули, прямо на снегу папа продавал воблу поштучно, а я, как мог, ему помогал. Наши ноги, обутые в «модную» тогда обувь — «деревяшки», страшно мёрзли. Верхняя часть этой обуви шилась из реквизированных в церквях поповских риз, отливающих серебром и блистающих золотом. Моя правая деревяшка была украшена серебряным крестом, ушедшим краешком своим под подошву, а левая — состояла из барочного, тоже серебром тканного, по зелёному фону орнамента. Деньги, вырученные за работу, запихивались в мешок, так как счет шел на миллионы совзнаковых рублей.

Ефим Ладыженский

“””**S**o, in those hard years father managed to get a few bast sacks with Caspian roach. The Old Bazaar, which used to be full of food, now stood barely covered by snow, with black apertures — “shop windows”. The storage sheds and kiosks stood without a single wooden frame, door or roof. Cutting the sacks, father sold the Caspian roach by piece right on the snow and I helped as far as I could. Our feet in the then “fashionable” wooden shoes were frightfully cold. The upper parts of these shoes were sewn from priests’ robes taken in the churches, casting a silver and golden glimmer. My right piece of wood was adorned by a silver cross, which had its edge under the sole, the left one consisted of a baroque ornament, also sewn with silver, on a green background. The money which we got for the work was put into a sack, since the count in Soviet rubles went by million.

Ефим Ладыженский



На второе еврейское кладбище
Собрание семьи художника

To the Second Jewish Cemetery
Collection of Artist's Family

“”” В Одессе я привык перечитывать в газетах все, вплоть до объявлений. Никогда нельзя было знать, где встретятся перлы одесского стиля.

Я помню, как ошеломило меня одно похоронное объявление и своим содержанием и своим умелым набором. Выглядело оно так:

Рухнул дуб
ХАИМ ВОЛЬФ СЕРЕБРЯНЫЙ
и осиротелые ветви низко склоняются в тяжелой тоске.
Вынос тела на 2-е еврейское кладбище
тогда-то и там-то.

Константин Паустовский

“”” I used to read everything in Odessa newspapers, including classified ads. One could never know where one would meet masterpieces of Odessa style.

I remember one funeral notice, which amazed me both by its contents and its masterful typesetting. It looked like this:

The oak
CHAIM WOLFE SEREBRYANYI
fell and the orphaned branches bend low with heavy anguish.
The body will be carried out
at the 2nd Jewish graveyard at — hours.

Konstantin Paustovsky



...People entered our yard through a big cast iron gate. The janitor opened the gate at six o'clock in the morning and locked it at eleven o'clock in the evening. To get into the yard outside of this time frame one had to pull the brass knob of the bell, calling to Uncle Semyon: "Let me in!"

A protruding pipe was attached to a support near the gate for inserting the shaft of the flag that was kept by the janitor. I can remember the flags, sometimes flaccid and sometimes soaring with the wind: now WHITE-BLUE-RED, then YELLOW-BLAKYTNE, later still RED WITH A HAMMER AND A SICKLE. I can also remember the triangular black lantern, which cast at first kerosene and then electric light on the figures in our house number: 1 0 0.

Срлаагыжєнзкнѣ

...В наш двор заходили через большие чугунные ворота. Калитка отпиралась дворником в шесть утра, а запиралась в одиннадцать вечера. Чтобы попасть во двор вне этого времени суток, нужно было потянуть за медную ручку звонка, вызывая к дяде Семёну: «Впустите!»

К металлическому кронштейну возле ворот была приделана выступающая трубка, в которую вставлялось древко хранящегося у дворника флага. Я помню поникшие от безветрия или развевающиеся то БЕЛО-СИНЕ-КРАСНЫЙ, то ЖОВТО-БЛАКИТНИЙ, то КРАСНЫЙ С СЕРПОМ И МОЛОТОМ флаги. Помню и треугольный, чёрный фонарь, освещающий сначала керосиновой лампой, а потом электрической – цифры номера нашего дома: 1 0 0.

Срлаагыжєнзкнѣ





Ухажёры моей Белки
Частное собрание

My Belka's Admirers
Private Collection



Мы варим повидло
Частное собрание

We Are Making Stewed Fruit
Private Collection



Йоськины голуби
Частное собрание Кононовых
.....

Yoska's Pigeons
The Khononov Collection

Йоська Монастырский рос почти уличным мальчишкой, как бывают уличными псы: бросаются на людей, лошадей, собак с громким лаем, а иногда, поджав хвост, тихо ретируются. У вечно «брюхатого» Йоськи, за его майкой или рубашкой, в этой его кладовой бывали яблоки, хлеб, мешочек с овсом для голубей (его страсти), а иногда — и сама голубка. Он умел приманивать чужих голубей. Только заведя их в небо, мы выскакивали через чердак на нашу раскалённую железную крышу. Мальчишка вынимал из-за пазухи свою белейшую голубку, держа её за лапки. Взмахами крыльев она привлекала внимание чужаков. Затем он подбрасывал её в воздух, и голубка кружила с ними по глубокому кобальтовому летнему небу. Эти переманивания иногда заканчивались дракой, и Йоська по нескольку дней ходил с фонарём под глазом.

...В пятидесятые годы, в школе циркового искусства, занимаясь эскизами костюмов для акробатов, я услышал, как кто-то рассказывал о большом успехе красивого номера дрессировщика голубей Иосифа Монастырского из Владивостокского Цирка. Возможно, это был мой Йоська?

Ефим Ладыженский

Yoska Monastyrskiy grew up almost a street urchin, not unlike some street dogs who jump at people, horses, and dogs with loud barking, and sometimes retreat quietly with a pulled tail. The permanently “knocked-up” Yoska kept in his storage behind his shirt apples, bread, a small pouch of oats for pigeons (his passion) and sometimes the dove herself. He could lure other people’s pigeons. As soon as we saw them in the sky, we jumped out through the attic onto our sizzling hot iron roof. The boy took out his snow-white dove, which he kept at his bosom, holding her paws. She attracted other pigeons by waving her wings. Then he threw her up in the air and the dove circled with them in the deep cobalt summer sky. These enticements ended by a fight sometimes and Yoska would have a swollen eye for a few days.

...In the fifties, in a circus school, while working on acrobat suit sketches I heard someone talk about the great success of a beautiful act of pigeon trainer Josef Monastyrskiy from the Vladivostok Circus. Perhaps it was my Yoska?

Ефим Ладыженский



Наш сосед умер
Частное собрание

Our Neighbor Has Died
Private Collection



Впервые слушаю радио
Частное собрание Калинских

I'm Listening to the Radio for the First Time
The Kalinsky Collection



Мадам Стиро, её муж – комиссар дома и их сын Яшка
Частное собрание Кононовых

Madam Stiro, Her Husband the House Commissar and Their Son Yashka
The Khononov Collection

“““ Когда Советская власть стала властью, то первым делом лишила власти хозяев домов владеть своими домами. Комиссаром нашего дома назначили Стиро. Поселилась семья Стиро под нами. Он — чуть выше среднего роста, припадая на одну ногу, опирался на чёрную полированную палку с закруглённым серебряным набалдашником. Его жена, маленькая женщина, была матерью четырёх детей. Их старший сын, Сёма, стал управляющим четырёх домов в нашем квартале. Во время хозяйничаний Стиро, отца и сына, дом всё больше приходил в упадок.

Младший отпрыск Стиро, Яшка, учился у Столярского игре на скрипке. Я помню крики господина Стиро, вплетающиеся в звуки «Песни без слов» Мендельсона, извлекаемые Яшкой из скрипки.

Крики и побои сделали своё дело, и Яшка преуспел в качестве тапёра в кинотеатре «Зеркало жизни». Грустные события на экране Яшка углублял вальсами и этюдами Шопена, Зуппе или Россини помогали скачущим лошадям гоняться за неуловимым Гарри Пилем, а музыка Сен-Санса способствовала улыбке Дугласа Фэрбенкса в «Багдадском воре» завораживать девушек и дамочек с Преображенской, Успенской и Кузнецкой улиц...

Ефим Ладыженский

“““ When the Soviet power became power, the first thing it did was to deprive home-owners of the power to own their houses. Styro was appointed as the commissar of our house. The Styro family moved in one floor above us. He was slightly over average height, limped on one leg and used a black polished stick with a rounded silver knob for support. His wife, a small woman, was the mother of four children. Their eldest son, Syoma, became the administrator of four houses on our block. At the time of Styro father and son power the house became more and more derelict.

The youngest Styro offspring, Yashka, studied violin playing from Stolyarskiy. I can remember the shouts of Mr. Styro intertwined with the sounds of Mendelssohn's "Song without words" which Yashka extracted from his violin.

The shouts and beating had their result and Yashka succeeded as a musician in the "Mirror of Life" movie theatre. Yashka added depth to sad events on the screen by Chopin's waltzes and etudes; Suppe or Rossini helped galloping horses in their pursuit of the elusive Harry Piel, and Sen-Sans's music helped Douglas Fairbanks's smile in "The Thief of Bagdad" to charm girls and ladies from Preobrazhenskaya, Uspenskaya and Kuznechnaya streets ...

Ефим Ладыженский



Мадам Мирвис купила пианино
Собрание семьи художника

.....

Madam Mirwis Has Bought a Piano
Collection of Artist's Family



Под утро во дворе
Собрание семьи художника

.....

Early Morning in the Yard
Collection of Artist's Family



Мои родители спят
Собрание семьи художника

My Parents Are Sleeping
Collection of Artist's Family

В 1920 году мой папа заболел страшной болезнью – энцефалитом. Только жертвенность моей мамы сохраняла нам отца на долгие годы.

В тысяча девятьсот сорок первом году, когда Одессу не только бомбили, но и обстреливали дальнобойной немецкой артиллерией, мой старший брат, Володя, возглавлял военный полевой госпиталь в Измаиле, возле Севастополя. Его молодой жене с месячным сыном и моим родителям удалось выбраться из Одессы и после длительных мытарств и нечеловеческих страданий поселиться, наконец, в башкирской деревне Иглино.

In 1920 my father came down with a terrible illness – encephalitis. Only my mother's self-sacrifice kept father with us for many years.

In 1941, when Odessa was not only being bombed, but also bombarded by German long-range artillery, my elder brother, Volodya, headed a field hospital in Izmail, near Sevastopol. His young wife with a month-old son and my parents managed to get out of Odessa and, after prolonged trouble and suffering, finally went to live in a Bashkiria village, Iglino.



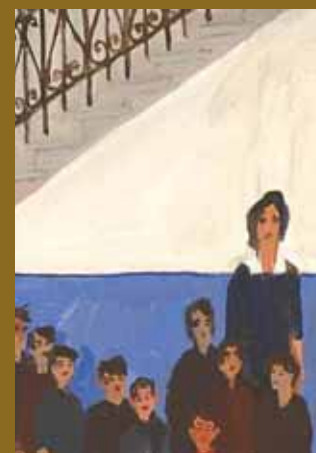
Памяти моего отца (Шива)
Частное собрание Кононовых
.....
To the Memory of My Father (Shiva)
The Khononov Collection

Туда, доставлялись ободряющие Володины письма, которые он отправлял ежедневно и в которых рассказывал о госпиталях, размещённых в катакомбах, и о взращиваемых им цветочках и помидорах. В 1942 году, после падения Севастополя, моих родных уведомили о том, что Володя пропал без вести. Ещё долго приходили эти вселяющие надежду, сложенные в треугольник, весточки. Когда вера в возвращение сына была окончательно утеряна, мой папа прекратил принимать воду и пищу. Никакие уговоры, мольбы и слёзы мамы не сломили его желания умереть. После двадцати шести дней молчания и голода, 2 января 1943 года папа тихо скончался.

Ефим Ладыженский

Volodya’s encouraging letters, which he sent daily and in which he talked of war hospitals placed in catacombs and in flowers and tomatoes that he grew, were delivered there. In 1942, after the fall of Sevastopol, my relatives were informed that Volodya was MIA. These letters, which were folded into triangles and brought hope, came for a long time after that. When he completely lost faith in the return of his son, my father stopped taking water or food. No pleas or tears of my mother could break his desire to die. After twenty-six days of silence and hunger, on 2 Jan 1943 father died quietly.

Ефим Ладыженский



...В 20-е годы папа болел, а мама зарабатывала наматыванием ниток с мотка на челнок с помощью колеса. Эти нитки в мотках цвета жжённой умбры и сиены натуральной поставлял ловко приспособившийся нэпманец. Вот моя мама и крутилась, как это изнуряющее её колесо, между ним, примусом и нашим воспитанием. Целью жизни нашей мамы было дать высшее образование всем трём её сыновьям. Мне кажется, что мама выстраивала эти планы ещё тогда, когда в её животе только зарождалась жизнь кого-то из нас. Мы ей виделись врачами, адвокатами, учёными.

Срлагыженский

...In the twenties father was ill and mother earned money by winding threads from skeins to a shuttle using a wheel. These threads in skeins the color of burned umber and natural sienna were supplied by a NEP man, who had found a good business. And so my mother spun like that tiresome wheel between it, the stove and bringing us up. Our mother's goal in life was to give higher education to all her three sons. I think that mother made these plans as early as when the life of one of us was born in her belly. She saw us as doctors, lawyers, scientists.

Срлагыженский



Большая перемена
Собрание семьи художника

The Big Recess
Collection of Artist's Family



Подготовка к праздничному выступлению
Собрание семьи художника

Preparation for a School Performance
Collection of Artist's Family



«Мы кузнецы и дух наш молод...»
Собрание семьи художника

“We Are Smiths and Our Spirit Is Young...”
Collection of Artist's Family



В школу приехали бандуристы
Частное собрание

Pandora-players Have Come to the School
Private Collection



Студия Бершадского
Частное собрание

Bershadski's Studio
Private Collection

В натюрмортном классе три четверти года мы рисовали покупаемые на рынке фрукты и овощи. Они быстро портились, и потому требовали от ученика значительной внимательности и собранности. Арбузы и дыни, помидоры и огурцы, яблоки и виноград обладали ясно выраженным цветом. Тряпка-драпировка, кувшин, плетёная корзина только подчёркивали их звучность и содержательность. Иногда какое-нибудь яблочко или груша исчезали, а от грозди винограда оставалась одна общипанная веточка. Был случай, когда дыня вдруг неожиданно поникла. Выяснилось, что Йоська Фикс её сзади всю выел, оставив шкурку и начинив тряпкой для вытирания кистей.

Ефим Ладыженский

In the still life class for three fourths of the year we drew fruits and vegetables that we bought at the market. They spoilt quickly and so required significant attention and focus from the student. Watermelons and melons, tomatoes and cucumbers, apples and grapes had a clearly visible color. A draping rag, a jug or a braided basket only underlined their sonority and content. Sometimes an apple or a pear disappeared and a lonely branch remained of a bunch of grapes. There was a case when a melon collapsed suddenly. It turned out that Yoska Fiks ate it all from behind, leaving the skin and stuffing it with a brush rag.

Ефим Ладыженский



Лекция по пластической анатомии
Частное собрание Нортона и Нэнси Додж

Plastic Anatomy Lecture
The Norton and Nancy Dodge Collection

Рогов, типичный сценический штамп интеллигентного совслужащего, пригласил меня на должность художника плакатов в обменный книжный фонд, которым он и заведовал. Во время очередной лекции в институте, придумав и нарисовав эскиз будущего плаката, я легко согласовывал его с Роговым. Он, умница, составлял короткий, броский текст, а я превращал эти слова в рисунок и декоративную вязь. Буквы наловчился вырезать по три сразу. Контуры созданного рисунка размножал под копирку, а затем на рисунки наносил одинаковые пятна акварелью или гуашью. Такая эффективная система помогала мне выкраивать вечерние и ночные часы для оформления стенных газет другим учреждениям. Когда все в доме спали, и одно единственное окно светилось в доме, мама сидела рядом, штопая или перелицовывая в очередной раз какую-нибудь носильную вещь. Наша собака Белка тяжело вздыхала во сне в своём углу.

Всё, что я делал, не было «искусством в массы». Мною руководило желание внести свою лепту в повышение «жизненного уровня» нашей семьи, которая никакого жизненного уровня не имела.

Нередко я сам должен был придумать название статьи в стенной газете. Я старался делать его коротким, заботясь о времени, уходящем на него. «ОТЧЕГО», «ПОЧЕМУ», «ЗАЧЕМ» с большими или малыми вопросительными знаками и «ВНИМАНИЕ», «ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО», «РАСПУЩЕННОСТЬ» с восклицательными знаками прозрачно рисовались акварелью прямо по тексту статьи. Газеты выходили цветные, нарядные, привлекавшие к себе внимание зрителей и читателей, а ко мне – заказчиков.

Городские газеты «Одесские известия» и «Вечерние новости» объявили конкурс на лучшую стенную газету. В выставочных залах газеты различных учреждений оказались, как близнецы, похожими друг на друга. На многих из них мелькали хлесткие, бойкие «ОТЧЕГО», «ПОЧЕМУ», «ЗАЧЕМ».

Я создал свой стиль, но потерял нескольких клиентов и получил только вторую премию.

Ефим Ладыженский

Рогов, a typical scenic cliché of an intelligentsia Soviet state worker, invited me to take the position of the poster artist in the book exchange fund which he headed. Inventing and drawing the sketch for a future poster during one of the lectures in the institute, I easily confirmed it with Rogov. He, a smart guy, created a brief splashy text and I turned these words into a drawing. I learned to cut out letters three at a time. I made copies of the drawing and then put identical spots of water-color or gouache on them. Such an efficient system allowed me to find time in the evening and night to make wall newspapers for other organizations. When everybody was sleeping in the house and there was light in only one window, Mom sat nearby, mending some item of clothing. Our dog Belka sighed heavily in her sleep in its corner.

All that I was doing wasn't "art to the masses". I was driven by the desire to do my share of work in improving the "living standard" of our family, which didn't actually have any standard of living.

Often I had to invent the title of an article in a wall newspaper myself. I tried to make it short, caring for the time that would be spent on it. "WHY", "WHAT FOR", with big or small question marks and "ATTENTION", "SCAM", "DISSOLUTENESS" with exclamation marks were drawn in transparent water-colors right over the text of the articles. The newspapers turned out colorful and gay, attracting readers and viewers and new clients for me.

The city newspapers "Odessa News" and "Evening News" made a competition for the best wall newspaper. At the exhibition the newspapers of different organizations turned out to be very much like one another. Many of them had flashy and brief "WHYS", "WHAT FORS" and "FOR WHAT REASONS" all over them.

I created my own style, but lost a few clients and only got the second prize.

Ефим Ладыженский



Профессор Лысенков в морге
Собрание семьи художника

Professor Lysenkov in the Morgue
Collection of Artist's Family



Граф Долинский
Частное собрание Кононовых

Count Dolinskiy
The Khononov Collection

Я видел вечерние съёмки «Последнего извозчика» с артистом Бучмой из театра «Березиль», славившегося своей «мейерхольдовщиной». В том фильме снимался и наш натурщик, граф Долинский. Он, в черкеске и бурке, перед кинокамерой заставлял становиться на дыбы лошадь столько раз, сколько от него требовали.

Долинский, действительно, был графом и обладал каким-то чином Лейб-Драгунского Ея Императорского Величества полка, именем на Волыни и женой. Жена сбежала с польским шляхтичем, а имение реквизиовали. Его посадили, но не расстреляли, и, вот, он приехал в Одессу. Профессии не имел, но имея бороду, лихо закрученные вверх усы и чудно сохранившуюся фигуру, он позировал на разных факультетах нашего института. Обнажённым, стоя на подиуме, соскакивал с него, чтобы поднять и подать смущённой студентке её упавший карандаш, и, прося прощения, становился на место, умещая свои пятки в обведенный мелом круг.

Летом одет был в матросскую белую форменку и капитанку, покрытую белым чехлом, с большим, жёлтым крабом над чёрным клеёнчатым козырьком. Подрабатывал в «Обществе спасения на водах». Женился на трамвайной кондуктриссе, вдове генерала от инфантерии царской армии. Жили они в коммунальной квартире, в комнате, обставленной мебелью в стиле «ампир» из палисандрового дерева. Вежлив наш граф был беспредельно. Встречая нас на улице, протягивал всем руку, козырял, и с улыбкой, но по-военному, щёлкая каблук о каблук, как будто на них были шпоры, чётко произносил свою фамилию.

Ефим Ладыженский

Я saw the evening shooting of “The Last Cabbie” with the actor Buchma from the “Berezil” theater, famed for its Meyerhold style. Our model, Count Dolinskiy, also took part in that film. He was wearing a felt cloak and a Circassian coat and made the horse rear in front of the camera as many times as he was asked.

Dolinskiy was actually a count and had some rank in the Life Dragoon Regiment of Her Imperial, an estate on the Volyn’ and a wife. The wife had run off with a Polish nobleman and the estate had been expropriated. He had been arrested, but not executed, and so he went to Odessa. He didn’t have a profession, but having a beard, a moustache that curled upwards very dashingly and a figure that was wonderfully youthful, he posed in different departments of our institute. Standing on a podium nude, he jumped off of it to pick up a falling pencil and to give it to an embarrassed student and, saying sorry, returned to his place, fitting his heels into the circle marked with chalk.

In the summer he wore a sailor’s white uniform and captain’s cap under a white cover with a big yellow crab under a black oilcloth visor. He worked part time in the Lifeguard Society, married a tram conductress, the widow of an infantry general from the tsar army. They lived in a communal flat with rosewood empire style furniture. The Count was impeccably polite. Meeting us in the street he shook hands with everyone, saluted and said his last name with a smile, but in a military manner, clicking his heels as if there were spurs on them.

Ефим Ладыженский



Публичка
Частное собрание Виницких

.....

The Public Library
The Vinitsky Collection



Декорация для школьной сцены
Частное собрание Кельнер

.....

Scenery for a School Performance
The Kelner Collection



Мой трамвай на демонстрации
Частное собрание

.....

My Tram on a Demonstration
Private Collection



От такого солнца и воздуха берега приобретают суровый цвет — охристый, пепельный и сизоватый, как окалина, — цвет незапамятных времен, цвет вечности. И на эти ржавые берега, на обнаженную, окаменелую глину равномерно набегают из столетия в столетие неисчислимые волны. Запахов, шумов и красок настоящего моря великое множество.

К о н с т а н т и н П а у с т о в с к и й

Such sun and air give the shores a rough color – ochre, ash and a little dove-color, like cinder – the color of past eons, the color of eternity. And for century after century countless waves rush at these rusty shores, at the naked petrified clay. There is a great many of smells, noises and colors of the real sea.

K o n s t a n t i n P a u s t o v s k y





Весна на даче "Отрада"
Собрание семьи художника

Spring in the "Otrada" Country House
Collection of Artist's Family



На берегу дачи Прокудина
Собрание семьи художника

On the Beach at Prokoudine's Country House
Collection of Artist's Family



Лодочная станция совслужащих
Собрание семьи художника
.....

Soviet Workers' Boat Station
Collection of Artist's Family



Утром на Ланжероне
Собрание семьи художника
.....

Morning on Lanzheron
Collection of Artist's Family



На арбузном дубке
Собрание семьи художника

Oaken Boat with Watermelons
Collection of Artist's Family



Мы готовимся к экзаменам
Частное собрание Кононовых

We Are Preparing for Exams
The Khononov Collection



Каникулы ещё продолжаются
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Vacation still proceeds
The Norton and Nancy Dodge Collection



Хорошо пацаны рисуют
Собрание семьи художника

The Guys Can Draw
Collection of Artist's Family



Маёвка фабрики им. Розы Люксембург
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

May Day at the Rose Luxembourg Factory
The Norton and Nancy Dodge Collection



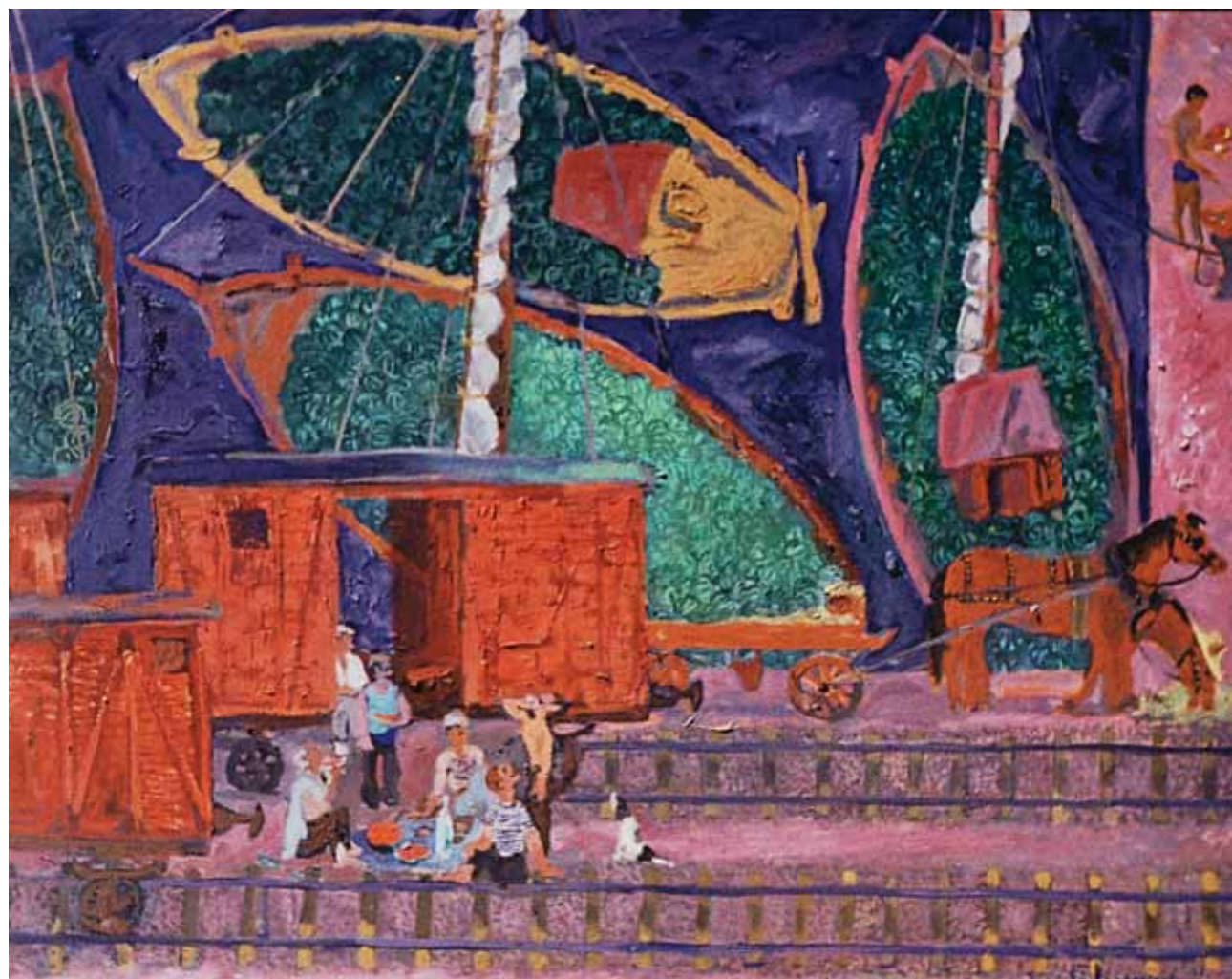
Oh have you been that evening at the docks?
The grey “Camilla” rose above the berth
While seagulls dove between in snowy flocks.
The waters rippled under the chilly breeze,
And Vega shed her light on gloomy Earth,
A beam of hope in the forgotten seas.
Oh have you heard the iron voice of hoist,
Its husky cry against the evening glow,
The night is full and succulent and moist,
And clouds float above the greenish veil
Like dockers’ barks, so silently they flow
Between the ships in all their rusty mail.

*Konstantin Paustovsky,
transl. by Maria Artamonova*

Вы помните, — у серого «Камилла»
Ныряли чайки, словно хлопья снега,
Как чешуя, вода в порту рябила,
И по ночам слепительная "Вега"
Сверкала вся, как древняя корона,
Как божий знак покинутых морей.
Железный лязг скрежещащих лебёдок,
И хриплый крик, и тёмные закаты
На пелене прозрачной и зелёной,
Где облака – как крылья лебедей,
И тихий ход портовых ветхих лодок
У чёрных и бездымных кораблей,
Заржавленных, как латы.

Константин Паустовский





Монастырские кавуны
Частное собрание

Monastery Watermelons
Private Collection



Заморский хлопок
Частное собрание

Foreign Cotton
Private Collection



С крейсера «Октябрьская революция» на «Кармен»
Частное собрание

From the Cruiser "The October Revolution" to "Carmen"
Private Collection



Крымско-кавказская линия
Частное собрание

The Crimea-Caucasus Line
Private Collection



В дальний рейс
Частное собрание Смит

Going on a Long Voyage
The Smith Collection

Военный оркестр, блестя медными трубами, играл марш «Тоска по родине».

Провожавших не пускали на пароход. Они стояли на пристани возле черного борта парохода, высокого, как дом, с круглыми иллюминаторами вместо окон. Из желтой трубы уже валил каменноугольный дым.

Визжали паровые лебедки, как бы выговаривая «тирли-тирли-тирли». Они грузили в пароходные трюмы уголь и сено. Угольная пыль смешивалась с трухой сена и со звуками духового оркестра.

Пароход, заваленный разными грузами, оседал ниже ватерлинии. Он был так громоздок, тяжел, неуклюж, что, казалось – никогда не сдвинется с места.

Но вот раздался густой бас трехкратного пароходного гудка. У провожающих заложило уши, и перестал слышаться оркестр, одно только буханье турецкого барабана.

...На том месте, где только что чернела стена парохода, образовалась щель, и в глубине – зеленая рябь морской воды.

В а л е н т и н К а т а е в

The war orchestra with its shining brass trumpets was playing the "Nostalgia for Motherland" march.

Those who came to see other people off weren't allowed on board of the steamship. They stood at the pier near the black side of the ship, high as a house, with round portholes instead of windows. Coal smoke was already rising out of the yellow chimney.

Steam hoists were squeaking as if saying "tirli-tirli-tirli". They were loading hay and coal into the ship's hold. Coal dust got mixed with hay-dust and with the sounds of the brass orchestra.

The ship, burdened by various loads, sank below the waterline. She was so heavy, bulky, clumsy that it seemed she would never start.

But the dense bass of the ship whistle sounded thrice. It was so loud that the orchestra could no longer be heard except for the loud whamming of the Turkish drum.

...In the place where the side of the ship had just been, there was a slit and in the depth there was the green ripple of seawater.

V a l e n t i n K a t a e v



Бессарабское вино
Частное собрание

Bessarabian Wine
Private Collection



Керченская сельдь
Частное собрание

Kerch Herring
Private Collection



...The character of Odessa's streets was constantly changing depending on the political situation. At times the pre-Revolution life would seem to be resurrected with trotters under blue nets in the winter, with flower-girls and money-changers on the corner of Deribasovskaya and Preobrazhenskaya opposite the pass-through gate of Wagner's house in the summer, with the exchange brokers at the marble tables of famous Odessa cafes – Fancony's and Robin's, with night clubs, cabarets, café chantants, miniature theatres, smart English yachts of the Ekaterininskiy and Chernomorskiy yacht clubs, which went one by one past the white-stone lighthouse with a brass signal bell into the perspective of the open sea, slightly gloomy under foreign winds, with cinemas and Chernetsky's war orchestra on Nikolaevsky blvd.

Or it all would suddenly be swept away during one stormy night ...

I. A. Bunin

In the southern cities people are not shy of the street, as it happens in the north. For this reason in the south streets are simpler and more lyrical. There they easily become an arena for human kindness, jocularly and curiosity.

Konstantin Paustovsky

...Характер одесских улиц постоянно менялся в зависимости от политической обстановки. То как бы вновь воскресала дореволюционная жизнь с рысаками под синими сетками зимой, с цветочницами и менялами на углу Дерибасовской и Преображенской против проходных ворот дома Вагнера летом, с биржевыми зайцами и «лепетутниками» за мраморными столиками знаменитых одесских кафе – Фанкони и Робина, с ночными клубами, кабаре, шантанами, театрами миниатюр, с нарядными английскими яхтами Екатерининского и Черноморского яхт-клубов, которые уходили одна за другой мимо белокаменного маяка с медным сигнальным колоколом в перспективу открытого моря, слегка мглистого от заграничного ветра, с иллюзионами и военным оркестром под управлением Чернецкого на Николаевском бульваре.

То все это вдруг сметало в течение одной бурной ночи...

Бунин И. А.

В южных городах люди не стесняются улицы, как это бывает на севере. Поэтому на юге улицы простодушнее и лиричнее. Там они легко делаются ареной для проявления человеческой доброты, шутливости и любопытства.

Константин Паустовский





Городские меломаны
Частное собрание

City Music Lovers
Private Collection



Кафе бывший Фанкони
Частное собрание Виноцких

Ex-Fanconi's Cafe
The Vinitsky Collection



После трудового дня
Частное собрание Кононовых

After a Working Day
The Khononov Collection



Заезжий двор
Собрание семьи художника

Inn
Collection of Artist's Family



Там, где пересекаются трамвайные линии
Частное собрание Смит

Where Tram Lines Meet
The Smith Collection

К Белой Арке, состоящей из двух малых и одного большого проемов, приводили либо человеческие ноги, либо ноги лошадей, впряженных в дрожжи, либо четыре колеса трамвая номер четыре Русско-бельгийского общества. Трамвай начинал свой путь от Старо-Портофранковской, чуточку шел по Тираспольской и затем напрямик двигался по Успенской улице. Огибал Александровский парк по правой стороне его периметра и выходил к этой самой Белой Арке, на которой среди всякого рода лепных украшений выступали буквы «ЛАНЖЕРОНЪ» с отбитым твердым знаком.

Трамвай еще не успевал затормозить, как из него выскакивали мальчуганы, хвавшие зайцем. Более чинно выходили молодые люди и девушки, взявшие билеты, и с трудом опускали свои ноги с площадки на землю старые женщины в больших пикейных панاماх и немолодые мужчины в еще сохранившихся соломенных шляпах с двумя козырьками, и потому именуемых «здрасьте-до-свидания». Колея, по которой двигался трамвай, шириной была в аршин, и этими параллельными рельсами был опутан весь город. Еще некоторое время после революции некоторые «ватманы» считали своей профессиональной честью провести по всему пути своего следования стакан, до краев наполненный водой, ни капельки не пролив из него. Кондуктриссы были молоды и, как все одесситки, самые красивые девушки на свете, не сварливы, и не подымали «хай на всю Одессу» из-за не взятого вовремя билета, и говорили, как многие девицы в городе, что «готовы отдаться ему и не меньше». Все спинки, обитые соломкой, передвигались соответственно желанию пассажиров и давали возможность сесть на сидения лицом друг к другу. Ручки из бронзы на спинках, дверях и окнах были вычеканены и орнаментированы. Все было предусмотрено, чтобы человек, едущий на работу, не устал. Не надо было упоминать истасканное слово о культуре и звать к взаимной вежливости пассажира и кондуктора. Трамвай сам, своим существом, располагал к такому поведению.

Српска Република

ne could get to the White Arch, consisting of two small and one large spans, either by human feet, or by the horses' legs that were pulling a buggy, or by the four wheels of a Number Four tram of the Russian-Belgian Society. The tram started its way from the Staro-Portofrankovskaya street, went a little while through Tiraspolskaya and then segued straightly through Uspenskaya street. It passed the Alexandrovskiy park on the right-hand side of its perimeter and came directly to this very White Arc, on which, among various stucco moldings, were inscribed the letters "ЛАНЖЕРОНЪ" with the last letter broken off.

The tram did not stop yet, when the boys who traveled without a ticket jumped off. (I recalled them recently, when I saw penguins jumping out of the water in Antarctica.) Young men and girls, who had paid for their rides, came out more orderly and the last ones to come out were old women in large soft hats and no-longer-young men in the yet-existing large straw hats with two peaks, which were for that reason called “Hello – Good-bye”. The rails that the tram ran on were about two and a half feet apart and ran through the whole city. Even for some time after the revolution certain tram drivers felt it a matter of professional pride to drive a glass filled with water to the brim through their whole route without spilling a drop. The conductresses were young and, like all the Odessa girls, the most beautiful girls in the world, had a kind character. They never raised “a shout to be heard by all Odessa” because of a ticket not taken in time. Like many girls in town they said, “I’d sleep with him, no less”. The seat backs, complete with straw covers, could be moved according to the passengers’ desire, so that they could easily sit down facing each other. Bronze handles on the seat backs, doors and windows were minted and ornamented. Everything was done so that a person going to work would not get tired. One did not have to speak tiredly about culture and ask the conductor and the passenger to be courteous to each other. The tram itself moved one towards behaving politely.

Српско-женички



Дорогой Саррочке от Фимы
Частное собрание

To Dear Sarrah from Fima
Private Collection



Карусель в парке трезвости
Частное собрание

Merry-Go-Round in the Sobriety Park
Collection of Artist's Family



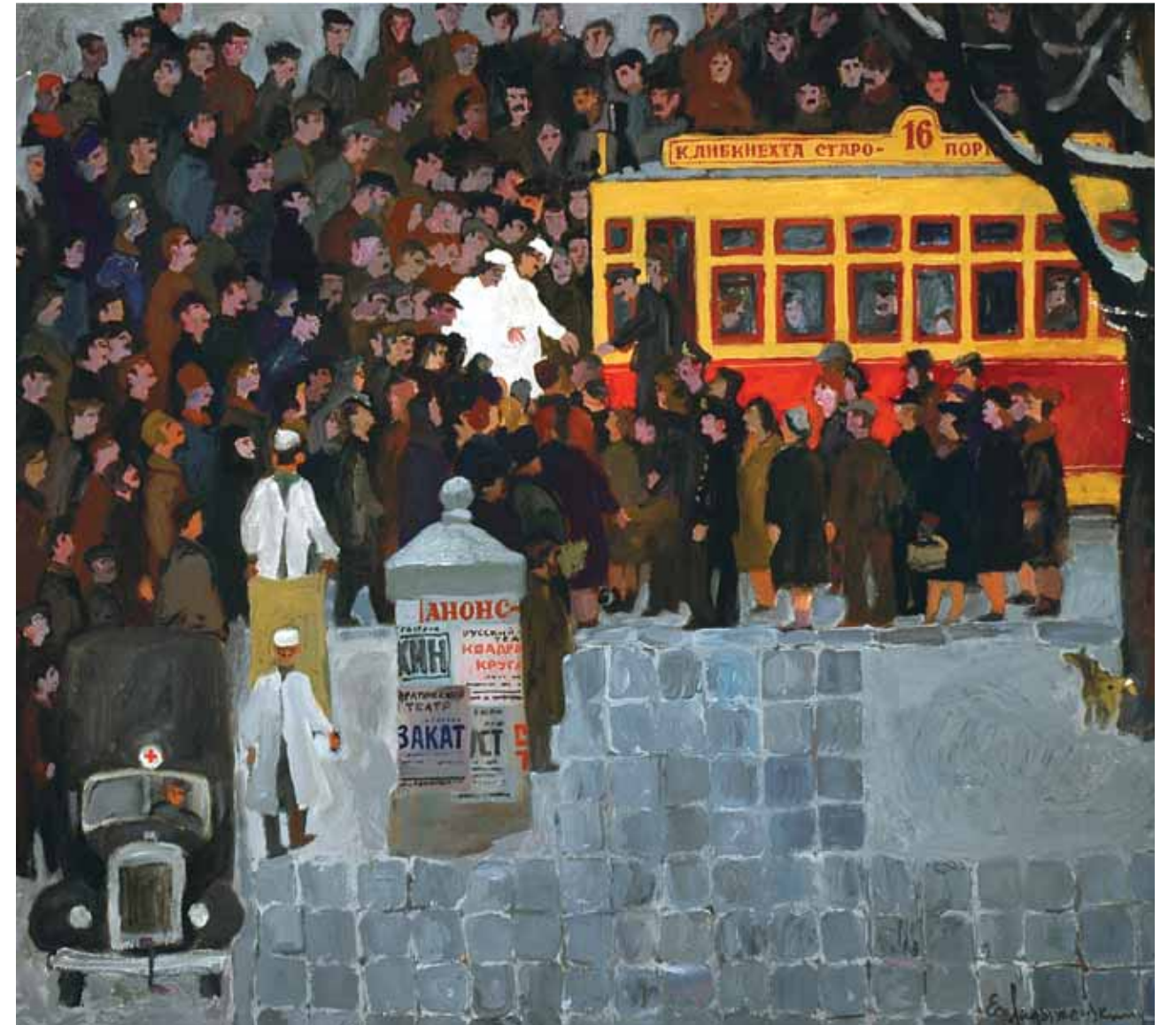
В парке трезвости
Собрание семьи художника

In the Sobriety Park
Collection of Artist's Family



Наш театр горит
Собрание семьи художника

Our Theatre is Burning
Collection of Artist's Family



Человек попал под трамвай
Собрание семьи художника

A Man Got Run Over by a Tram
Collection of Artist's Family



Цыгане пришли в город
Частное собрание

The Gypsies Have Come to Town
Private Collection



Манька-рыбачка
Собрание семьи художника

Man'ka the Fisherwoman
Collection of Artist's Family



Вальс «Амурские волны»
Частное собрание Виницких

The Waltz "Amur Waves"
The Vinitsky Collection

«АМУРСКИЕ ВОЛНЫ» — ЭТО НЕ ВАЛЬС, А ЦЕЛЫЙ РОМАН

*Бывает, музыка жестоко обходится
с ее создателем*

Он как-то сразу полюбил ее, и она ответила ему тем же. Но им не суждено было быть вместе. Не потому что она была старше и замужем за полковником из Генштаба. Одним из роковых и загадочных обстоятельств, разлучивших их навсегда, стала музыка, которую он посвятил ей. В историю она вошла как вальс «Амурские волны». Вальсу было суждено пережить и эту любовь, и этих людей. От романтической истории не осталось ничего, кроме короткого посвящения в нотах: «В.Н.». Но если бы не это посвящение, не было бы и музыки, ставшей бессмертной.

Макс Кюсс был родом из семьи бедных одесских евреев. Из корыстных побуждений он довольно рано женился на дочери местного фабриканта. Но между супругами не возникло не только эмоциональной привязанности, но и просто взаимопонимания. Поначалу Макс тяжело переживал семейные разлады, но потом нашел успокоение в музыке. Говорят, что сочинения предпринимателя были милы, но немного грустны. Сам Кюсс называл свое увлечение не более чем способом отвлечься от повседневных неприятностей.

Макс любил путешествовать. Однажды он задумал поездку во Владивосток. Поезд выходил из Санкт-Петербурга и следовал до места назначения месяц. Все предвещало приятную дальнюю дорогу, не исключая мимолетные романы.

«AMUR WAVES» — NOT A WALTZ BUT A WHOLE NOVEL

*It happens sometimes that music is cruel
towards its creator.*

It happened so that he fell in love with her at once and she returned his love. But they were not destined to be together. The reason wasn't that she was older than him and married to a General Headquarters colonel. One of the fatal and mysterious circumstances that parted them was the music he dedicated to her. It will remain in history as "Amur Waves". The waltz survived both this love and these people. The only thing that remained of the romantic story was a short dedication on the music: "V.N.". But without this dedication the music, which became immortal, would not appear.

Max Kyuss came from a poor Jewish family in Odessa. He married the daughter of a local factory-owner fairly at an early age for mercenary reasons. However, there was little understanding between the husband and wife, let alone emotional attachment. At first Max was disturbed by the family troubles, but then he found comfort in music. It is said that the businessman's compositions were nice, but a little sad. Kyuss himself called his hobby no more than a way to find escape from daily troubles.

Max liked to travel. Once he planned a trip to Vladivostok. The train started from St. Petersburg and it took it a month to get to destination. Everything promised a pleasant long journey, not without the possibility of a brief fling.

...На эту женщину он обратил внимание сразу, едва поезд вышел из Петербурга. Позже, вспоминая о ней, он говорил, что не мог понять, была ли она вообще красива. Просто Вера Николаевна была особенной. К тому же у нее были удивительные, цвета морской волны, глаза.

Они легко разговорились, как это обычно бывает в дороге, и через час поняли, что интересны друг другу. Спустя несколько дней они уже не могли обманываться: сильное увлечение стало взаимным. Тем не менее Кюсс понимал, что у него нет никаких надежд. Она была светской дамой с положением в обществе. Ее муж, полковник Генерального штаба российской армии, расквартированной во Владивостоке, был старше ее на 25 лет, и она подчинялась ему, как покорная дочь.

Время шло, поезд приближался к месту назначения, и Кюсс с ужасом понимал, что потерять эту женщину будет для него катастрофой. Во время остановки в районе Иркутского отрога он предпринял отчаянную попытку объясниться. Вера Николаевна выслушала его молча, но ее глаза (как показалось композитору) сказали: «да». Всю оставшуюся часть пути в голове Кюсса звучала музыка. Неуловимая мелодия то возникала, то уходила, как волны...

По прибытии во Владивосток он последовал за женщиной. Она умоляла, наконец, требовала оставить ее – тщетно. Вскоре на балу в Городском офицерском собрании он преподнес ей неожиданный подарок – вальс «Волны Амурского залива» с посвящением ей, Вере Николаевне. Публика приветствовала автора. Все были в восторге. Кроме ее мужа, который усмотрел в этом подарке то, что за ним, собственно, и скрывалось. Автор и муза больше не виделись...

Отчаявшийся Кюсс забросил дела, забыл про дом и сделался капельмейстером военного оркестра во Владивостоке. Но со временем, связанный обязательствами, вынужден был вернуться обратно в Одессу. Там он продолжал музицировать. Но сочинять больше не мог.

Иногда он думал: что было бы, не случись с ним эта напасть, эта странная любовь? В сущности, ничего особенного. Стал бы сумрачно наживать деньги, засел бы в своем большом богатом доме с женой, послушной и чужой, и прожил бы размеренно, без потрясений, но без счастья, оставив после себя состояние, а не вальс. Понимал он и другое. С ней, Верой, он был бы счастлив едва ли. Эта женщина с зелеными глазами была для него слишком непостижима. Само воспоминание о ней становилось для него мучительным. И вальс, который исполняли на каждом углу, безжалостно напоминал ему об этом. Ему казалось, что он на всю жизнь наказан за что-то этой музыкой.

Макс Кюсс прожил долгую жизнь. Ему было уже под семьдесят, когда началась Великая Отечественная. Немцы заняли Одессу, и один из высших чинов СС, оказавшийся меломаном, затребовал к себе одесскую музыкальную знаменитость. Кюссе было приказано исполнить нацистский гимн «Хорст вессель». Он согласился, но сыграл в миноре и синкопированно – даже ничего не смыслящий в музыке человек не мог не угадать в этом откровенное издевательство. По приказу того же военного меломана Кюсса отвезли в одесскую каменоломню и там заживо сожгли.

...Наверное, в истории не было другого случая, когда музыка столь жестоко обошлась бы с человеком.

Ирина МИШИНА, «Новая газета», 05.05.2003

...He noticed this woman as soon as the train left St. Petersburg. Later, remembering her, he said that he could not understand whether she was beautiful. Vera Nikolaevna was simply special. She also had amazing aquamarine eyes.

They started a conversation easily, as it usually happens on a trip, and in an hour they saw that they interested each other. In a few days they could no longer deceive themselves: the strong infatuation became mutual. Nevertheless, Kyuss understood that he had no chance. She was a fine lady with a social standing. Her husband, a colonel of the General Headquarters of the Russian army billeted in Vladivostok, was 25 years older than her and she submitted to him like an obedient daughter.

Time went on, the train was approaching its destination, and Kyuss understood with horror that losing this woman would be a catastrophe for him. During a stop in the vicinity of the Irkutsk spur he attempted a desperate confession. Vera Nikolaevna listened to him silently, but her eyes (as it seemed to the composer) said yes. For all the final part of the journey music sounded in Kyuss's head. The elusive melody would come and go like waves...

Upon arrival to Vladivostok he followed the woman. She pleaded, then demanded to leave her alone, but it was in vain. Soon on a ball in the City Officer Assembly he gave her an unexpected gift: a waltz, "Amur Bay Waves" with a dedication to her, Vera Nikolaevna. The public greeted the author. Everyone admired the music, except for her husband, who saw behind the gift that which actually lay behind it. The author and the muse didn't meet again...

The desperate Kyuss neglected business, forgot his home and became the bandmaster of a military orchestra in Vladivostok. But after some time passed he was forced by circumstances to return to Odessa. He continued to play music there, but could no longer compose.

Sometimes he thought about what would have been if this misfortune, this strange love had never happened to him? Overall, nothing special. He'd start earning money cheerlessly, sitting in his big rich house with his wife, obedient and strange, and live steadily, without turmoil, but without happiness either, leaving a fortune instead of a waltz as his legacy. He understood another thing too. He would hardly have been happy with her, with Vera. This green-eyed woman was too incomprehensible for him. The memories of her became a torment for him. And the waltz, which was played everywhere, reminded him of that without mercy. It seemed to him that he was punished for all his life for something by that music.

Max Kyuss lived a long life. He was almost seventy when the Second World War began. The Germans occupied Odessa and one of the high-ranking SS officers, who turned out to me a music lover, sent for the well-known Odessa musician. Kyuss was ordered to play the Nazi hymn "Horst Wessel". He agreed, but played it in the minor and syncopated: even someone who didn't understand anything in music would have certainly notice open mockery in this. At the order of the same military music lover Jyuss was taken to a quarry near Odessa and burned alive there.

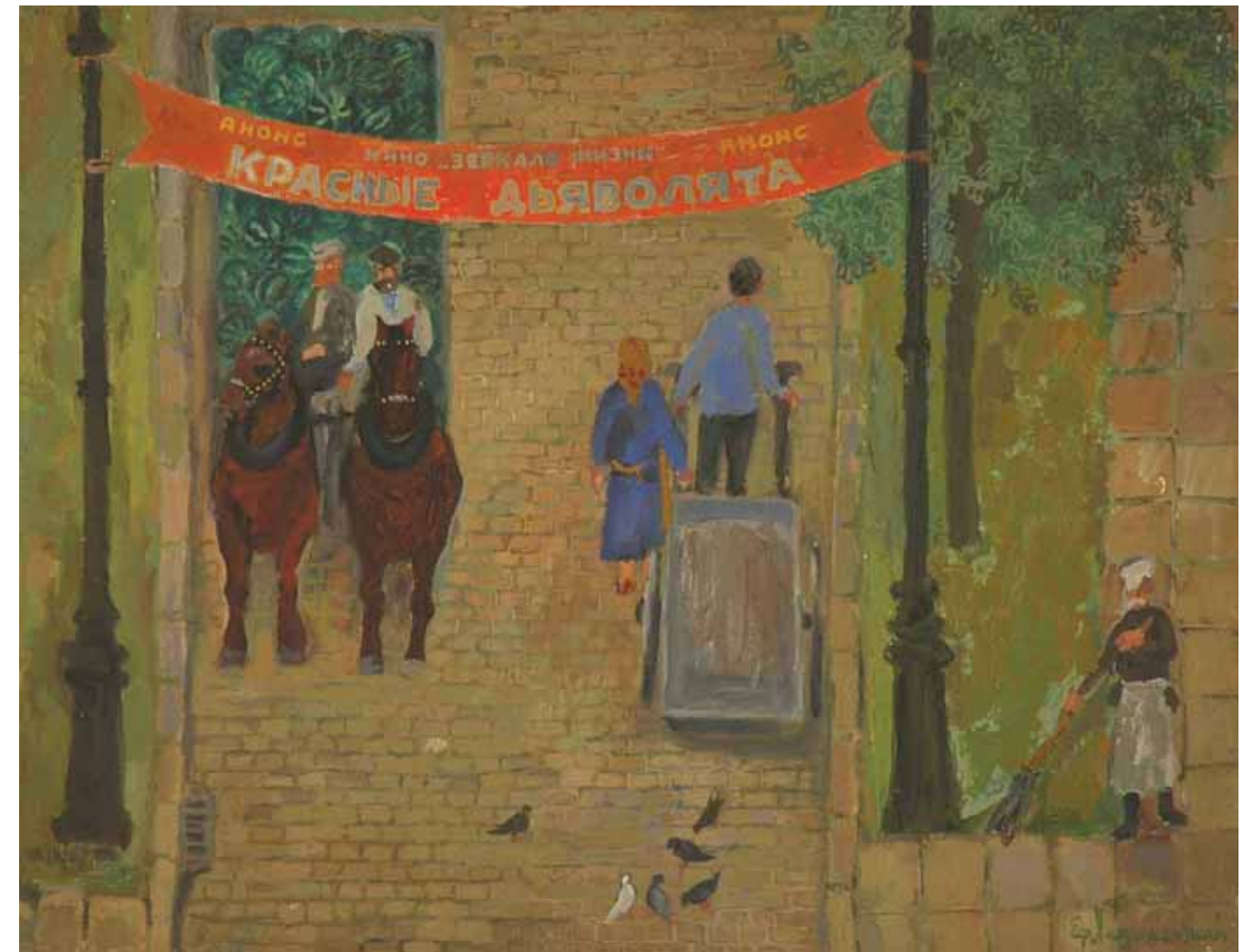
...There was probably no other case in history when music treated a man so cruelly.

Irina MISHINA, "NOVAYA GAZETA", 05.05.2003



За кем будет победа
Частное собрание

Who Will Be Victorious
Private Collection



Ранним утром
Собрание семьи художника

Early Morning
Collection of Artist's Family



Кафе Робина
Частное собрание

Robin's Cafe
Private Collection



Трактир
Частное собрание

The Inn
The Private Collection



Когда снег выпадал на Дерибасовской
Частное собрание

When Snow Was Falling on Deribasovskaya Street
Private Collection

„ „ „ Монастырский имел дрожки на дутиках и сани. Всё это хозяйство он держал в части двора с разрушенным трёхэтажным флигелем, общедворовой уборной, мусорным ящиком и бывшей прачечной. Там, в помещении прачечной, стоял статный вороной с фиолетовым отливом. Конь хрустел зубами, перемалывая овёс.

Лошадь покупалась с осени и продавалась с началом весны.

У Монастырского имелись уздечки, сбруя со множеством медных пуговиц, красные сафьяновые вожжи и разных цветов подколенники.

Когда выпадал снег, он впрягал лошадь в сани с пологом и с подшитым медвежьим красным сукном. Надевал на лошадь красные плетёные наушники и покрывал её плотной, цвета киновари, сеткой с кистями. Сам наряжался в извозничий зипун на вате, подпоясывался кушаком, тоже украшенным медными пуговицами и брал в руки изящный кнут, которым в жизни не ударит лошадь. Взяв за уздечку лошадь и ласково что-то нашёптывая, выводил её из подворотни на улицы, устланные свежевыпавшим снегом, и втискивался в свой, кучерский, отсек. Лошадь, почувствовав вожжи, удовлетворённо заржав, махнув головой и стегнув себя тщательно расчёсанным хвостом, под звуки колокольчика, трогалась с места, отшвыривая копытами чуть влажный снег.

Они направлялись на Екатерининскую угол Дерибасовской, туда, где гуськом выстраивались лихачи.

Он, Монастырский, в этот миг был горд, как Ротшильд и пластичен, как Айседора Дункан.

Ефим Ладизженский

„ „ „ Monastyrskiy had a horse and sleds. He kept all that in the part of the yard where there were a ruined three-storey outbuilding, a public convenience, a garbage bin and the former laundry. There, in the laundry area, stood a handsome black horse with a violet hue. The horse gritted his teeth, crunching oats.

The horse was bought in the autumn and sold in the spring.

Monastyrskiy had bridles, a harness with a lot of brass buttons, red goatskin rein and knee protectors of different colors.

When snow fell, he harnessed the horse into the sled with a canopy and a red cloth sewn onto it. He put red braided earflaps on the horse and covered him with a dense vermillion-color net with brushes. He put on a cabbie's wadded coat, also adorned with brass buttons and took a slender whip, which he would never hit the horse with. Taking the horse by the bridle and whispering something tenderly to him, he led him from the gateway into the streets covered by the fresh snow and forced himself into his driver's compartment. Feeling the rein the horse neighed contentedly, shook his head and slapping himself with his thoroughly combed tail started moving, throwing away the slightly damp snow with its hooves.

They went to the corner of Ekaterininskaya and Deribasovskaya, where fast riders stood in a file.

He, Monastyrskiy, was at that moment proud as Rothschild and graceful as Isadora Duncan.

Ефим Ладизженский



Биржа на Старом Базаре
Частное собрание

The Exchange on the Old Bazaar
Private Collection



Утро у биржи труда
Собрание семьи художника

Morning at the Employment Agency
Collection of Artist's Family



Ресторан в гостинице Лондонская
Частное собрание

Restaurant in the London Hotel
Private Collection



Весной в Пале-Рояль
Частное собрание

Spring in Palais Royal
Private Collection



Памятник Воронцову
Частное собрание

Monument to Vorontsov
Private Collection

“Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что станет полным, наконец.”

А. С. Пушкин

Примечание

Эпиграмма на новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семёновича Воронцова (1782—1856), в канцелярии которого Пушкин служил в 1823—1824 гг. Взаимоотношения их были враждебными и кончились высылкой Пушкина из Одессы в Михайловское.

Полу-милорд — намёк на английское воспитание Воронцова (он был сыном русского посла в Лондоне) и на его англоманию.

Полу-купец — Воронцов был материально заинтересован в операциях Одесского порта.

“Half-milord, half-merchant,
Half-sage, half-ignoramus,
Half-scoundrel, but there is hope,
That he will finally become a full one.”

A. S. Pushkin;
*the original was a poem,
but the translation is simply a literal one.*

Note

The target of this epigram was the Novorussian governor-general Count Mikhail Semyonovich Vorontsov (1782—1856), in whose office Pushkin served in 1823—1824. Their relationship was a hostile one and ended in Pushkin’s expulsion from Odessa to Mikhailovskoye.

Half-milord — a hint on Vorontsov’s English upbringing (he was the son of the Russian ambassador to London) and his Anglomania.

Half-merchant — Vorontsov had a material interest in the operations of the Odessa port.



На Соборной площади
Частное собрание Кононовых

On the Cathedral Square
The Khononov Collection



Игра в серсо
Частное собрание Калинских

Playing Hoop
The Kalinsky Collection



Переезд на новую квартиру
Частное собрание Кононовых

Moving to a New Flat
The Khononov Collection



На углу Чичерина и Троцкого
Частное собрание

The Corner of Chicherin and Trotsky Streets
Private Collection



Депо
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Depot
The Norton and Nancy Dodge Collection



Трактир Медведь
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

The Bear Inn
The Norton and Nancy Dodge Collection



Ресторан на бульваре Фельдмана
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Restaraunt on Feldman Blvd.
The Norton and Nancy Dodge Collection



Не дрейфь
Частное собрание

Don't Be Afraid
Private Collection



«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему
[и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами
морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,]
и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами,
пресмыкающимися по земле.»

“And God said, Let us make man in our image, after our likeness:
and let them have dominion over the fish of the sea,
and over the fowl of the air, and over the cattle,
and over all the earth, and over every creeping thing
that creepeth upon the earth.”



Кабачки на Привозе
Частное собрание

Pubs in the Market
Private Collection



Пошли дыни
Собрание семьи художника

Melons Have Ripened
Collection of Artist's Family



Старый базар утром
Частное собрание

The Old Bazaar in the Morning
Private Collection



Старый базар вечером
Собрание семьи художника

The Old Bazaar in the Evening
Collection of Artist's Family



Толчок
Частное собрание Виноцких

Tolchok
The Vinitsky Collection



Лотерея Аллегри
Частное собрание

Allegry's Lottery
Private Collection



Живая птица
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Living Fowl
The Norton and Nancy Dodge Collection



В яичном ряду
Частное собрание

In the Egg Row
Private Collection



В рыбном ряду
Частное собрание

In the Fish Row
Private Collection

“ “ “ **Н**е знаю, что возникло в моей памяти раньше: запах или вкус, звук или зрительное представление.

На Базаре все запахи терялись, растворялись в лучах одесского солнца и обретали свою индивидуальность только при приближении к пахучему товару. Запах и вкус зелёных укропа, лука, петрушки, сельдерея и шпината — неповторимы, не похожи; картошка и капуста, морковь, бурак и огурцы — без запаха, но с личными цветом и формой, и с отличным вкусом; редиска своей карминностью и белизной, способствовавшими её соблазнительности, и зелёной ботвой очень украшала торговые ряды.

Овощи и зелень продавались пучками, связками, на вес и поштучно.

...С правой и левой сторон Базарной площади продавали рыбу. Если на той стороне овощи и фрукты обладали личным запахом, то в рыбных рядах стоял один крепкий, устойчивый запах смеси соли и йода, водорослей и самой воды.

Скумбрию коптили прямо тут же, потому покупалась она ещё тёплой. Меня поражала смена естественного серебристого цвета свежей рыбы на золотой после копчения.

...Рынок оживал ещё задолго до восхода солнца, а когда оно всходило, чешуя рыбы отражала падающие на неё лучи множеством лучиков. Лёд истекал водой, продавцы обуревались желанием поскорей и повыгодней продать, а у покупателей разбегались глаза, и разжигались страсти.

Ефим Ладыженский

“ “ “ **I** do not know what appeared first in my memory: smell or taste, sound or sight.

On the Bazaar all smells got lost, dissolving in the rays of the Odessa sun and regained their individuality only once I approached the fragrant goods. The smell and taste of green dill, onion, parsley, celery and spinach are unique, not like each other; potatoes and cabbage, carrots, beets and cucumbers had no smell, but their own color and shape and an excellent taste; radish adorned the market rows with its carmineness and whiteness and green haulm.

The vegetables and greens were sold by bundle, by bunch, by piece and by weight.

...On the right- and left-hand sides of the Bazaar square fish was sold. If on that side vegetables and fruits had an individual smell, in the fish rows there was only one strong and steady smell of the mixture of salt and iodine, seaweeds and water itself.

Mackerel was smoked right here, so it was still warm when it was bought. I was amazed by the change of the natural silvery color of fresh fish to golden after smoking.

...The market woke up long before the sunrise, and when the sun did rise fish scales reflected the falling sunlight in many rays. Ice turned into water, the sellers were full of desire to sell quickly and for a lot of profit, and the buyers didn't know what to choose and passions enflamed.

Ефим Ладыженский



Мясная лавка
Частное собрание Трубник

The Butcher's
The Trubnik Collection



Утро около мясного павильона
Частное собрание

Morning Near the Meat Pavilion
The Private Collection



Утром будут торговать кавунами
Собрание семьи художника

They'll Be Selling Watermelons in the Morning
Collection of Artist's Family



Уценённые товары
Частное собрание Калинских

Discounted Goods
The Kalinsky Collection



У Соловья
Частное собрание

At the Solovey's
Private Collection



Горячая пшёнka
Собрание семьи художника

Hot Whole Maize
Collection of Artist's Family



Спелые кавуны
Частное собрание

.....
Ripe Watermelons
Private Collection



Кавуны на вырез
Частное собрание

.....
Watermelons
Private Collection



Отнять у человека хлеб, значит обречь его на смерть,
а отобрать у него зрелища, значит обречь его на свинскую жизнь.

To take bread from a man means to deprive him of life and to take
circuses from him means to force him to lead a pig's life.

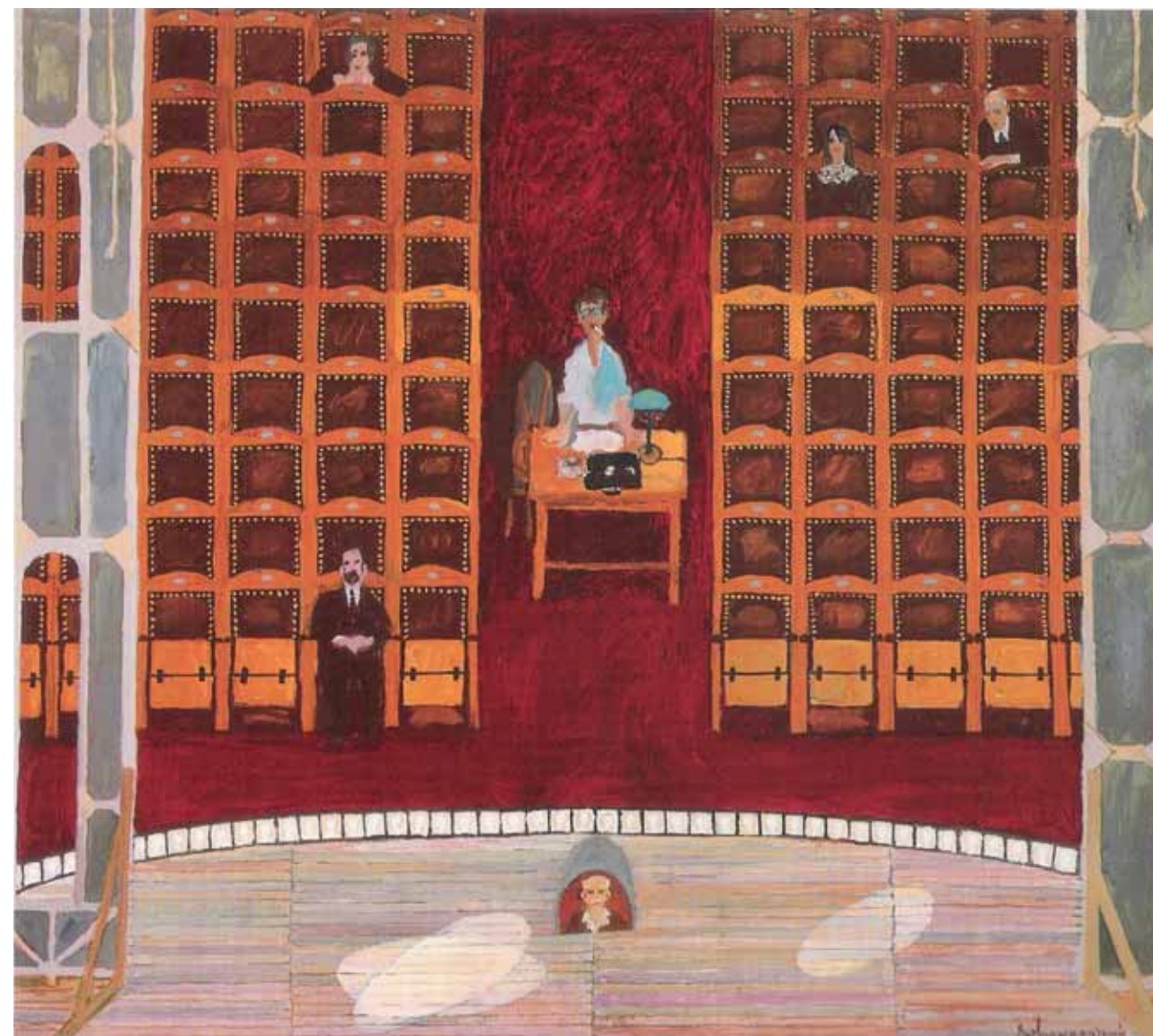
Бродяжеский





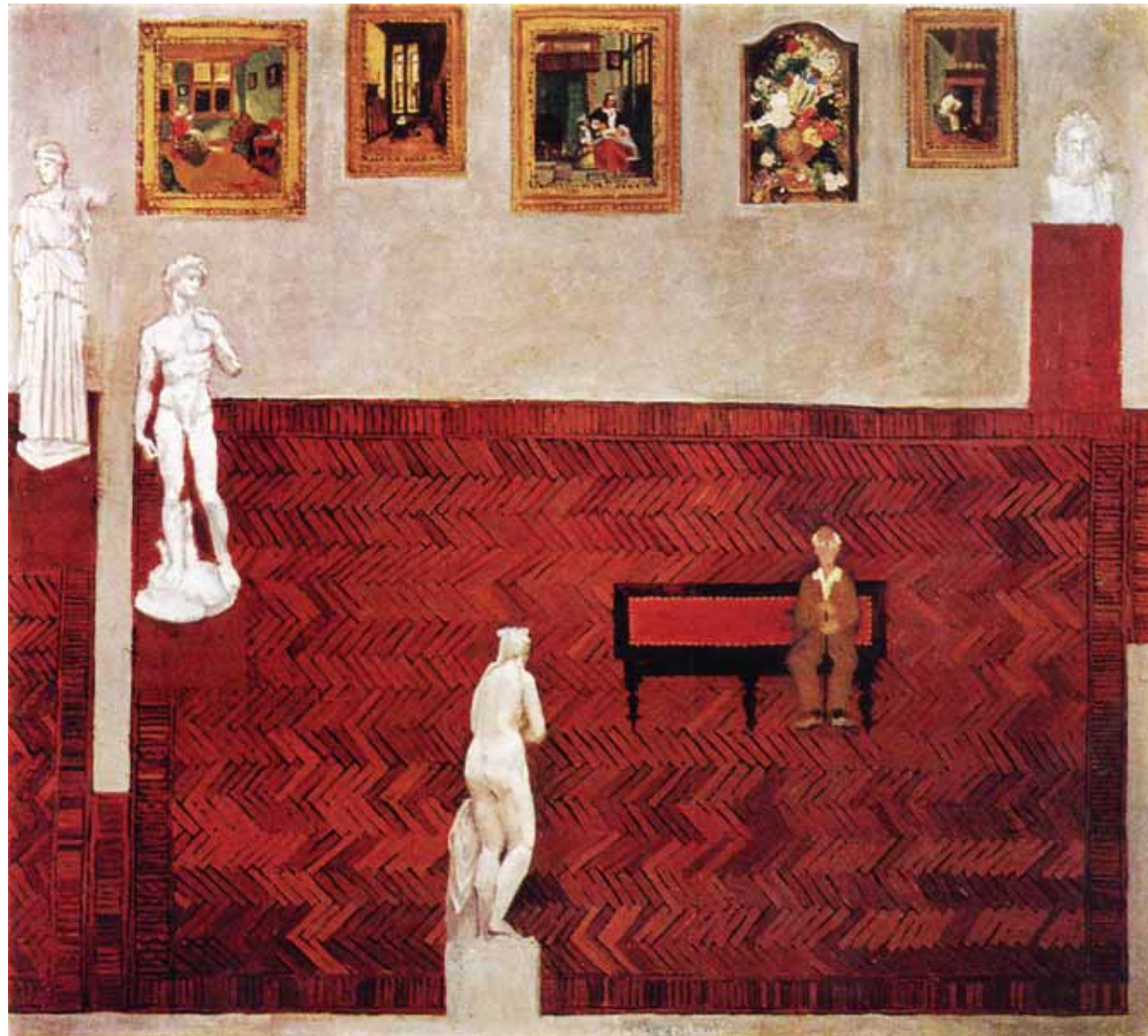
Концерт Шуберта
Частное собрание

Shubert's Concert
Private Collection



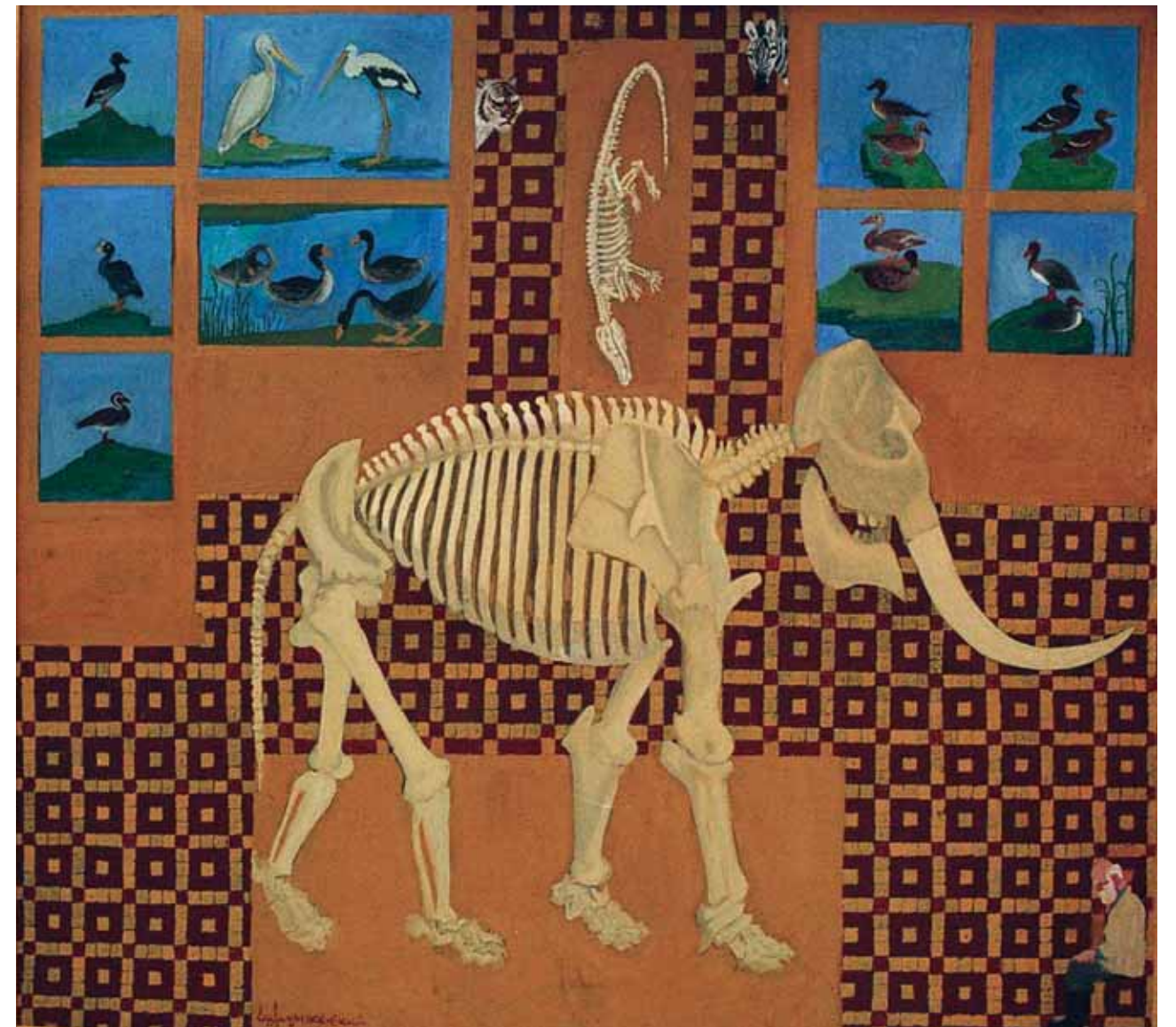
Последние репетиции
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

The Last Rehearsals
The Norton and Nancy Dodge Collection



Музей на Пушкинской
Частное собрание

The Museum on Pushkinskaya
Private Collection



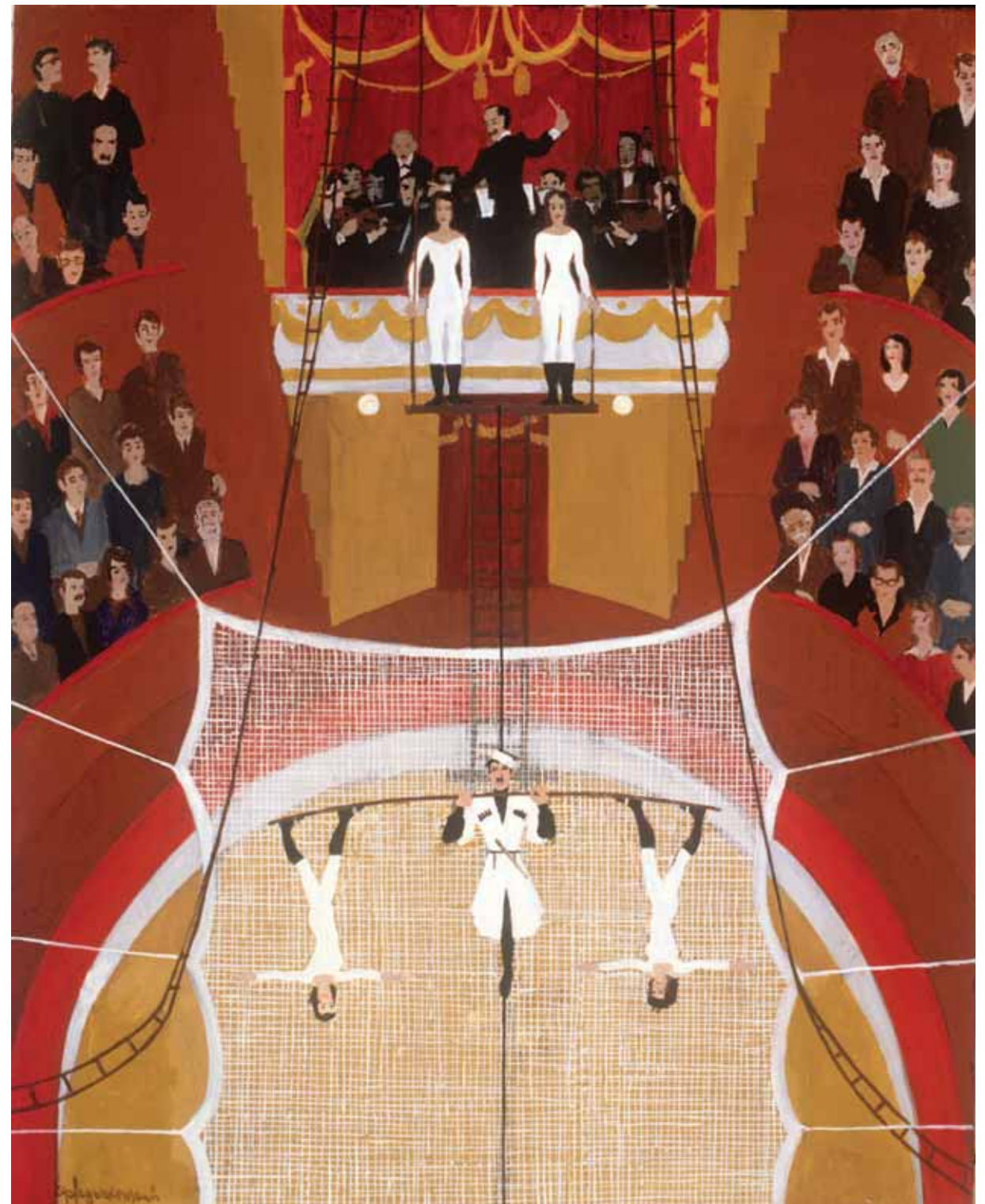
Музей природы
Частное собрание Кононовых

Nature Museum
The Khononov Collection



Смертельный номер
Собрание семьи художника

Death Trick
Collection of Artist's Family



5 Гамзатов 5
Частное собрание

5 Gamzatov 5
Private Collection



Цирк
Частное собрание

Circus
Private Collection

В зрительном зале еврейского драматического театра, за столом, покрытом кумачовой скатертью, заседали члены комиссии по чистке советского аппарата. Из-за кулис появился дирижёр Одесского Цирка.

Пригласили его на комиссию из-за отсутствия музыкального и, вообще, всякого образования. Из допроса выяснилось, что родом он из Житомира, и фамилия его – Житомирский. Фамилия его родственников по мужской линии, всех, кого он знал, была Клезмер, и все они играли на свадьбах и бритах, на Октябрьскую революцию и на 1-ое мая, в клубных и ночных оркестрах. Все они играли по слуху и учились только друг у друга.

...В цирке Изя Житомирский переиграл на всех инструментах и переигрывал всех циркачей в домино. Теперь он дирижировал оркестром и исполнял партию первой скрипки. Перед представлением оркестр Житомирского, по заведенному им порядку, играл три «увертюры». Иногда это действительно были увертюры к операм и балетам, а иногда «увертюрами» бывали небольшие классические произведения, или фрагменты из них. Паузы между увертюрами лимитировались блиц партией в домино, в которой, за кулисами, участвовали оркестранты и дрессировщики, клоуны и акробаты.

...Комиссия по чистке соваппарата решила «отстранить Житомирского от управления оркестром Цирка», но оркестранты решили перерешить: Изя продолжал стоять за своим пюпитром, махать своим смычком или виртуозно водить им по струнам своей скрипки, а в перерывах стучать костяшками домино.

...Благодаря моему другу Грише Куреному я имел возможность посещать цирк в любое время. Мы, оба обучались в мастерской театрально-декорационного искусства. Он неплохо рисовал, но ещё лучше работал на трапеции под куполом цирка. Именно с него были сделаны фотографии-иллюстрации для книги профессора Лысенкова по пластической анатомии. Мои музыкальные познания обогатились необыкновенно, благодаря «увертюрам», исполняемым маленьким цирковым оркестром под управлением Изи Житомирского.

Срладыженський

В In the hall of the Jewish dramatic theater, at a table covered by a red calico tablecloth, sat the members of the committee for cleaning the Soviet state machinery. The conductor of the Odessa Circus appeared from the backstage.

He was invited to the committee meeting because he had no musical or any other education. The interrogation showed that he was from Zhitomir and his last name was Zhitomirskiy. The last name of his relatives on the male side, all that he knew, was Klezmer, and they all played at marriages and, on the October Revolution Day and for the 1st of May, in club and night orchestras. They all played by ear and learned only from each other.

...In the circus Izya Zhitomirskiy had played all the instruments and beat all the circus artistes at dominoes. Now he conducted the orchestra and played the first violin. Before the performance Zhitomirskiy's orchestra, obeying its conductor's standard orders, played three "overtures". Sometimes they were actually overtures to operas and ballets, and sometimes the "overtures" were small classical pieces or their fragments. The pauses between overtures were limited by a blitz game of dominoes which took place at the backstage with the participation of orchestra members, animal trainers, clowns and acrobats.

...The committee decided to "remove Zhitomirskiy from managing the Circus orchestra", but the orchestra players decided to re-decide: Izya continued to stand behind his music stand, waving his bow or playing his violin with it with virtuosity, and slap dominoes during breaks.

...Thanks to my friend Grisha Kuryonyi I could attend the circus at any time. We both studied in the theater and scenery art workshop. He wasn't a bad drawer, but he was a still better trapeze dancer under the circus dome. It was he who was the subject of photographic illustrations for professor Lysenkov's book on plastic anatomy. My knowledge of music was enriched greatly thanks to "overtures" performed by a little circus orchestra conducted by Izya Zhitomirskiy.

Срладыженський



Браво-Брависимо
Частное собрание Кононовых

Bravo-Bravissimo
The Khononov Collection



В театр на спектакль
Частное собрание

Going to a Theater Performance
Private Collection



Концерт
Собрание семьи художника

Concert
Collection of Artist's Family



У нас снимается кино
Собрание семьи художника

A Cinema's Being Made in Our Neighborhood
Collection of Artist's Family



Я Сёма Алебастр – весёлый куплетист
Собрание семьи художника

I Am Syoma Alabaster – a Funny Poet
Collection of Artist's Family



Петрушка на Старом Базаре
Частное собрание Смит

Petrushka on the Old Bazaar
The Smith Collection

“Петрушка” – это был настоящий кукольный театр, для которого декорацией могла служить стена дома или небо. Его живой исполнитель не вызывал сомнения в его высоком профессионализме. Этот артист приходил на место действия, неся на спине ширму, составленную из восьми частей, соединённых петлями. Развёрнутая по сгибам она обретала форму призмы «без дна и крыши». Занавес на одной из сторон позволял артисту войти внутрь. Вокруг ширмы образовывалось полукольцо зрителей, самостоятельно решавших, насколько стоит им отойти от неё, чтобы получше разглядеть происходящее действие. Разыгрываемое драматическое произведение, по-видимому, испокон веку не претерпевало никаких изменений, и было продуктом чисто русским. Но почему-то, Петрушка не был гладковолос, рус и курнос, а был он черноволос, курчав и ещё с длинным, еврейским носом и это указывало на то, что пришёл он на землю русскую с берегов Средиземного моря, из Италии или Франции. Шарманщик исполнял две «увертюры», предварительно положив перед ширмой шляпу, а артист внутри, тем временем подготавливался к представлению. Действующими лицами были купец и баба, поп и судья, городской и Анята. Все они друг друга в чём-то обвиняли, злились друг на друга, доводили Аняту, в веночке с разноцветными ленточками, развевающимися на ветру, до слёз. Все говорили разными голосами, и Анята тонким, по-девичьи, нежным, а Петрушка особым, будто слова его были пропущены через папиросную бумагу, надетую на расчёску, как в «Принцессе Турандот» в театре Вахтангова. Ему, единственному, позволялось садиться на край ширмы, перекинув ноги в синих, ярких шароварах

“Petrushka” was a real puppet-show for which a house wall or the sky could serve as scenery. Its living performer did not give any cause for doubt in his high degree of skill. He came to the place of the performance with a screen consisting of eight parts, connected with hinges. Unfolded, it became a prism without a bottom or cover. The curtain on one of the sides allowed the artiste to come into it. A semicircle of viewers formed around the screen and they decided for themselves on what distance from it to stand so that they could see the performance better. The play performed hadn’t changed since the beginning of time, I think, and was a purely Russian creation. But for some reason Petrushka wasn’t smooth-haired, fair and snub-nosed, but black- and curly-haired and had a long Jewish nose and this showed that he had come into the Russian land from the shores of the Mediterranean, from Italy or France. The organ grinder performed two “overtures”, putting a hat in front of the screen beforehand, and the artiste got ready for the performance. The characters were a merchant and a woman, a priest and a judge, a policeman and Aniuta. They all accused each other of something, got angry at each other, and brought Aniuta in her little wreath with multicolored ribbons to tears. Everyone spoke in different voices, Aniuta’s thin and girlishly tender, and Petrushka’s unusual, as if his words were pushed though cigarette paper on a comb, as in “Princess Turandot” in Vakhtangov’s theatre. He was the only one who was allowed to sit on the edge of the screen, with his legs over it in bright blue trousers and shining black boots like those of the officers of Tsar’s army. When there was an incredible fight between the characters he dove in and immediately dove out with a bamboo stick



Зрелище
Частное собрание

A Sight
Private Collection

и блестящих, чёрных сапогах, как на офицерах Царской армии. Когда среди действующих лиц разгоралась неимоверная свара, он нырял и тут же выныривал с бамбуковой палкой, ею он наводил порядок: громко щёлкая ею, убивал и укладывал одного за одним на торец ширмы. Затем обхватывал их, «покойников», за талию, крутил ими в воздухе, издавая звуки ржущей лошади, и так они исчезали из поля зрения зрителей.

Теперь уже Петрушка и Анюта кружились в финальном вальсе, исполняемом шарманкой.

В иные дни, в том самом месте, где разыгрывалась кукольная мелодрама, но уже не в полукольце, а в полном окружении, как вокруг арены цирка, демонстрировал игру своих мышц и их грузоподъёмность бывший артист цирка.

Наш артист, далеко не молодой, подымал тяжёлую штангу с всё увеличивающимся весом с помощью прибавления к ней дисков, подбрасывал и ловил двухпудовые гири, удивляя зрителей. Любой из зрителей приглашался посмотреть, поднять диски, гири и даже пощупать играющие мышцы. Затем стелилась дорожка, он ложился на спину, приподымал туловище над ковриком, опираясь на голову, на согнутые в локтях руки и согнутые в коленях ноги, образуя «мостик». На него укладывался щит из сколоченных вершков досок, на который двое или трое мужиков из зрителей, обычно, из грузчиков или биндюжников, клали огромный камень. Затем они брали в руки молоты и, предварительно поплевав на ладони, начинали ими размахивать, колотя по камню в надежде его расколоть. От камня отлетали осколки, из него высекались искры, а держащий его на себе только чуть сотрясался от каждого удара. Зритель, потрясённый, сначала робко, затем более настойчиво, требовал прекратить это насилие.

Не помню, в каком году, в стране объявили конкурс на лучшего дирижёра оркестра. Среди победителей были замечательные дирижёры: Мравинский, Иванов, Самосуд, Хайкин и Рахлин. Натан

which he used to restore order: cracking it loudly, he killed character after character, laying them at the edge of the screen. Then he hugged them, “the dead men”, by their waist, spun them in the air making the sounds of a neighing horse and in this way they disappeared from the view.

And now Petrushka and Aniuta spun in a final waltz played by the street organ.

On other days, in the same place where the puppet melodrama took place, but not within a semicircle, but in a full circle, like that around a circus arena, a former circus artiste demonstrated the play of his muscles and their lifting capacity.

Our artiste, who was not young at all, lifted a heavier and heavier barbell, adding more and more disks to it, threw 70-pound weights up and caught them, astounding the viewers. Any of them was invited to come and look at the disks and weights, lift them and even feel the playing muscles. Then a mat was spread, he lay on his back, lifted his body above the mat, resting on his head and bent legs and arms, forming a “bridge”. A shield made of heavy boards was put on him and two or three of the viewers, usually movers or draymen, put a huge stone on it. Then they took hammers and, spitting on their palms first, started waiving them and knocking the stone in the hope of breaking it. Chips and sparks flew from the stone, but its holder only shook slightly with each blow. The shocked viewer demanded to stop this violence, timidly at first and more insistently later on.

I cannot remember in what year and in what country the competition for the title of the best orchestra conductor was held. There were wonderful conductors among the winners: Mravinskiy, Ivanov, Samosud, Khaikinn and Rachlin. Nathan Rachlin was the conductor of the symphonic orchestra in Kiev for a long time. Then Kiev had to have a Ukrainian conductor for prestige and the Jew Rachlin moved to Kazan. He formed a wonderful orchestra there. I don't know whether



Силач
Частное собрание

A Strong Man
Private Collection

Рахлин продолжительное время дирижировал симфоническим оркестром в Киеве. Для престижу Киеву понадобился дирижёр – украинец, и еврей Рахлин перебрался в Казань. Там он создал замечательный оркестр. Кого в нём было больше, татар или евреев, не знаю, но знаю, что было с Рахлиным, когда он ещё был мальчиком и жил в небольшом украинском городе.

Заехал к ним в городок на площадные гастролы бывший борец – тяжеловес. Он был одет в трикотажный борцовский костюм, широченный кушак подпоясывал обвисший живот, и обут он был в сандалии – копии тех, что изображались на античных вазах. Через плечо перекинута лента, широкая – голубая, на ней расположились завоёванные им на разных состязаниях медали, вызывающие большой интерес зрителей.

Этот борец ложился на подстилку, щит из досок укладывали на его живот и грудь и закатывали на него тяжеленные закупоренные бочки. Упираясь ногами и руками, под аплодисменты, он приподымал этот неподъёмный груз. Натан, желая тоже как-то прославиться, предложил борцу поставить на него пианино. Четыре молодца вынесли из квартиры Рахлиных пианино и водрузили его на борца. Натан, открыв крышку, наигрывал вальсы и, войдя в экстаз, поощряемый внимательно слушающей публикой, не слышал, как несчастный борец умолял прекратить этот безумный спектакль.

Вечером вундеркинду досталось по заслугам от родителей, увидевших пианино, стоящее на площади.

Ефим Ладыженский

there were more Tatars or Jews their, but I know what happened to Rachlin when he was still a boy and lived in a small Ukrainian city.

A traveling former heavyweight wrestler came to their town for a performance on the square. He wore a knitted wrestler outfit, a wide sash supported his hanging belly, and his feet were in sandals that were copies of those shown on antique vase. A wide blue band went over a shoulder, sporting medals that he had won in different competition, which interested the spectators greatly.

This wrestler lay down on a mat, a plank shield was put on his stomach and chest and heavy sealed barrels were rolled on it. Pushing with his legs and arms he lifted this immense burden to the sound of applause. Nathan, who also craved fame, offered the wrestler to put a piano on him. Four strong men carried the piano out of the Rachlins' flat and put it on the wrestler. Nathan opened the piano cover and played waltzes and, falling into an ecstasy and encouraged by the audience didn't hear the poor wrestler beg to stop this crazy show.

In the evening the child prodigy got an earful from his parents, who saw the piano standing in the square.

Ефим Ладыженский



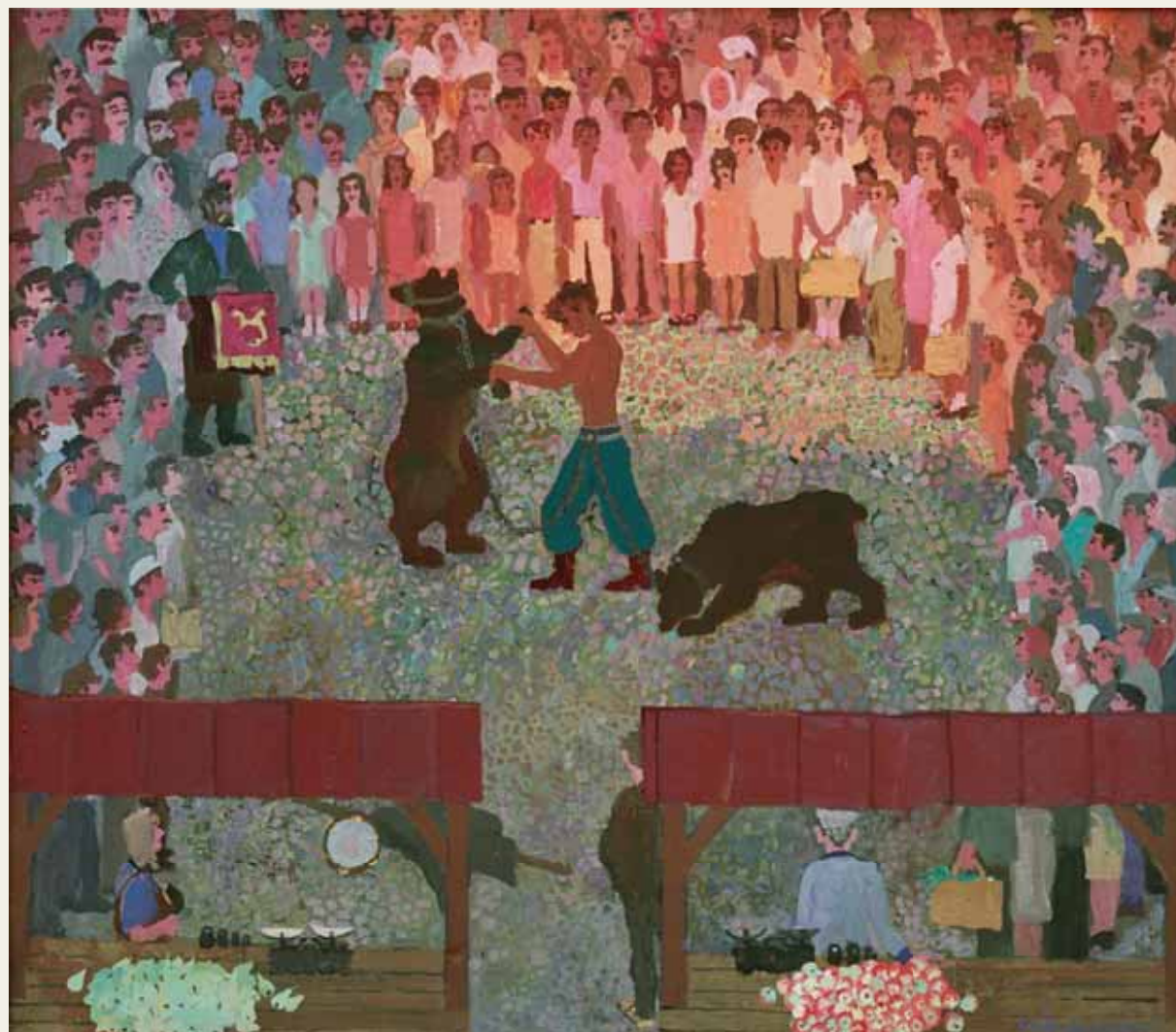
Танц-класс Господина Зингера
Частное собрание Кононовых

Mr. Zinger's Dance Class
The Khononov Collection



Боря – вундеркинд
Частное собрание Нортон и Нэнси Додж

Borya the Wonder Child
The Norton and Nancy Dodge Collection



На Базарной площади
Частное собрание

On the Bazaar Square
Private Collection

Выступал на базаре и молодой цыган с двумя бурыми медведями.

Я не знаю, связывала ли их дружба или нужда, но крепкие цепи связывали их ошейники с кушаком, опоясывающим талию цыгана. Роли у медведей были разные. Один был «бытовиком, жанровым комиком». Он показывал, как «баба ходит по воду с коромыслом и вёдрами», «как мадама гуляет по Дерибасовской» передвигаясь на задних лапах по кругу и пытаясь трахнуть какого либо зрителя зонтиком по голове. Он «пил водку из бутылки» и валился на землю «мертвецки пьяный», сидел, повязанный косынкой и в фартуке, «торговал бычками». Медведю трудно было сосредоточиться, так как швыряемые из толпы яблоки, груши, конфеты отвлекали его от исполнения прямых актёрских обязанностей. Но звуки шарманки, удары в бубен и шлепки палки цыгана доводили исполняемый медведем номер до конца. После этого медведю вручался бубен, и он, водимый подёргиванием цепи, собирал деньги, то и дело, норовя мордой или лапой лягнуть кого-либо из толпы.

Теперь наступала очередь второго медведя, который, будучи в наморднике, до сих пор только следовал за хозяином на всех четырёх и иногда подкатывал к себе бросаемое лакомство. Цыган обнажал свой античный торс с царапинами и кровоподтёками от медвежьих когтей, медведь вставал на задние лапы, и они вступали в борьбу. В полной тишине слышно было, как они оба сопят, кряхтят. Цыган пытался упрятать свою

A young gipsy also performed on the square with two brown bears.

I don't know whether friendship or need bound them, but strong chains tied their collars to the sash on the gipsy's waist. The bears had different roles. One was a "genre comedian". He showed "a peasant woman carrying water with buckets and a rocker", "a madam walking along Deribasovskaya" walking on his rear paws and trying to hit some spectator's head with an umbrella. He "drank vodka from a bottle" and fell on the earth as if "stoned", sat in a tucker and apron, "selling gobies". It was hard for the bear to focus, because apples, pears and candies thrown from the crowd distracted him from his actor's responsibilities. But the sounds of street organ, tambourine strikes and slaps from the gipsy's stick led to the bear's act being finished. After that the tambourine was given to the bear and he gathered money – the gipsy controlled him by tugging the chain – and tried to hit someone from the crowd with his paw or muzzle all the time.

Then came the turn of the second bear, who was in a muzzle and before now had only followed his master on all fours and sometimes rolled a treat that was thrown by the crowd to himself. The gypsy bared his Greek torso with scratches and bruises from the bear's nails, the bear got up on his rear paws and they began wrestling. It could be heard in the complete silence how they both grunted and panted. The gypsy tried to hide his head on the furry chest of his "opponent",

голову на пушистой груди «соперника», пытаюсь обхватить его «талию». Медведь тоже шуровал своими передними лапами на спине человека. Они отходили, вновь приближались, как истинные борцы. Наконец, цыган подымал медведя и валил его «на лопатки», В нарушение всех правил, здесь «побеждённый» получал приз в виде куска сахара, просунутого меж ремешков намордника. Толпа шумно выражала свой восторг, а медведь отряхивал со своей шкуры пыль и, крутя огузком, с бубном в передних лапах обходил круг, требуя от зрителей денег и сочувствия своему поражению.

Я сейчас задумываюсь, от чего зависит мера удовольствия. Если мне скажут: от интеллектуального развития, я не соглашусь. Сила восприятия определяется не догматическими нормами, а детской чистотой, умением удивляться, открытостью сердца, уха и глаза слушателя, читателя, зрителя.

Срлядыженский

trying to grasp his “waist”. The bear also poked his front paws on the man’s back. They backed off, and then moved in again like true wrestlers. Finally, the gypsy lifted the bear and took him down. In defiance of all rules, here the “loser” received a prize: a lump of sugar, which was pushed between the muzzle straps. The crowd expressed its admiration loudly and the bear shook dust off his skin and wagging his rump with a tambourine in his front paws went around the circle, demanding money and compassion towards his loss from the spectators.

I am thinking now of what determines the degree of pleasure. If they say to me it depends on intellectual development, I will disagree. The strength of perception is determined not by dogmatic norms, but by childish purity, the ability to be surprised, the openness of the heart, ear and eye of the listener, reader, spectator.

Срлядыженский



Биллиард
Частное собрание

Billiards
The Private Collection

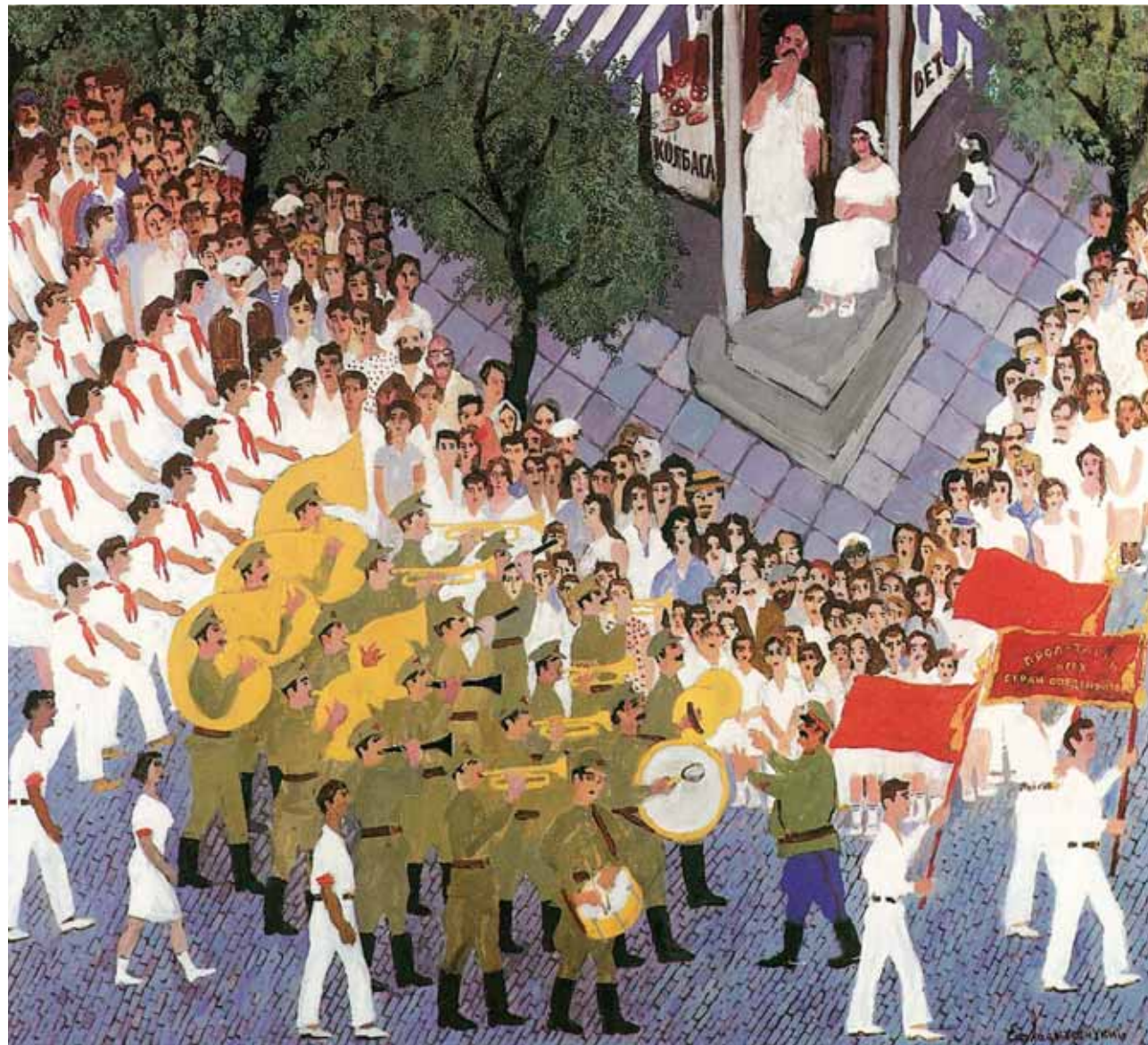


... Все праздники, освещённые и обогретые солнцем, сплелись в один клубок.
Мне кажется, что в те дни, независимо от времени года, не бывало ненастной погоды.

... All the holidays, warmed and lit by the sun, became a single tangle.
It seems to me that in those days, regardless of the season, there was no bad weather.

Српачжнзкнн





«Наш паровоз вперёд летит...»
Частное собрание

“Our Steam Engine is Flying Forward”
Private Collection



Да здравствует 1-ое мая
Частное собрание

Hurray for the First of May
Private Collection



Симхат-Тора
Частное собрание

Simhat-Torah
Private Collection

Я помню свитки торы, выносимые во время праздника «Симхес- Тойре». Вспоминаю занавеси из красного бархата, отделанные золотой бахромой и кистями. Два льва поддерживали корону передними лапами. Вытканые золотой канителью они бликовали от света горящих свечей и от ярких солнечных лучей, проникавших через цветные стёкла окон синагоги. Когда раздвигались занавеси, как на сцене, взорам представлялись свитки торы в различных цветных одеяниях. Мужчины, облачённые в талесы, брали свою драгоценную ношу, целовали и обносили по проходам между скамьями. Шум в здании в эти моменты стоял неимоверный: от откидывающихся деревянных сидений, от сипений евреев, торопящихся к проходу, чтобы прикоснуться губами к цветному платицу, в которое наряжали тору, от громких молитв на древнееврейском языке. Все пребывали в экстазе, злые становились «добрыми», добрые – ещё добрее, астматики дышали ровнее, здоровые – учащённей. Нас, детей, поднимали на руки, чтобы и мы приложились губами к свиткам, а я, брезгливый, незаметно чмокал свои пальцы. Таким помнится мне этот, почти карнавальный праздник.

Ефим Ладизженский

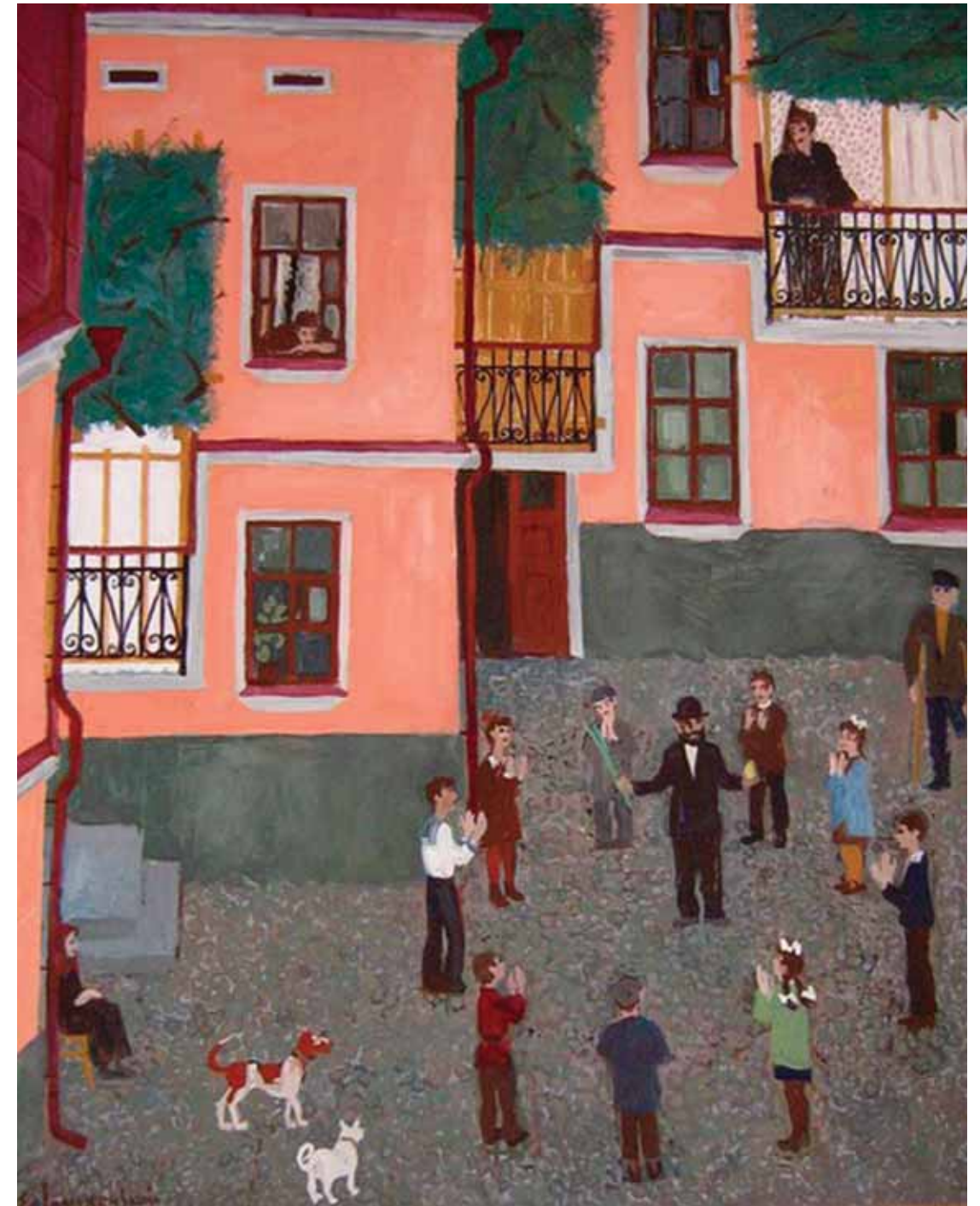
I can remember the Torah scrolls carried out during the “Simhat-Torah” holiday. I remember the red velvet curtains adorned with golden fringe and brushes. Two lions held the crown in their front paws. Sewn with gold thread they reflected the light of burning candles and bright rays of the sun, getting in through the colored glass of the synagogue windows. When the curtains opened like on a stage, everyone could see the Torah scrolls in different color dresses. Men in talliths took their precious burden, kissed it and carried it around in the aisles between the benches. There was an incredible noise at these moments in the building: from the knocking wooden seats, from the hissing of Jews hurrying to the aisle to touch with their lips the colored dress which was put on the Torah, from loud prayers in ancient Hebrew. Everyone was in ecstasy: mean people became “kind”, kind ones – kinder still, asthmatics breathed steadier, healthy people – oftener. We, the kids, were lifted up on parents’ hands so that we could also kiss the scrolls, and I squeamishly kissed my own fingers imperceptibly. This is how I remember this almost carnival-like holiday.

Ефим Ладизженский



Ханука
Частное собрание

Hanukkah
Private Collection



Сукот в нашем доме
Частное собрание

Sukkot in Our Home
Private Collection



Нам принесли мацу
Частное собрание

We've been Brought Matzos
Private Collection

Пасху отличали маца и очень серьёзные хлопоты, связанные с подготовкой к этому празднику. Это был праздник обновления. Занавеси, прикрывающие окна в течение года, обменивались на кружевные, с вычурным орнаментом гардины. Вытаскивались из буфета столовый и чайный сервиз, изготовленные на знаменитом фарфоровом заводе Кузнецова. Каждый год, заново, они производили неизгладимое впечатление своими чудесными рисунками цвета свежего сена и блеском золотой каёмки. Перемытые в тазу с водой и вытертые новыми полотенцами, они расставлялись на раздвинутом столе, издавая особый протяжный звук в случае столкновения предметов из сервизов. Всё металлическое, в чём варилось, на чём жарилось, пеклось на огне и в горячей золе, очищалось от годовой патины, некошерности. Носильщик, почему-то на голове, доставлял в дом мацу в светлых, плетёных корзинах, покрытых тёплыми простынями.

Первый седер мне запомнился запахом мыла Сиркиса, которым нас намыливали, купая в первый предпасхальный день; луной за окном, настойчиво присутствующей за пасхальным столом; словом «сыкойрес», означавшим что-то горькое в фарфоровом сосуде; шляпами, фуражками и шапками, одеваемыми за обеденным столом единственный раз в год; бокалом, стоящим на краю праздничного стола и открытой, входной дверью, чтобы Илья пророк мог войти и в наш дом, и отпить вина. Мы часто и подолгу смотрели в сторону этого бокала, так что, в конце концов, нашему напряжённому взору представлялось, что вина в бокале стало значительно меньше, что Илья, по-видимому, уже навестил нас, и можно закрыть дверь. Вопросы задавал младший брат, а меня интересовало только, как выдерживает Илья Ануве, выпивая вино в каждой еврейской одесской семье, ведь вот-вот он будет настолько пьян, что не сможет добраться до своей постели на небе. Утро. Луну сменило солнце, папа отправился в синагогу, а мы, под звуки шипящего самовара, на белой, пасхальной скатерти пьём чай с очень вкусными гренками из мацы, поджаренными нашей мамой.

Ефим Ладыженский

Passover was distinguished by matzos and very serious bustle in preparation to this holiday. It was a holiday of renewal. The curtains that covered the windows during the year were exchanged for lace curtains with a pretentious ornament. A dinner and a tea set made on the famous Kuznetsov's china plant were taken out from the cupboard. Every year they made a fresh and unforgettable impression by their wonderful drawings the color of fresh hay and by the gleam of the golden edge. They were washed in a basin with water and wiped by new towels, they were put out on an expanded table, making a peculiar drawn-out sound when items from the set clicked against each other. Everything metallic on which food was boiled, fried, baked on fire and in hot ashes was cleaned from the year's patina, non-kosherness. A porter brought – for some reason, on his head – matzos into our house in light braided baskets covered with warm sheets.

I remember the first Seder by the scent of Sirkis's soap with which we were washed on the first day before the Passover; by the moon in the window, a persistent presence at the Passover table; by the word "sykoires", which meant something bitter in a china vessel; hats and caps, which were only worn at the dinner table once a year; by a glass standing on the edge of the holiday table and the open door so that Elijah the Prophet could enter our house too and drink some wine. We looked at that glass often and for long times, so that in the end it seemed to our intense stare that there was significantly less wine in the glass, so Elijah must have already visited us and we can close the door. The question were asked by my younger brother, I was only interested in how Elijah Anuveh dealt with drinking wine with every Jewish family, he'll soon be so drunk that he won't be able to get to his bed in the sky. Morning. The moon was changed by the sun, father went to the synagogue, and we are drinking tea to the sounds of the hissing samovar on a white Passover tablecloth, with very tasty matzos toasts made by our mother.

Ефим Ладыженский



На вокзале
Частное собрание

At a Station
Private Collection

«Семь сорок»

*Автор текста (слов): неизв.автор
Композитор (музыка): неизв.автор*

Снова в семь сорок ровно,
Снова в семь сорок ровно,
Поезд отходит, звучит наш сигнал.
Ждать никого не будем,
Поторопитесь, люди,
Кто не успел, извините, опоздал.
Тук-тук стучат колёса,
Вокруг звучат вопросы:
«Куда мы едем и стремимся куда?
Какие встретим на пути города,
Удача ждёт тебя или беда?»
Жизнь — это поезд тоже,
Всё в ней случиться может,
Каждый бывает и прав, и не прав.
Собственный путь найдите,
Но за рулём не спите,
Чтоб не пошёл под откос состав.
Какой же путь вернее,
Скажите поскорее,
Осталось мало так часов и минут,
И как узнать, какой нам выбрать маршрут,
И где нас очень ждут, а где не ждут.
Мчимся, куда не знаем,
Всюду звучит лехаим,
Поезд надежды по рельсам летит.
Вместе с тобой Мешпуха,
Нам пожелай ни пуха,
Это ещё не конец пути.
И не сбавляет скорость
Наш беспокойный поезд,

“Seven-Forty”

*Words: author unknown
Music: author unknown*

Again at seven-forty sharp,
Again at seven-forty sharp,
The train is leaving, our signal sounds.
We won't wait for anyone,
Hurry up, people,
Who's not on time is, beg your pardon, late.
Knockety-knock say the wheels,
Questions sound all around:
“Where are we going and what do we seek?
Which cities shall we meet on our way,
And does lack await you or calamity?”
Life is also a train,
Everything can happen in it,
Everyone is sometimes right and sometimes wrong.
Find your own way,
But do not sleep at the steering wheel,
Otherwise the train will go down the slope.
Which way is the right one,
Say as quick as you can,
There are so few hours and minutes left,
And how can we find out which route to take,
And where they are waiting for us very eagerly and
where they aren't.
We don't know where we are rushing,
Lehaim sounds everywhere,
The train of hope is flying on the rails.
Mezhpukha is with you,
Wish us good luck,
This is not the end of the way yet.
Our restless train doesn't lower its speed,

Вся жизнь в движении — это старый закон.
За перегоним вновь идёт перегон,
И забот, и дел большой вагон.
Этот мотив семь сорок
Всеми любим, всем дорог,
Эта мелодия всем так близка.
Чуть заиграли скрипки —
Сразу у всех улыбки.
И забывается грусть-тоска.
В одном кругу с евреем
Танцуют, как умеют,
Надев еволку, шляпу, кепку, картуз,
Американец, итальянец, француз,
И русский, и китаец, и индус.
Поезд за счастьем мчится,
Долго ли путь продлится,
Это никто нам не сможет сказать.
Может поймём в итоге,
Счастье всегда в дороге
Так постарайся его догнать.
И вновь стучат колёса,
И вновь звучат вопросы:
«Так что же всё-таки нас ждёт впереди?»
Мы прорываемся сквозь снег и дожди,
Надежда не оставит нас,
Надежда не оставит нас,
Пока мы живы — поезд наш в пути,
Пока мы живы — поезд наш в пути.

Примечание:
одна из версий происхождения этой песни

Чтобы ослабить конкуренцию со стороны еврейского населения, в царской России евреям было запрещено жить в крупных городах. Однако они могли находиться там до 20 часов. Поэтому евреи приезжали утром в города, а в 7.40 уезжали в свои местечки. Так, возникла знаменитая песня «Семь сорок». Ее мелодия имеет более ранее происхождение и связана с еврейскими религиозными традициями.

The whole life in motion is an old law.
A span is followed by another span,
And there is a big car with worries and things to do.
This seven-forty tune
Is loved by everyone and dear to everyone,
This melody is so liked by all.
The fiddles have just started playing —
And there’s a smile on everyone’s face.
And sadness and sorrows are forgotten.
In one circle with a Jew
Are dancing as best they can,
Having put on a hat, a cap, a top hat,
An American, an Italian, a Frenchman,
And a Russian, and a Chinese, and an Indian.
The train is rushing for happiness,
Whether the way will last long,
No one can tell us.
Perhaps we will see in the end,
Happiness is always on the road
So try to catch it.
And again the wheels sound,
And again the questions sound:
“So what lies ahead for us?”
We break through snow and rains,
Hope won’t leave us,
Hope won’t leave us,
While we’re alive – our train is on its way,
While we’re alive – our train is on its way.

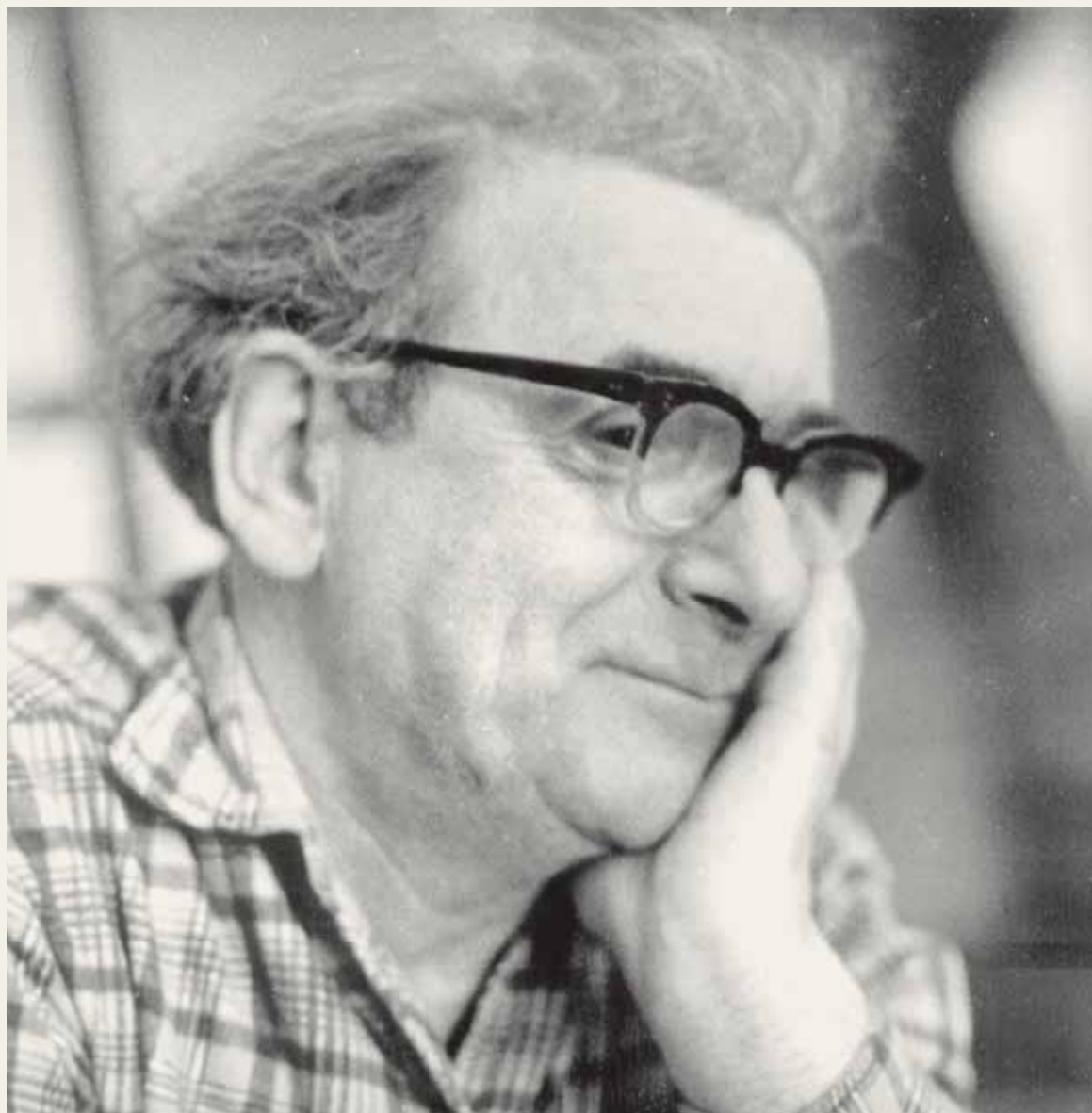
Note:
one of the versions of the origins of this song

In order to weaken completion from the Jews, in Tsar’s Russia Jews were forbidden to live in big cities. However, they were allowed to be there before 8 o’clock in the evening. Thus Jews came into the cities and left for their townships at 7.40. This is how the famous song “Seven-forty” appeared. Its melody appeared earlier and is connected with Jewish religious traditions.

The translation is a literal one, without keeping the song’s rhyme or rhythm.

БЮОГРАФИЯ ХУДОЖНИКА
ГРУППОВЫЕ И ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

BIOGRAPHY
GROUP AND ONE-MAN EXHIBITIONS
LIST OF ILLUSTRATIONS



БИОГРАФИЯ ХУДОЖНИКА

1911 родился в городе Одесса

1924–1931 Учёба в студии выпускника петербургской Императорской Академии художеств Ю.Бершадского, в Одесском Художественном институте на театральном факультете (учителя А.Гауш, В.Мюллер, Г.Фраерман).

1931–1935 Начало творческой деятельности, работа на сценах театров Краснодара, Ташкента, Ашхабада, Сталинграда.

1936–1958 Работа на студии “Мосфильм”. С 1939 г. член Союза советских художников. В период 2-ой мировой войны оформлял выездные спектакли для армии в Московском драматическом театре. В 1942 г. состоялась первая персональная выставка эскизов декораций в Борисоглебске.

Художником участвовал в постановке двух фильмов “Моряна” и “Последняя ночь”, и более семидесяти спектаклей по пьесам Бомарше, Гоголя, Островского, Шиллера, Сухова-Кобылина, Горького, Чехова, Толстого, Пристли, Лопе-де-Вега, Маяковского, Катаева, Маршака, Арбузова, Розова и др. в театрах Алма-Ата, Саратова, Вильнюса, Минска, Тулы, Брянска, Москвы.

1959–1961 Оформление двух павильонов на Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке в Москве. Творческие поездки по стране, участие во всесоюзных, республиканских и московских коллективных выставках.

BIOGRAPHY

1911 Yefim Ladizhinsky born in Odessa, Russian Empire

1924–1931 Attended art studies in the studio of Y. Bershadsky, a graduate of the Petersburg Royal Academy of Fine Arts; and graduated from the Theatre Faculty of the Odessa Arts Institute, under A. Gaush, V. Muller and G. Frayerman.

1931–1935 First professional work designing scenes for theatrical performances in Krasnodar , Tashkent , Ashkhabad , and Stalingrad .

1936–1958 Worked at the “MOSFILM” studio. A member of the Soviet Artists’ Union from 1939. During the Second World War he designed scenery for touring theatrical performances of the Moscow Drama Theatre. In 1942, he performed the first one-man show of scene designs in Borisoglebsk.

The artist participated in the production of two films, “Moryana” and “The Last Night” , and in more than seventy theatrical performances – among them plays by Beaumarchais, Gogol, Ostrovsky, Schiller, Sukhovo-Kobelin, Gorky, Chekhov, Tolstoy, Priestley, Lope de Vega, Mayakovsky, Katayev, Marshak, Arbuzov, Rozov and others – staged in Alma- Ata, Saratov, Vilnius, Tula, Bryansk, and Moscow.

1959–1961 Designed two pavilions at the All-Union Agricultural Exhibition, Moscow . He took part in theatre tours throughout Russia . Participated in national, regional and Moscow group exhibitions.



1962 2-ая персональная выставка – в Москве во Всесоюзном Театральном обществе – итог 30-летней творческой деятельности: эскизы декораций и костюмов, пейзажи, натюрморты, портреты, линогравюры, монотипии, офорты.

1963–1964 Работа в Московских театрах: Драматическом на Таганке и филиале Малого Театра

1965–1968 Создание циклов “И.Бабель – “Конармия””, “Мама”. Начало работы над серией “Одесса – город моего детства”.

1967 участие в художественной выставке “Бьеннале в Сан-Пауло”.

1969 3-ья персональная выставка – в Москве в доме художника.

1969–1978 Работа над циклами “Одесса – город моего детства”, “Каркасы”, “Растения”, “Автопортреты”. 1975 – выпуск альбома “Город моего детства” в издательстве “Советский художник”.

1978 Выезд в Израиль. Трагическая акция уничтожения около 2000 работ из-за невозможности оплатить огромную пошлину за вывоз собственных работ. Вывоз около 600 работ, прошедших “селекцию”.

1978–1979 Продолжение работы над циклами “Одесса – город моего детства”, “Растения”, начало работы над графической частью из серии “Вечный жид”.

1979–1980 Персональная выставка в Музеон Исраэль в Иерусалиме, персональная выставка в Новой Галерее Хайфского университета.

1980–1982 Работа над циклами: “Люблинское кладбище в Москве”, “Вечный жид”, “Корни”, “Асенька в пересказе Художника, дедушки Ладыженского”, “Свет и тень”, “Автопортреты”.

1982 3-ья персональная выставка в Доме художника в Иерусалиме.

1982 Трагическая смерть художника.

1962 Second one-man show in Moscow, at the Soviet Theatrical Society, showcasing thirty years of creative activity, including theatrical scenery sketches and costumes, landscapes, still life, portraits, prints, monotypes, and etchings.

1963–1964 Theatre work: Moscow TAGANKA Dramatic Theatre, and a branch of the Moscow MALY Theatre.

1965–1968 Creating series “I. Babel – The Red Cavalry” and “Mamma”. Beginning of work on series – “Growing in Odessa”.

1967 Participation in the biennial art exhibition in Sao Paulo, Brazil.

1969 Third one-man exhibition, at the Artists’ House in Moscow.

1969–1978 Work on series – “Growing in Odessa”, “Carcasses”, “Plants” and “Self-Portraits”.

1975 “The Town of My Childhood” album published by “The Soviet Artist” Publishing House.

1978 Emigration from Soviet Union to Israel. The tragic destruction of about 2,000 paintings which could not be taken out of Russia without the payment of a huge customs tax. Repatriation of about 600 paintings permitted to be taken out of the country after “selection”.

1978–1979 Continuation of work on the two series – “Growing in Odessa” and “Plants”. Start of the graphical section of the series “The Eternal Jew”.

1979–1980 One-man show in the Israeli Museum, Jerusalem; and one-man show in the New Gallery of Haifa University.

1980–1982 Work on series – “The Lyublin Cemetery in Moscow”, “The Eternal Jew”, “Roots”, “Asenyka as seen by the Artist, her Grandfather Yefim Ladizhinsky”, “Light and Shade”, and “Self-Portraits”.

1982 One-man show in the Jerusalem Artists’ House.

1982 Tragic death of the artist.



From the archives of Yefim Ladizhenski
Theater director Vsevolod Meyerhold
and theater artist Victor Shestakov
(Victor Shestakov was a close friend of Ladizhenski)

GROUP AND ONE-MAN EXHIBITIONS

- 1934 Tashkent, the 2 nd All-Uzbek Exhibition of Artists
- 1939 Moscow, the Artists' House, Youth Exhibition
- 1942 Borisoglebsk, One-man Exhibition, the Red Army House
- 1944 Moscow, Tretyakov Gallery, "The War and the Rear"
- 1951 Saratov, Radishchev Museum, Exhibition of Theatrical Stage Designers
- 1953 Moscow, Spring Exhibition of Moscow Artists
- 1955 Moscow, Exhibition of Works Painted in the Academic Dacha
- 1956 Moscow, the 2 nd Exhibition of Water Colour Paintings by Moscow Artists
- 1956 Moscow, Exhibition of Theatre and Cinema Artists
- 1957 Moscow, the 3 rd Exhibition of Water Colour Paintings by Moscow Artists
- 1957 Moscow, Exhibition to the 1 st All-Union Congress of Soviet Artists
- 1957 Moscow, the All-Union Art Exhibition, Manezh
- 1958 Moscow, the MOSKH Autumn Exhibition
- 1959 Moscow, Exhibition of Sketches of Theatrical Costumes
- 1959 Moscow, Exhibition of Paintings, Drawings and Ceramics
- 1960 Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, the 2 nd Exhibition of Etching
- 1960 Moscow, Manezh, Art Exhibition "The Soviet Russia"
- 1960 Moscow, Manezh, Exhibition of Paintings by Moscow Artists
- 1960 Moscow, Exhibition of Water Colour and Ceramics of Moscow Artists
- 1961 Moscow, the All-Union Art Exhibition at the Academy of Arts
- 1962 Moscow, One-man Exhibition in the Central Theatrical Society (Catalogue published)
- 1962 Moscow-Kiev, the 2 nd All-Union Exhibition of Etching
- 1962 Moscow, Exhibition to the All-Russian Conference of Stage Designers
- 1964 Moscow, "Moscow, the Capital of Our Homeland"
- 1965 Moscow, "The Great Patriotic War in Works of Stage Designers"
- 1965 Moscow, Manezh, the 2 nd Republican Art Exhibition "Soviet Russia "
- 1966 Moscow, Autumn Exhibition of Moscow Artists
- 1967 Moscow, Manezh, the All-Union Exhibition of Theatre and Cinema Artists
- 1967 SaoPaulo, Biennial Art Exhibition
- 1969 Moscow, the Moscow Artists' House, One-man Exhibition, (Catalogue published)
- 1970 Moscow, Manezh, "100 Years of Lenin's Birthday"
- 1973 Moscow, Manezh, Exhibition Dedicated to the 24 th Party Congress
- 1975 Moscow, Manezh, "30 Years of Victory Over Fascism"
- 1976 Moscow, Manezh, the 3 rd Art Exhibition "Soviet Russia "
- 1977 Moscow, the All-Union Exhibition of Drawing
- 1979-1980 Jerusalem, the Israeli Museum, One-man Exhibition (Catalogue published)
Haifa, the Haifa University New Gallery, One-man Exhibition (Catalogue published)
- 1982 Jerusalem, the Artists' House, One-man Exhibition

POSTHUMOUS EXHIBITIONS

- 1982** Kibbutz Ein-Harod, Mishkan le-Omanut Museum, One-man Exhibition
- 1985** Jerusalem, the Artists’ House, One-man show "In Memory of the Artist Yefim Ladizhinsky"
- 1988** Jerusalem, Vera Gutkin Gallery, One-man Exhibition
- 1992** London, Barbican Centre, Concourse Gallery, Retrospective Exhibition (Catalogue published)
- 1993** Tel-Aviv, Shlomit Gallery, One-man Exhibition
- 1995** Kibbutz Bar-Am, Ben David Museum, One-man Exhibition
- 1996** Haifa, Mane Katz Museum, Group Exhibition. Haifa, Mane Katz Museum, One-man Retrospective Exhibition
- 1999** New-York, Gregory Gallery, One-man Exhibition
- 2001-2002** Tel-Aviv, Diaspora Museum, One-man Exhibition (Catalogue published)
- 2002** New Jersey, Zimmerli Art Museum, Retrospective Exhibition (Catalogue published)
- 2004** GINA Gallery of International Naive Art, Tel Aviv, Israel:
- 2004** The Na i ve World. Na i vism: Revisited
- 2005** Madrid, Spain, Eboli Galeria de Arte. Il Muestra de Arte Na i f Europeo
- 2005** The Jerusalem Theatre. “Asenyka as seen by the Artist, her Grandfather Yefim Ladizhinsky”
- 2007** Ann Loeb Bronfman Gallery Reconciling Worlds: The Work of Soviet Artist Yefim Ladyzhensky September 6 – December 30, 2007
- 2007** December 2007 – January 2008 Retrospective Exhibition "Yefim Ladyzhensky" in Cetral House of Artist, Moscow

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- стр. 6 Катер Лоцмана холст, темпера 90x100
- стр.8 В арбузной гавани холст, темпера 90x100
- стр. 9 Кафе Печёсского холст, темпера 90x100
- стр. 10 Миньян холст, темпера 90x100
- стр. 11 Мастерская памятников холст, темпера 90x100
- стр. 12 Большая стирка холст, темпера 90x100
- стр. 13 Вечерние новости холст, темпера 90x100
- стр. 14 Похороны директора ЦЕРАБКООПА картон, темпера 60x75
- стр. 15 Шойхет картон, темпера 90x70
- стр. 20 Кровельщики холст, темпера 90x100
- стр. 21 Ремонт Успенской церкви холст, темпера 90x100
- стр. 22 Часовщик Коган холст, темпера 90x100
- стр. 23 Фотография Осиповича холст, темпера 90x100
- стр. 24 Пекарня Коротянского холст, темпера 90x100
- стр. 25 Корнер холст, темпера 90x100
- стр. 26 Китайские рукоделия холст, темпера 90x100
- стр. 28 Пильщики дров холст, темпера 90x100
- стр. 29 Пожар холст, темпера 90x100
- стр. 30 Баня Исаковича холст, темпера 90x100
- стр. 31 Цирюльник Кольтмахтер холст, темпера 90x100
- стр. 32 Три кустаря-одиночки на один патент холст, темпера 90x100
- стр. 33 Чистильщики обуви холст, темпера 90x100

- стр. 34 Мой дядя Шолом холст, темпера 90x100
- стр. 35 Выезд доктора Ворошильского холст, темпера 80x65
- стр. 36 Парикмахерская «Два брата» холст, темпера 80x95
- стр. 37 Школа Столярского холст, темпера 90x100
- стр. 38 Очаковская скумбрия холст, темпера 90x100
- стр. 40 Засолка скумбрии холст, темпера 90x100
- стр. 42 Господин Шпиц и сыновья холст, темпера 90x100
- стр. 48 Пусть будут здоровы жених и невеста холст, темпера 80x65
- стр. 50 На нашей улице свадьба картон, темпера 75x60
- стр. 51 В моём доме свадьба холст, темпера 80x65
- стр. 52 Хула в танцклассе Зингера холст, темпера 90x100
- стр. 53 Под каштанами свадьба холст, темпера 90x100
- стр. 55 Налётчик, его невеста и шаферы холст, темпера 90x100
- стр. 58 На нашей улице опять сменилась власть холст, темпера 90x100
- стр. 59 Петлюра пришёл в город холст, темпера 90x100
- стр. 60 Самооборона в моём доме холст, темпера 90x100
- стр. 62 Самодержавие свергнуто холст, темпера 90x100
- стр. 64 За остродефицитными товарами холст, темпера 90x100
- стр. 65 В пользу инвалидов войны холст, темпера 90x100
- стр. 66 Очереди холст, темпера 90x100
- стр. 68 1921 год в моей семье картон, темпера 70x90

LIST OF ILLUSTRATIONS

- p. 6 The Navigator’s Boat canvas, tempera 90x100
- p. 8 In the Watermelon Harbour canvas, tempera 90x100
- p. 9 Pechyoski’s Cafe canvas, tempera 90x100
- p. 10 Minyan canvas, tempera 90x100
- p. 11 The Tombstone Workshop canvas, tempera 90x100
- p. 12 The Big Laundry canvas, tempera 90x100
- p. 13 The Evening News canvas, tempera 90x100
- p. 14 Central Committee Chairman’s Funeral cardboard, tempera 60x75
- p. 15 Shoihet cardboard, tempera 90x70
- p. 20 Roofers canvas, tempera 90x100
- p. 21 Uspenie Church Renovation canvas, tempera 90x100
- p. 22 Kogan the Watchmaker canvas, tempera 90x100
- p. 23 Osipovich’s Photo canvas, tempera 90x100
- p. 24 Korotyanski’s Bakery canvas, tempera 90x100
- p. 25 Corner canvas, tempera 90x100
- p. 26 Chinese Handicraft canvas, tempera 90x100
- p. 28 Sawing Wood canvas, tempera 90x100
- p. 29 A Fire canvas, tempera 90x100
- p. 30 Isakovich’s Baths canvas, tempera 90x100
- p. 31 Koltmacher the Barber canvas, tempera 90x100
- p. 32 Three Lone Artisans for One Patent canvas, tempera 90x100
- p. 33 Boot Cleaners canvas, tempera 90x100
- p. 34 My Uncle Sholom canvas, tempera 90x100
- p. 35 Doctor Voroshilski’s Departure canvas, tempera 80x65
- p. 36 Hairdresser’s “Two Brothers” canvas, tempera 80x95
- p. 37 Stolyarski’s Music School canvas, tempera 90x100
- p. 38 Ochakovo Mackerel canvas, tempera 90x100
- p. 40 Salting Mackerel canvas, tempera 90x100
- p. 42 Mr. Spitz and Sons canvas, tempera 90x100
- p. 48 Good Health to the Bridegroom and the Bride canvas, tempera 80x65
- p. 50 Wedding in Our Street cardboard, tempera 75x60
- p. 51 Wedding in My House canvas, tempera 80x65
- p. 52 Hoopah in Zinger’s Dance Class canvas, tempera 80x65
- p. 53 Wedding under the Chestnuts canvas, tempera 90x100
- p. 55 Gangster, His Bride and the Best Men canvas, tempera 90x100
- p. 58 New Power in Our Street Again canvas, tempera 90x100
- p. 59 Petlyura Has Come to the City canvas, tempera 90x100
- p. 60 Self-defense in My Home canvas, tempera 90x100
- p. 62 The End of Autocrac canvas, tempera 90x100
- p. 64 Queuing for Deficit Goods canvas, tempera 90x100
- p. 65 For the Benefit of War Invalids Invalids canvas, tempera 90x100
- p. 66 Queues canvas, tempera 90x100
- p. 68 1921 in My Family cardboard, tempera 70x90

стр. 69 На живодерню холст, темпера 90x100

стр. 70 Сахарин в кристаллах и таблетках холст, темпера 90x100

стр. 72 Налётчики едут крутить любовь холст, темпера 80x100

стр. 73 Похороны Веры Холодной холст, темпера 90x100

стр. 75 Здесь живут три дня холст, темпера 90x100

стр. 76 Госпиталь на Пироговской холст, темпера 90x100

стр. 77 Миньян холст, темпера 90x100

стр. 78 Моя улица в 1921 холст, темпера 90x100

стр. 79 Моя улица замерзает холст, темпера 90x100

стр. 81 Ночной налёт холст, темпера 90x100

стр. 82 Воду носили из порта холст, темпера 90x100

стр. 84 Мы заворачиваем конфеты холст, темпера 90x100

стр. 85 Безработные музыканты картон, темпера 87x65

стр. 86 После ночной облавы картон, темпера 90x70

стр. 88 Беспризорные на Глубоком Массиве холст, темпера 90x100

стр. 90 Плитки из лавы Везувия заливают асфальтом холст, темпера 90x100

стр. 92 Синагога холст, темпера 90x100

стр. 94 Толчок холст, темпера 90x100

стр. 97 Самосуд холст, темпера 90x100

стр. 98 Толчок холст, темпера 90x100

стр. 100 Четыре компаньона на одну воблу холст, темпера 90x100

стр. 102 На второе еврейское кладбище холст, темпера 80x65

стр. 106 Ухажёры моей Белки холст, темпера 90x100

стр. 107 Мы варим повидло холст, темпера 90x100

стр. 108 Йоськины голуби холст, темпера 90x100

стр. 110 Наш сосед умер холст, темпера 90x100

стр. 111 Впервые слушаю радио картон, темпера 90x70

стр. 112 Мадам Стиро, её муж – комиссар дома и их сын Яшка картон, темпера 90x70

стр. 114 Мадам Мирвис купила пианино холст, темпера 90x100

стр. 115 Под утро во дворе картон, темпера 90x70

стр. 116 Мои родители спят картон, темпера 65x75

стр. 118 Памяти моего отца (Шива) холст, темпера 90x100

стр. 122 Большая перемена холст, темпера 90x100

стр. 123 Подготовка к праздничному выступлению холст, темпера 90x100

стр. 124 «Мы кузнецы и дух наш молод...» картон, темпера 90x70

стр. 125 В школу приехали бандуристы холст, темпера 90x100

стр. 126 Студия Бершадского холст, темпера 90x100

стр. 128 Лекция по пластической анатомии холст, темпера 90x100

стр. 131 Профессор Лысенков в морге холст, темпера 90x100

стр. 132 Граф Долинский холст, темпера 90x100

стр. 135 Публичка холст, темпера 90x100

стр. 136 Декорация для школьной сцены холст, темпера 90x100

стр. 137 Мой трамвай на демонстрации холст, темпера 90x100

стр. 140 Весна на даче "Отрада" холст, темпера 90x100

стр. 141 На берегу дачи Прокудина холст, темпера 90x100

стр. 142 Лодочная станция совслужащих холст, темпера 90x100

стр. 143 Утром на Ланжероне холст, темпера 90x100

стр. 144 На арбузном дубке картон, темпера 75x60

стр. 144 Мы готовимся к экзаменам картон, темпера 90x70

стр. 145 Каникулы ещё продолжаются холст, темпера 90x100

стр. 146 Хорошо пацаны рисуют холст, темпера 90x100

стр. 147 Маёвка фабрики им. Розы Люксембург холст, темпера 90x100

стр. 150 Монастырские кавуны холст, темпера 80x65

стр. 151 Заморский хлопок холст, темпера 90x100

стр. 152 С крейсера «Октябрьская революция» на «Кармен» холст, темпера 90x100

стр. 153 Крымско-кавказская линия холст, темпера 90x100

стр. 154 В дальний рейс холст, темпера 90x100

стр. 156 Бессарабское вино холст, темпера 90x100

стр. 157 Керченская сельдь холст, темпера 90x100

стр. 160 Городские меломаны холст, темпера 90x100

стр. 161 Кафе бывший Фанкони холст, темпера 70x90

стр. 162 После трудового дня холст, темпера 90x100

стр. 163 Заезжий двор холст, темпера 90x100

стр. 164 Там, где пересекаются трамвайные линии холст, темпера 90x100

стр. 167 Дорогой Саррочке от Фимы холст, темпера 90x100

p. 69 To the Slaughterhouse canvas, tempera 90x100

p. 70 Saccharin in Crystals and Tablets canvas, tempera 90x100

p. 72 Bandits Are Driving to Make Love canvas, tempera 90x100

p. 73 Vera Kholodnaya's Funeral canvas, tempera 90x100

p. 75 They Live for Three Days Here canvas, tempera 90x100

p. 76 The Hospital on Pirogovskaya str canvas, tempera 90x100

p. 77 Minyan canvas, tempera 90x100

p. 78 My Street in 1921 canvas, tempera 90x100

p. 79 My Street Is Frozen canvas, tempera 90x100

p. 81 A Night Raid canvas, tempera 90x100

p. 82 People Carried Water from the Port canvas, tempera 90x100

p. 84 We Are Wrapping Candies canvas, tempera 90x100

p. 85 Workless Musicians cardboard, tempera 87x65

p. 86 After a Night Raid cardboard, tempera 90x70

p. 88 Waifs at the Deep Tract canvas, tempera 90x100

p. 90 Tiles Made of Vesuvius Lava Are Being Covered with Asphalt canvas, tempera 90x100

p. 92 Synagogue canvas, tempera 90x100

p. 94 Flee Market canvas, tempera 90x100

p. 97 Mob Justice canvas, tempera 90x100

p. 98 Flee Market canvas, tempera 90x100

p. 100 Four Companions And One Vobla canvas, tempera 90x100

p. 102 To the Second Jewish Cemetery canvas, tempera 80x65

p. 106 My Belka's Admirers canvas, tempera 90x100

p. 107 We Are Making Stewed Fruit canvas, tempera 90x100

p. 108 Yoska's Pigeons canvas, tempera 90x100

p. 110 Our Neighbor Has Died canvas, tempera 90x100

p. 111 I'm Listening to the Radio for the First Time cardboard, tempera 90x70

p. 112 Madam Stiro, Her Husband the House Commissar and Their Son Yashka cardboard, tempera 90x70

p. 114 Madam Mirwis Has Bought a Piano canvas, tempera 90x100

p. 115 Early Morning in the Yard cardboard, tempera 90x70

p. 116 My Parents Are Sleeping cardboard, tempera 65x75

p. 118 To the Memory of My Father (Shiva) canvas, tempera 90x100

p. 122 The Big Recess canvas, tempera 90x100

p. 123 Preparation for a School Performance canvas, tempera 90x100

p. 124 “We Are Smiths and Our Spirit is Young...” cardboard, tempera 90x70

p. 125 Pandora-players Have Come to the School canvas, tempera 90x100

p. 126 Bershadski’s Studio canvas, tempera 90x100

p. 128 Plastic Anatomy Lecture canvas, tempera 90x100

p. 131 Professor Lysenkov in the Morgue canvas, tempera 90x100

p. 132 Count Dolinskiy canvas, tempera 90x100

p. 135 The Public Library canvas, tempera 90x100

p. 136 Scenery for a School Performance canvas, tempera 90x100

p. 137 My Tram on a Demonstration canvas, tempera 90x100

p. 140 Spring in the "Otrada" Country House canvas, tempera 90x100

p. 141 On the Beach at Prokoudine's Country House canvas, tempera 90x100

p. 142 Soviet Workers' Boat Station canvas, tempera 90x100

p. 143 Morning on Lanzheron canvas, tempera 90x100

p. 144 Oaken Boat with Watermelons cardboard, tempera 75x60

p. 144 We Are Preparing for Exams cardboard, tempera 90x70

p. 145 Vacation still proceeds canvas, tempera 90x100

p. 146 The Guys Can Draw canvas, tempera 90x100

p. 147 May Day at the Rose Luxembourg cardboard, tempera 90x100

p. 150 Monastery Watermelons canvas, tempera 80x65

p. 151 Foreign Cotton canvas, tempera 90x100

p. 152 From the Cruiser “The October Revolution” to “Carmen canvas, tempera 90x100

p. 153 The Crimea-Caucasus Line canvas, tempera 90x100

p. 154 Going on a Long Voyage canvas, tempera 90x100

p. 156 Bessarabian Wine canvas, tempera 90x100

p. 157 Kerch Herring canvas, tempera 90x100

p. 160 City Music Lovers canvas, tempera 90x100

p. 161 Ex-Fanconi’s Cafe canvas, tempera 70x90

p. 162 After a Working Day canvas, tempera 90x100

p. 163 Inn canvas, tempera 90x100

p. 164 Where Tram Lines Meet canvas, tempera 90x100

p. 167 To Dear Sarrah from Fima canvas, tempera 90x100

стр. 168 Карусель в парке трезвости
холст, темпера
90x100

стр. 169 В парке трезвости
холст, темпера
90x100

стр. 170 Наш театр горит
холст, темпера
90x100

стр. 171 Человек попал под трамвай
холст, темпера
90x100

стр. 172 Цыгане пришли в город
холст, темпера
90x100

стр. 173 Манька-рыбачка
холст, темпера
90x100

стр. 174 Вальс «Амурские волны»
холст, темпера
90x100

стр. 178 За кем будет победа
холст, темпера
90x100

стр. 179 Ранним утром
холст, темпера
70x90

стр. 180 Кафе Робина
холст, темпера
90x100

стр. 181 Трактир
холст, темпера
90x100

стр. 182 Когда снег выпадал на
Дерибасовской
холст, темпера
90x100

стр. 184 Биржа на Старом Базаре
холст, темпера
90x100

стр. 185 Утро у биржи труда
холст, темпера
90x100

стр. 186 Ресторан в гостинице
Лондонская
холст, темпера
90x100

стр. 187 Весной в Пале-Рояль
холст, темпера
90x100

стр. 188 Памятник Воронцову
холст, темпера
90x100

стр. 190 На Соборной площади
картон, темпера
90x70

стр. 191 Игра в серсо
холст, темпера
90x100

стр. 192 Переезд на новую
квартиру
холст, темпера
90x100

стр. 193 На углу Чичерина
и Троцкого
холст, темпера
80x95

стр. 194 Депо
холст, темпера
90x70

стр. 195 Трактир Медведь
холст, темпера
90x100

стр. 196 Ресторан на бульваре
Фельдмана
холст, темпера
90x100

стр. 197 Не дрейфь
холст, темпера
90x100

стр. 200 Кабаки на Привозе
холст, темпера
90x100

стр. 201 Пошли дыни
холст, темпера
90x100

стр. 202 Старый базар утром
холст, темпера
90x100

стр. 203 Старый базар вечером
холст, темпера
90x100

стр. 204 Толчок
холст, темпера
90x100

стр. 205 Лотерея Аллегри
холст, темпера
90x100

стр. 206 Живая птица
холст, темпера
90x100

стр. 207 В яичном ряду
холст, темпера
90x100

стр. 208 В рыбном ряду
холст, темпера
90x100

стр. 210 Мясная лавка
холст, темпера
90x100

стр. 211 Утро около мясного
павильона
холст, темпера
90x100

стр. 212 Утром будут торговать
кавунами
холст, темпера
90x100

стр. 213 Уценённые товары
картон, темпера
90x70

стр. 214 У Соловья
холст, темпера
90x100

стр. 215 Горячая пшёнka
картон, темпера
65x75

стр. 216 Спелые кавуны
холст, темпера
90x100

стр. 217 Кавуны на вырез
холст, темпера
90x100

стр. 220 Концерт Шуберта
холст, темпера
100x80

стр. 221 Последние репетиции
холст, темпера
90x100

стр. 222 Музей на Пушкинской
холст, темпера
90x100

стр. 223 Музей природы
холст, темпера
90x100

стр. 224 Смертельный номер
картон, темпера
90x70

стр. 225 5 Гамзатов 5
холст, темпера
100x80

стр. 226 Цирк
картон, темпера
90x70

стр. 229 Браво-Брависимо
холст, темпера
90x100

стр. 230 В театр на спектакль
холст, темпера
90x100

стр. 231 Концерт
картон, темпера
90x70

стр. 232 У нас снимается кино
холст, темпера
90x100

стр. 233 Я Сёма Алебастр – весёлый
куплетист
холст, темпера
90x100

стр. 234 Петрушка на Старом Базаре
холст, темпера
90x100

стр. 236 Зрелище
холст, темпера
90x100

стр. 238 Силач
холст, темпера
90x100

стр. 240 Танц-класс Господина
Зингера
картон, темпера
90x70

стр. 241 Боря – вундеркинд
холст, темпера
80x65

стр. 242 На Базарной площади
холст, темпера
90x100

стр. 245 Биллиард
холст, темпера
90x100

стр. 248 «Наш паровоз вперёд
летит...»
холст, темпера
90x100

стр. 249 Да здравствует 1-ое мая
холст, темпера
90x100

стр. 250 Симхат-Тора
холст, темпера
90x100

стр. 252 Ханука
холст, темпера
90x100

стр. 253 Сукот в нашем доме
холст, темпера
100x80

стр. 254 Нам принесли мацу
холст, темпера
90x100

стр. 256 На вокзале
холст, темпера
90x100

p. 168 Merry-Go-Round in the Sobriety
Park
canvas, tempera
90x100

p. 169 In the Sobriety Park
canvas, tempera
90x100

p. 170 Our Theatre is Burning
canvas, tempera
90x100

p. 171 A Man Got Run Over by a Tram
canvas, tempera
90x100

p. 172 The Gypsies Have Come
to Town
canvas, tempera
90x100

p. 173 Man'ka the Fisherwoman
canvas, tempera
90x100

p. 174 The Waltz "Amur Waves"
canvas, tempera
90x100

p. 178 Who Will Be Victorious
canvas, tempera
90x100

p. 179 Early Morning
canvas, tempera
70x90

p. 180 Robin's Cafe
canvas, tempera
90x100

p. 181 The Inn
canvas, tempera
90x100

p. 182 When Snow Was Falling on
Deribasovskaya Street
canvas, tempera
90x100

p. 184 The Exchange on the Old
Bazaar
canvas, tempera
90x100

p. 185 Morning at the Employment
Agency
canvas, tempera
90x100

p. 186 Restaurant in the London Hotel
canvas, tempera
90x100

p. 187 Spring in Palais Royal
canvas, tempera
90x100

p. 188 Monument to Vorontsov
canvas, tempera
90x100

p. 190 On the Cathedral Square
cardboard, tempera
90x70

p. 191 Playing Hoop
canvas, tempera
90x100

p. 192 Moving to a New Flat
canvas, tempera
90x100

p. 193 The Corner of Chicherin and
Trotsky Streets
canvas, tempera
80x95

p. 194 Depot
canvas, tempera
90x70

p. 195 The Bear Inn
canvas, tempera
90x100

p. 196 Restaraunt on Feldman Blvd
canvas, tempera
90x100

p. 197 Don't Be Afraid
canvas, tempera
90x100

p. 200 Pubs in the Market
canvas, tempera
90x100

p. 201 Melons Have Ripened
canvas, tempera
90x100

p. 202 The Old Bazaar in the Morning
canvas, tempera
90x100

p. 203 The Old Bazaar in the Evening
canvas, tempera
90x100

p. 204 Tolchok
canvas, tempera
90x100

p. 205 Allegry's Lottery
canvas, tempera
90x100

p. 206 Living Fowl
canvas, tempera
90x100

p. 207 In the Egg Row
canvas, tempera
90x100

p. 208 In the Fish Row
canvas, tempera
90x100

p. 210 The Butcher's
canvas, tempera
90x100

p. 211 Morning Near the Meat
Pavilion
canvas, tempera
90x100

p. 212 They'll Be Selling Watermelons
in the Morning
canvas, tempera
90x100

p. 213 Discounted Goods
cardboard, tempera
90x70

p. 214 At the Solovey's
canvas, tempera
90x100

p. 215 Hot Whole Maize
cardboard, tempera
65x75

p. 216 Ripe Watermelons
canvas, tempera
90x100

p. 217 Watermelons
canvas, tempera
90x100

p. 220 Shubert's Concert
canvas, tempera
100x80

p. 221 The Last Rehearsals
canvas, tempera
90x100

p. 222 The Museum on Pushkinskaya
canvas, tempera
90x100

p. 223 Nature Museum
canvas, tempera
90x100

p. 224 Death Trick
cardboard, tempera
90x70

p. 225 5 Gamzatov 5
canvas, tempera
100x80

p. 226 Circus
cardboard, tempera
90x70

p. 229 Bravo-Bravissimo.
canvas, tempera
90x100

p. 230 Going to a Theater Performance
canvas, tempera
90x100

p. 231 Concert
cardboard, tempera
90x70

p. 232 A Cinema's Being Made in Our
Neighborhood
canvas, tempera
90x100

p. 233 I Am Syoma Alabaster – a Funny
Poet
canvas, tempera
90x100

p. 234 Petrushka on the Old Bazaar
canvas, tempera
90x100

p. 236 A Sight
canvas, tempera
90x100

p. 238 A Strong Man
canvas, tempera
90x100

p. 240 Mr. Zinger's Dance Class
cardboard, tempera
90x70

p. 241 Borya the Wonder Child
canvas, tempera
80x65

p. 242 On the Bazaar Square
canvas, tempera
90x100

p. 245 Billiards
canvas, tempera
90x100

p. 248 «Our Steam Engine is Flying
Forward»
canvas, tempera
90x100

p. 249 Hurray for the First of May
canvas, tempera
90x100

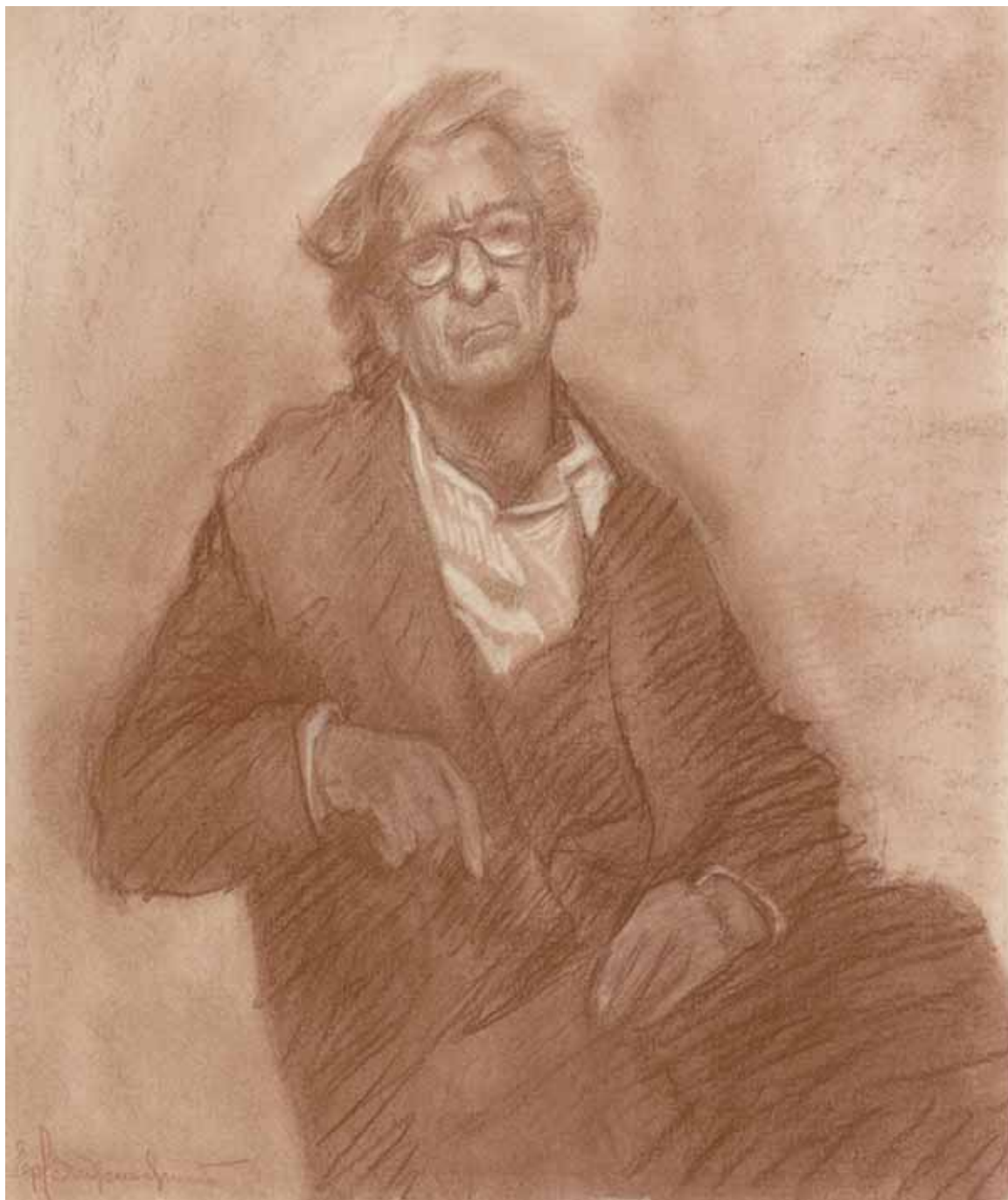
p. 250 Simhat-Torah
canvas, tempera
90x100

p. 252 Hanukkah
canvas, tempera
90x100

p. 253 Sukkot in Our Home
canvas, tempera
100x80

p. 254 We've been Brought Matzos
canvas, tempera
90x100

p. 256 At a Station
canvas, tempera
90x100



Автопортрет
Собрание семьи художника

.....

Self-portrait
Collection of Artist's Family

Человека можно искалечить, но
искусство всё перетерпит и всё победит

А . И . К у п р и н

A man can be maimed, but art will endure
and conquer all.

А . И . К у п р и н